

ФГБУК «Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь»»

State Open-Air Muzeum of Architecture,
History and Etnography «Kizhi»

A. M. Spiridonov, K. E. German, I. V. Mel'nikov

**SOUTH ZAONEZH'E
IN THE X–XVI CENTURIES
(archaeology of the Kizhi pogost centre)**

Petrozavodsk
2012

А. М. Спиридонов, К. Э. Герман, И. В. Мельников

**ЮЖНОЕ ЗАОНЕЖЬЕ
В X–XVI ВЕКАХ
(археология центра Кижского погоста)**

Петрозаводск
2012

УДК 904«653»(470.22)
ББК 63.4(2Рос.Кар)
С72

*Печатается по решению научно-методического совета
музея-заповедника «Кижь»*

Рецензенты:

доктор исторических наук С. И. Кочкуркина
кандидат исторических наук А. М. Жульников

С72 **Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В.** Южное
Заонежье в X– XVI веках (археология центра Кижского погос-
та). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012.
165 с. Ил. 58, табл. 11. Библиогр. 88 назв.

ISBN 978-5-9274-0555-8

В издании публикуются материалы исследований средневеко-
вых памятников археологии острова Кижь и его окрестностей.
Археологические данные позволяют проследить хронологию
и динамику заселения территории на протяжении семи столетий,
социокультурные и хозяйственные аспекты освоения южного
Заонежья. Книга адресуетя археологам, историкам-медиевистам,
музейным работникам, всем интересующимся историей Кижей.

УДК 904«653»(470.22)
ББК 63.4(2Рос.Кар)

ISBN 978-5-9274-0555-8

© А. М. Спиридонов, К. Э. Герман, И. В. Мельников, 2012
© ФГБУК «Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижь“», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние десятилетия в европейской части России выполнен ряд региональных и микрорегиональных исследований, включающих археологическое выявление с той или иной степенью полноты и выборочные раскопки средневековых сельских поселений, изучение на этой основе локальных поселенческих и административных структур, реконструкцию средневековых ландшафтов и систем хозяйства с привлечением исторических данных и данных естественных наук (историографические обзоры см.: [Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 8–11; Макаров, 2008. С. 5–15]). Характерной чертой почти всех этих исследований является исключительное или преимущественное внимание к памятникам древнерусского времени, ориентация на проблематику славянской колонизации территорий Русской равнины. На Севере Восточной Европы, за пределами основной территории Древнерусского государства, подобные разработки редки. Эти земли колонизовались в иные сроки, в иных природно-климатических, историко-политических и этнокультурных условиях, с использованием специфических для Севера форм хозяйственного освоения территорий.

В бассейне Онежского озера работы по изучению средневековых сельских поселений в указанном русле были начаты на рубеже 1980–1990-х гг., прерваны в 1990-е и возобновились с начала 2000-х гг. При определении стратегии полевых работ, в том числе в районе Кижей, опорным для нас послужил вывод М. В. Витова [1962], сделанный на основании анализа писцовых книг Заонежской половины Обонежской пятины конца XV–XVI в.: ядрами крестьянской колонизации, подвергшимися освоению раньше иных мест, были центральные части территорий погостов, которые в позднем Средневековье являлись районами наиболее плотного заселения. К настоящему времени археологическому обследованию

дованию с выборочными раскопками памятников подвергнуты центры пяти погостов на северном и западном побережьях Онежского озера: Петровского Челмужского, Георгиевского Толвуйского, Никольского Шунгского, Спасо-Преображенского Кижского и Никольского Шуйского. Самый общий обзор итогов этих работ опубликован [Спиридонов, 2011. С. 173–176].

Специальное внимание авторов к материалам, полученным в центре Спасо-Преображенского Кижского погоста, и решение об их отдельной подробной публикации и анализе вызваны несколькими обстоятельствами. Дело здесь не столько в том, что Кижские погосты пользуются мировой известностью, а ансамбль церквей на погосте-месте (по М. В. Витову) включен в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Причины, по которым авторы решили монографически опубликовать сравнительно скромные (20 памятников) материалы и исследование по средневековой археологии Кижской земли, следующие. Во-первых, начальные этапы истории заселения этого погоста (территории южного Заонежья), в противоположность другим (Шунгскому и Толвуйскому) заонежским погостам, не нашли вообще никакого отражения в немногочисленных дошедших до нас и выявленных на сегодня актах и берестяных грамотах конца XIV–XV в. Древнейшим письменным источником по истории данной территории является Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1563–1566 гг. [ПКОП, 1930]. Это придает археологическим источникам (четко локализованным, классифицированным, датированным) особую познавательную ценность. Во-вторых, центр Кижского погоста и ранее, а особенно с образованием в начале 1960-х гг. музея-заповедника, подвергся в Новейшее время меньшему и более щадящему хозяйственному освоению, чем смежные территории. Это во многом обусловило относительно высокую результативность археологической разведки средневековых памятников. В-третьих, для Заонежья еще в 1950–1970-х гг. был проведен сбор, систематизация и обстоятельный анализ сведений о сельских

поселениях, содержащихся в писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв., более поздних источниках [Витов, 1962; Витов, Власова, 1974], что существенно облегчило работу по локализации исторических поселений на местности. В-четвертых, в Заонежье собраны и на широком фоне проинтерпретированы обильные лексические материалы по местному русскому говору [Герд, 1989. С. 206–213; Мызников, 2003], а также подробно изучены данные по вепско-карельской и русской топонимии [Муллонен, 2002, 2003, 2009]. В палитре перечисленных источников (мы не упомянули исследования в области фольклора и этнографии этого былинного края) явно не хватает археологии.

Настоящая книга и является археологической – ее задачами ставились прежде всего публикация собранного авторами в ходе полевых исследований материала и его анализ – доведение до уровня археологических источников. Цель синтеза полученных и проанализированных археологических данных и других перечисленных источников специально не ставилась. Применительно к выводам, полученным разделами исторической лингвистики, такой синтез вряд ли имеет смысл для узколокальной территории южного Заонежья, хотя надеемся, что выводы археологов о хронологии и динамике заселения территории не останутся без внимания лингвистов. При этом в последнем разделе работы «Средневековые поселения как источник по истории заселения центра Спасо-Преображенского Кижского погоста» мы не могли не привлечь для сопоставлений исторические (письменные) данные и полученные в 2000-е гг. результаты геолого-палинологических изысканий.

Полевые работы были проведены в 2001–2009 гг. в рамках плановых научных тем музея-заповедника «Кижы» и Петрозаводского государственного университета. В 2003–2005 гг. наши исследования получили поддержку Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-01-00056а). Авторы выражают искреннюю признательность коллегам-археологам и сотрудникам музея-заповедника «Кижы» за помощь и поддержку.

1. КАТАЛОГ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ЦЕНТРА СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО КИЖСКОГО ПОГОСТА

1. Селище Кижский погост (см. рис. 1:9)

Поселение располагается примерно в 150 м к югу от ансамбля церковей Кижского погоста, на участке, преимущественно занятом огородами, частью – лугом и примыкающем с юго-востока к дому крестьянина Ошевнева, входящему в экспозицию музея-заповедника. Культурный слой селища разрушен многолетней распашкой. В 1991 г. и затем неоднократно в 2000-е гг. на пашне были проведены сборы подъемного материала, в ходе которых собрано более 80 фрагментов красно- и белоглиняной гончарной керамики. Площадка, на которой встречались находки, имеет размеры примерно 100 x 30–35 м, вытянута параллельно берегу озера и удалена от него на 30–40 м. Среди собранных фрагментов выделяются верхние профильные части минимум 5 средневековых белоглиняных горшков типа 1*, найдены также венчики керамики Нового времени (типа 4) (см. рис. 2) [Спиридонов, А1991].

2. Селище Наволок (см. рис. 1:8)

Поселение находится на юго-восточном берегу о. Киж, в 1 км к северо-западу от ансамбля церковей на погосте, и занимает основание небольшого песчаного мыса (местное название – Наволок, в XIX в. – д. Дудкин Наволок) высотой всего 0,5–1 м над уровнем воды в озере. Площадка памятника занята огородами, в западной части – домом крестьянина Яковлева, входящим в экспозицию музея-заповедника и установленным на современном месте в 1966 г. Селище вытянуто параллельно мысу с запада на восток, его размеры составляют 70 x 30–35 м. В 1990-х гг. на распахиваемой части селища неоднократно производились сборы подъемного материала, в 2000–2002 гг. примерно в центре памятника вскрыто 136 кв. м (см. рис. 3).

---

* См. раздел «Инвентарь и хронология поселений».

Культурный слой поселения мощностью 35–45 см, переотложенный на всю глубину в ходе позднейшей застройки и распашки, разбирался тремя условными горизонтами по 10–15 см. В подошве 2-го горизонта на границе кв. А, Б–2,3 расчищены 5 некрупных валунов, лежавших в ряд и, возможно, трассирующих стену какой-то постройки. На кв. А-5 и Б, В-5 во 2–3-м горизонтах выявлены разрушенные основания печей – развалы обожженных камней или битых кирпичей в насыщенном углем слое. В основном остатки разновременных сооружений открылись в раскопе только на уровне желтого материкового песка, в который уходили 12 западаний слоя (см. рис. 4).

Ямы № 1, 2, 6 и 10 практически не содержали находок, их возраст и характер неопределимы. Остальные западания хронологически группируются следующим образом.

Ямы № 3, 9, 11, углублявшиеся в материк на 30–40 см, были заполнены серой супесью, не отличавшейся от залежавшего выше пахотного слоя, в заполнениях встречены куски кровельного шифера, битый кирпич, осколки оконного стекла, винной тары, фарфора, фаянса. Эти западания явно связаны с освоением площадки у основания мыса в Новое и Новейшее время.

На месте ямы № 4 во 2–3-м горизонтах на площади около 5 кв. м был расчищен развал сильно обожженных камней вперемешку с кусками обожженной глины. Выявленная под ними яма уходила в материк до 50 см и была заполнена серой супесью с обожженными камнями, кусочками печины и вкраплениями сырой глины. В заполнении найдены фрагменты чернолощеной и поливной керамики, осколки фарфора и фаянса, более 100 осколков винных бутылей и штофов, около 70 черепков бело- и красноглиняных горшков, кости, обрезок оконной слюды. По этим находкам из заполнения ямы остатки печи можно датировать XVIII – первой половиной XIX в.

Яма № 5 имела глубину до 30 см, была заполнена светло-серой супесью, в которой найдены 2 фрагмента красноглиняных круговых сосудов, 3 – белоглиняных и 11 крупных черепков грубого лепного горшка. Яма, очевидно, раннесредневекового возраста, ее заполнение было нарушено в развитом Средневековье.

Яма № 7 уходила в материк на глубину до 50 см, была заполнена темно-серой супесью с отдельными обожженными камнями, на дне ямы залежала истлевшая щепка. В заполнении встречены более 120 фрагментов в основном красноглиняных горшков, 2 пластинки слюды, железный шлак, кости. Судя по облику керамики, западание (след разрушенного основания печи?) относится к несколько более раннему времени, чем два предыдущих, – ориентировочно к XVII в.

Яма № 8 также углублялась в материк до 50 см. В верхней части она была заполнена темно-серой супесью с угольками, отдельными обожженными камнями и кусочками печины. На глубине 20 см от поверхности материка в центре ямы расчищена прямоугольная кладка из некрупных обожженных камней размерами 90х60 см, вытянутая в направлении З–В. На дне западания лежала обработанная гранитная плита. Судя по находкам в заполнении (фрагменты бело- и красноглиняных горшков, осколки винных бутылей, пластинки оконной слюды, кости), эти остатки печи можно датировать XVIII – первой половиной XIX в.

Яма № 12 углублялась в материк до 30 см и была заполнена плотной темно-серой супесью, в которой встречались отдельные обожженные камни и кусочки печины. Находки: 14 фрагментов красноглиняных горшков, 2 – белоглиняных и сланцевый точильный брусок. Назначение западания неопределенно, по керамике оно относится к периоду развитого Средневековья.

Сведения об инвентаре раскопа с раскладкой по горизонтам приводятся в табл. 1.

Как видно из таблицы, число находок в раскопе уменьшалось от первого горизонта к матерiku прежде всего за счет сокращения в культурном слое количества разного рода близкого к современности (Новое и Новейшее время) бытового мусора. Несмотря на нестратифицированность слоя, послойная статистика все же отражает некоторые хронологические изменения в составе инвентаря, в частности технологических групп керамики. В 1-м горизонте доминируют белоглиняная и поливная посуда, во 2-м – существенно увеличивается процент фрагментов красноглиняных горшков, а в предматерике последние преобладают.

Таблица 1

Инвентарь раскопа на селище Наволок

№	Категории инвентаря	1 гор.	2 гор.	3 гор.	Ямы	Всего
1	Осколки оконного стекла	458	204	39	9	710
2	Осколки бутылочного стекла	508	286	131	132	1057
3	Осколки фарфора, фаянса	332	174	61	29	596
4	Кости животных	209	252	63	73	597
5	Фрагменты поливной керамики	307	205	61	28	601
6	Фрагменты белоглиняной гончарной керамики	750	569	235	79	1633
7	Фрагменты красноглиняной гончарн. керамики	402	447	439	196	1484
8	Фрагменты чернолощеной керамики	11	27	4	-	42
9	Фрагменты лепной керамики	-	2	3	11	16
10	Обломки листовой меди	1	2	-	-	3
11	Фрагменты чугунных котлов	-	9	1	-	10
12	Неопределенные железные предметы	6	4	9	1	20
13	Железные гвозди	251	136	74	22	483
14	Железные шлаки	9	12	5	1	27
15	Железные детали дверного снаряда	3	3	2	-	8
16	Кресало	-	1	-	-	1
17	Железный нож	-	1	-	-	1
18	Железная подковка	1	-	-	-	1
19	Железная пряжка	-	1	-	-	1
20	Точильные бруски	1	-	-	1	2
21	Куски кремня	1	1	-	-	2
22	Обломок костяного кочедыка	1	-	-	-	1
23	Обломок костяной шахматной фигуры	1	-	-	-	1
24	Обломок стебля курительной трубки	1	-	-	-	1
25	Янтарный нательный крест	-	1	-	-	1
26	Бронзовые перстни	1	1	-	-	2
27	Медные монеты	7	4	4	-	15
Итого		3261	2342	1131	582	7316

Типологически в коллекции с селища Наволок выделяются несколько культурно-хронологических комплексов, которые соответствуют последовательным этапам заселения площадки основания мыса, занятой памятником.

К раннесредневековому комплексу относятся 16 фрагментов от 3 грубых лепных неорнаментированных сосудов, из которых 14 происходят от одного горшка и связаны с ямой № 5 на кв. В-4, еще 2 фрагмента найдены в 4–6 м к востоку и юго-востоку от нее. В 3,5 м к юго-западу от скопления лепной керамики обнаружено калачевидное кресало с язычком. Примерно на этом же весьма ограниченном по площади участке в 1990-х гг. на пашне был найден обломок бронзовой спиралеконечной фибулы с треугольным сечением дуги. С комплексом лишь предположительно могут быть связаны также найденные куски листовой меди (один с заклепкой) – обломки котлов (см. рис. 5).

К комплексу периода развитого Средневековья из остатков сооружений может быть отнесена лишь описанная выше яма № 12. В инвентаре, в целом равномерно рассеянном по площади раскопа, с комплексом связаны немногочисленные индивидуальные находки: янтарный нательный крест, по крайней мере один из двух найденных перстней, из сборов на пашне происходит вислая свинцовая печать. Возможно, к данному комплексу относятся также обломки костяных кофедька и шахматной фигурки (см. рис. 5).

В коллекции керамики, собранной на селище, к средневековому комплексу следует отнести значительное количество бело- и красноглиняных гончарных сосудов. Белоглиняная средневековая керамика представлена минимум 140 фрагментами, находки которых тяготели ко второму-третьему горизонтам культурного слоя. Судя по верхним профильным частям, они происходят примерно от 25 горшков, относящихся к типам 1 и 2 (см. рис. 9). К средневековому комплексу следует отнести также фрагменты минимум 6 кувшинов с ручками и 3 крышек сосудов (см. рис. 10).

Среди красноглиняной посуды к комплексу периода развитого Средневековья по типологическим признакам можно уверенно отнести группу из 11 венчиков горшков типа 2 (см. рис.

7:1–3). К той же технологической группе красноглиняной керамики принадлежит серия из примерно 25 венчиков керамики иных типов (см. рис. 7:8–12). Хронологически они точно не определимы и частью могут относиться к комплексу селища Нового времени. Планиграфически находки бело- и красноглиняной средневековой керамики слабо тяготели к западной части вскрытой площади.

Комплекс Нового времени включает описанные выше ямы № 4, 7, 8, по количеству находок он превосходит более ранние и значительно разнообразнее по составу. При этом для массовых категорий вещей возникают понятные трудности при отделении материалов данного комплекса от хронологически смыкающихся с ними, но еще более поздних, близких к современности находок. Это касается большей части железного инвентаря (см. рис. 6), а также сильно измельченных обломков винной тары, фаянсовой и фарфоровой посуды. Среди последней лишь в нескольких фрагментах фарфоровых чайных блюд и чашек, украшенных характерной подглазурной росписью в так называемом китайском стиле, распознаются подражания продукции мейсенских фабрик. Из общей массы осколков винной тары к этому комплексу по морфологическим и технологическим признакам следует отнести фрагменты примерно 30 бутылей и штофов стандартных форм, изготовленных преимущественно из зеленого стекла. Практически всю поливную керамику, собранную в раскопе, можно датировать лишь суммарно XVIII–XX вв. Среди черепков поздней столовой керамической посуды в коллекции уверенно датируются временем не позднее XVIII в. фрагменты чернолощеной керамики, видимо, московского производства, происходящие минимум от 4 сосудов. Чернолощеная керамика концентрировалась преимущественно у ям № 2–4.

Более определенно выделяются материалы Нового времени в массе черепков грубой кухонной посуды. В технологической группе белоглиняной керамики это прежде всего большая серия фрагментов от более чем 100 тонкостенных горшков (около десятка изготовлены из красножгущейся глины) вариантов

типа 4 (см. рис. 11). В группе красноглиняной керамики к рубежу Средневековья – Нового времени относится серия из 45–50 горшков вариантов типа 5 (см. рис. 8).

Среди индивидуальных датирующих находок с комплексом связана большая часть мелких медных монет номиналами от полушки до 2 копеек. Всего из раскопок и сборов их 37 экземпляров. Определимые монеты из коллекции распределяются по датам чеканки следующим образом: 1718, 1719, 1734, 1735, 1740, 1749, 1750 (2), 1757, 1760, 1767, 1768, 1769, 1770, 1771 (2), 1775, 1792, 1797, 1812, 1815, 1819(2), 1826, 1840, 1841, 1849, 1855, 1860, 1861, 1862, 1884, 1931, 1970. Следует отметить также обломок стебля (чубука) белоглиняной курительной трубки. Возможно, отнесение к данному комплексу точно не датируемых обломков костяных шахматной фигурки и кочедыка, а также бронзового перстня с отсутствующей вставкой из стекла или камня. Находки комплекса Нового времени равномерно распределялись по вскрытой площади [Спиридонов, Герман, Мельников, Манюхин, 2003. С. 243–260].

3. Селище Васильево 1 (см. рис. 1:7)

Поселение находится на западном берегу о. Кижы, примерно 1 км к северо-северо-западу от ансамбля церквей на погосте и в 250 м к северу от теплоходной пристани. Оно располагается на пологом занятом лугом склоне берега и отделено от него заросшей кустарником и частью заболоченной низиной. Высота площадки селища составляет 1–2,5 м над уровнем воды, площадь – около 2500 кв. м. Культурный слой памятника (серая гумусированная супесь с примесью кусочков пачины и отдельными обожженными камнями мощностью до 25 см) переотложен. В шурфе размерами 2 x 2 м встречено 11 фрагментов красно- и белоглиняной керамики. Верхние профильные части среди них отсутствовали, однако по характерным технологическим признакам собранную белоглиняную керамику следует отнести к периоду позднего Средневековья [Спиридонов, А1991].

4. Селище Васильево 2 (см. рис. 1:5)

Памятник располагается на западном берегу о. Кижы, на удалении 1,7 км к северу от ансамбля церквей на погосте, на южной окраине д. Васильево, в его границах находится часовня Успения Пресвятой Богородицы, построенная в начале XVIII в. Площадка памятника вытянута вдоль берега полосой примерно 80 x 35 м, полого спускается в сторону озера от 2,5 до 1 м. Большая часть площадки в прошлом (до строительства Успенской часовни) распаивалась, в настоящее время она занята лугом (см. рис. 12).

Раскопки на памятнике проводились в 2003–2006 и 2009 гг. (последний год – спасательные раскопки в рамках проекта реставрации Успенской часовни, предусматривавшего ее «раскатку» и полную переборку). Двумя раскопами в центральной части памятника было вскрыто 440 кв. м. Соединению раскопов, которое было желательно, воспрепятствовала «ровница» – гряда крупных и мелких валунов, собранных при расчистке участка под пашню и сенокос.

Раскоп 1 площадью 358 кв. м охватил центральную часть поселения вокруг и под восточной частью Успенской часовни. Культурный слой разбирался условными горизонтами примерно по 10 см, повторявшими естественный уклон площадки к берегу озера. Он имел максимальную мощность на участке, ограниченном кв. Г-3 – 4–7 (здесь было снято до 5–6 горизонтов), однако и на этом участке слой нельзя признать в полной мере стратифицированным, во всяком случае повсеместно, вследствие нового строительства и перекопов в эпоху Средневековья, при строительстве часовни в начале XVIII в., ремонтных и реставрационных работах в XIX–XX столетиях. Верхняя часть слоя (до 20 см от дневной поверхности), за исключением, видимо, квадратов непосредственно под часовней и вплотную примыкающих к ней, некогда подвергалась неглубокой распахке (см. рис. 13, 14).

Первый и второй горизонты слоя были пройдены преимущественно в однородном слое темно-серой слабо гумусированной супеси с галькой, отдельными обожженными колотыми камнями и кусочками печины, причем в западной и восточной частях

раскопа (линии 1-2, 10-12, кв. О,Н – 7-11) вторым горизонтом культурный слой был исчерпан полностью до материкового серого суглинка. На кв. В-4 в подошве второго горизонта на площади около 1 кв. м были расчищены несколько некрупных валунов, частью со следами пребывания в огне, вокруг и между которых встречены крупные куски пещины, обожженной до кирпичной твердости. Здесь зафиксировано скопление из 19 фрагментов лепного неорнаментированного горшка. При снятии третьего горизонта под остатками этой отопительной конструкции открылась округлая яма (№ 1) размерами 60 x 40 см, глубиной до 10 см от поверхности материка. Яма была заполнена серой супесью, в которой залегали 5 некрупных камней, несколько кусков сильно обожженной пещины и 2 фрагмента подправленного на подставке венчика того же сосуда, обломки которого были встречены во втором горизонте. На кв. Д-1 в угол раскопа уходила яма (№ 2) максимальной глубиной до 30 см от материка, заполненная углистой супесью с обожженными и расколовшимися камнями. Находки в заполнении отсутствовали.

В северо-западной части раскопа, исследовавшейся после разборки Успенской часовни для реставрации, на кв. З-О – 7-10 в первом и втором горизонтах были расчищены несколько кладок из некрупных (размерами до 20 x 30 см) валунов протяженностью 2-4 м и две полосы древесного тлена, ориентированные по линии север-юг. Все эти остатки сооружений, выявленные в пределах современного каменного на известковом растворе фундамента Успенской часовни и ориентированные практически строго по сторонам света, можно связать либо с часовней XVIII в. до ее первоначальной реставрации в ходе создания музея-заповедника, либо с часовней-предшественницей. На кв. Ж-4,5, З-3,4, К-3 и З-И – 7 выявлены скопления колотых обожженных камней, залежавших в углистом слое (см. рис. 13).

Собранный в первом-втором горизонтах инвентарь в целом равномерно распределялся по вскрытой площади. Находки Нового времени и близкие к современности (осколки стекла, фаянса, поливной керамики, железные гвозди, монеты XVIII-XIX вв. – см. табл. 2), несмотря на близость совре-

менной деревни, были немногочисленны и планиграфически в основном тяготели к Успенской часовне. В массе своей находки были представлены фрагментами бело- и красноглиняной керамики, отдельными индивидуальными находками эпохи Средневековья и сравнительно немногочисленными обломками лепной раннесредневековой посуды. Концентрация находок средневековой гончарной керамики несколько возростала на полосе длиной около 15 м, протянувшейся через раскоп между кв. В-1 и Е,Ж-5, что, вероятно, отражает застройку поселения в соответствующий период.

В третьем-четвертом горизонтах на кв. Е-И-3 на протяжении 7,5 м отмечено пятно сырой серой глины с вкраплениями обожженной пещины и отдельных угольков мощностью 10–18 см, уходящее в северо-восточную стенку раскопа. На кв. Е-И – 3-5 и К-3 продолжена расчистка развалов обожженных колотых камней, залегающих в углистом слое с примесью кусочков пещины. На кв. Н,О – 3,4 на материке были отмечены 2 параллельные полосы серой супеси мощностью 1–2 см, ориентированные запад – восток – вероятно, следы истлевших бревен. На кв. Г, Д-7 открылось обширное пятно с вкраплениями сырой, местами слабо обожженной (розового оттенка) глины, суммарная мощность которого в двух горизонтах составила 10–12 см. Находки в глине отсутствовали. С севера это пятно было окаймлено полосой углистого слоя шириной до 30 см, у южной границы пятна на протяжении 1 м прослежена полоса древесного тлена, ориентированная запад – восток. В подошве четвертого горизонта на кв. Д-7 под глиной открылось овальное пятно древесного угля размерами 2 x 1,1 м, на границе кв. Г-7, 8 прослежена узкая полоса древесного тлена, ориентированная север – юг. На этом же участке (кв. Г-Е – 6–9) в третьем-четвертом горизонтах отмечена повышенная концентрация бело- и красноглиняной гончарной керамики и индивидуальных средневековых находок.

На кв. З, И – 6, 7 в третьем горизонте была продолжена расчистка развала пережженных средних размеров и мелких камней, залегающих в углистом слое. Вокруг нее был

выявлен прямоугольник из полос древесного тлена размерами 3 x 2,3 м, ориентированный по сторонам света. В четвертом горизонте в пределах этой истлевшей деревянной конструкции под камнями кладки открылось пятно пережженных до состояния дресвы камней в насыщенном углем слое. Ниже на уровне материка на этом участке по контуру тлена выявлены 3 небольших округлых ямки, вероятно, от столбиков. Во всех горизонтах находки в пределах контура отсутствовали (лишь в предматерике встречены 7 обломков костей), что практически исключает средневековый возраст сооружения, которое более всего напоминает остатки печикаменки с бревенчатым опечком, но явно не бытового назначения, скорее может быть связано с часовней Нового времени.

Пятый и шестой горизонты снимались лишь на участке кв. Е–И – 3–8, на остальной поверхности раскопа проступил материк. На кв. Е–И – 3 под обширной линзой сырой стерильной глины открылся слой серой супеси с галькой, местами содержащей значительную примесь угля. Здесь на кв. 3–3 в предматерике был взят образец для анализа на С-14, давший дату 775+–25 л. н. (ЛЕ-7376).

Яма № 3 на кв. 3–К – 3–5 неправильных очертаний в плане, размерами 2,4 x 1,5 м, глубиной до 30 см от поверхности материка, была заполнена серой супесью с камнями, с примесью угля, кусочков пачины и истлевшего дерева. В заполнении найдены фрагмент белоглиняной, 5 – красноглиняной средневековой керамики, бронзовый перстень, неопределенный железный предмет, 2 трубчатых кости и 2 монеты – копейка начала XVIII в. и 2 копейки 1852 г. Радиоуглеродный анализ образцов угля из ямы дал даты 660+–50 л. н. (ЛЕ-8907) и 510+–30 л. н. (ЛЕ-7377). Яма вместе с перекрывавшим его во втором–пятом горизонтах развалом обожженных камней вперемешку с углем и кусками глиняной обмазки, представляет собой остатки средневековой печи, ее заполнение, очевидно, было нарушено в Новое время в ходе функционирования и подновлений Успенской часовни (яма вплотную примыкает к фундаменту).

Яма № 4 на кв. К – 6,7 округлая в плане, котловидная в профиле, глубиной до 30 см от материка, была заполнена углистой супесью с пережженными камнями. Вещевых находок в заполнении не встречено, взятый образец угля для анализа на С-14 дал дату 1100+–30 л. н. (ЛЕ-8906). Северный край ямы разрушен фундаментом часовни.

Полные сведения о составе находок в раскопе 1 приводятся в табл. 2.

Количество находок уменьшалось от горизонта к горизонту прежде всего за счет сокращения вскрываемой площади, поскольку на окраинных линиях квадратов культурный слой в раскопе был исчерпан уже вторым горизонтом, а пятый и шестой горизонты снимались лишь на небольшом участке в центре раскопа (см. табл. 2). При этом количество индивидуальных средневековых находок в третьем–пятом горизонтах слоя не уменьшалось, а, напротив, несколько увеличивалось.

Перечисленный в нижней части табл. 2 каменный инвентарь нуждается в особом обсуждении. Планиграфически указанные находки были равномерно рассеяны по вскрытой площади и собраны преимущественно в первом и втором горизонтах культурного слоя. В коллекции достаточно уверенно определяются как орудия кремневый скребок, скобель из прозрачного кварца и три нуклеидных куски кварца. Техника расщепления кварца, куски и отщепы которого наиболее многочисленны в находках, в целом бессистемна*. Учитывая наличие в коллекции также отщепов кремня и местного лидита, не исключаем вероятности того, что на памятнике присутствует скудный досредневековый комплекс. В этом случае, с учетом результатов исследований расположенных неподалеку поселений Керкостров 2–5 (см. ниже), можно предположительно отнести находки каменного инвентаря в раскопе к эпохе энеолита, когда в какой-то период уровень воды в Онежском озере был равен современному или даже ниже его.

---

* Благодарим научного сотрудника сектора археологии Института ЯЛИ КарНЦ РАН А. Ю. Тарасова за консультацию.

Таблица 2
Инвентарь раскопа 1 на селище Васильево 2

№	Категории инвентаря	1 гор.	2 гор.	3 гор.	4 гор.	5 гор.	6 гор.	Ямы	Всего
1	Осколки стекла	34	5	1	-	-	-	-	40
2	Осколки фаянса	8	3	-	-	-	-	-	11
3	Фрагменты поливной керамики	43	6	1	-	1	-	-	51
4	Фрагменты белоглиняной гончарной керамики	625	563	338	138	37	6	16	1723
5	Фрагменты красноглиняной гончарной керамики	266	240	167	157	54	13	17	914
6	Фрагменты лепной керамики	16	42	21	8	3	2	2	94
7	Гвозди (железо)	153	120	42	30	14	1	1	361
8	Неопределенные предметы и их обломки (железо)	15	16	9	9	3	-	-	52
9	Обломки бронзового листа	1	1	4	4	-	-	-	10
10	Обломки дужек котлов (железо)	-	-	1	3	-	-	-	4
11	«Выплеск» бронзы	-	-	1	-	-	-	-	1
12	Куски шлака	9	17	8	1	3	-	-	38
13	Точильные бруски и их обломки	5	1	-	-	-	-	-	6
14	Обломок грузила от сети	1	-	-	-	-	-	-	1
15	Пряслица	1	2	2	5	-	-	-	10
16	Кремни от огнив	3	2	1	-	-	-	-	6
17	Ножи и их обломки (железо)	1	4	6	7	2	-	-	20
18	Спицы от прялок (железо)	1	-	-	-	2	-	-	3
19	Наконечники стрел (железо)	1	-	2	-	1	-	-	4
20	Втоки (железо)	1	-	1	-	-	-	-	2
20	Ледоходные шипы (железо)	-	2	1	2	1	-	-	6

1. Каталог средневековых поселений

21	Рыболовный крючок (железо)	-	-	-	-	-	1	-	1
22	Ключ от навесного замка (железо)	-	-	-	1	-	-	-	1
23	Рыболовная блесна (железо)	-	-	-	-	1	-	-	1
24	Бур (железо)	-	-	-	-	1	-	-	1
25	Шило (железо)	-	-	-	-	1	-	-	1
26	Пряжки от упряжи и обл. (железо)	1	-	2	-	-	-	-	3
27	Обломки конских подков (железо)	-	1	1	-	-	-	-	2
28	Серп (железо)	1	-	-	-	-	-	-	1
29	Обломок косы (железо)	-	-	-	1	-	-	-	1
30	Перстни (бронза)	-	1	-	-	-	-	1	2
31	Височные кольца (бронза, серебро?)	1?	-	1	-	-	-	-	2
32	Обломки браслетов (стекло)	-	1	-	1	-	-	-	2
33	Поясная пряжка (бронза)	-	1	-	-	-	-	-	1
34	Обломок подвески (янтарь)	-	1	-	-	-	-	-	1
35	Нашивка (кость)	-	-	-	-	1	-	-	1
35	Обломки неопределенных предметов (бронза)	-	1	-	-	1	-	-	2
36	Монеты (медь, серебро)	4	7	2	-	-	-	2	15
37	Кости животных	35	26	26	21	41	4	-	153
38	Коготь (медвежий?)	-	-	1	-	-	-	-	1
39	Клык (кабана?)	-	-	-	1	-	-	-	1
40	Скребок (кремь)	1	-	-	-	-	-	-	1
41	Скобель (кварц)	1	-	-	-	-	-	-	1
42	Нуклеидные куски (кварц)	3	-	-	-	-	-	-	3
43	Отщепы, куски (кремь)	7	4	-	-	-	-	-	11
44	Отщепы, куски (кварц)	33	21	2	4	1	-	1	62
45	Отщепы (лидит)	3	-	-	-	-	-	-	3
Итого		1274	1088	641	393	168	27	40	3631

Раннесредневековый комплекс представлен в раскопе 1 94 преимущественно мелкими фрагментами лепной керамики, происходящими, судя по обломкам верхних профильных частей, примерно от 20 сосудов (см. рис. 15; 25; 26:1–3, 8). Три из них орнаментированы, 3–4 других имеют следы подправки венчика на подставке и могут быть отнесены к категории раннегончарных. К раннесредневековому комплексу поселения достаточно уверенно относится также часть красноглиняной гончарной керамики. По технологическим и морфологическим признакам собранные в раскопе обломки красноглиняных круговых сосудов (особенно неорнаментированные стенки горшков) полностью распределить по комплексам раннего Средневековья и более позднего невозможно. Послойная статистика находок (см. табл. 2) указывает лишь на тенденцию увеличения пропорции красноглиняных черепков в нижних горизонтах слоя. Планиграфические наблюдения в данном случае оказались бесполезны. Типологически к раннему Средневековью можно отнести фрагменты венчиков «курганских» форм и стенок с характерной линейной орнаментацией (см. рис. 26:4–7; 27:2–5). Суммарно, с учетом типологически неопределимых форм, к раннесредневековому комплексу следует отнести фрагменты примерно 20–25 красноглиняных гончарных сосудов. С комплексом могут быть лишь предположительно связаны некоторые индивидуальные находки, которые датируются широко, – ножи, ледоходные шипы, пряслица, обломки листовой меди (котлов и проч.). Из остатков сооружений к раннему Средневековью относятся невыразительные остатки отопительной конструкции, исследованные на кв. В-4 во втором-третьем горизонтах и в ушедшей в материк небольшой яме № 1. Отметим, что, судя по распространению лепной керамики в раскопах, эти остатки печи локализируются примерно в центре раннесредневекового поселения (см. рис. 15). Исходя из полученной спорной радиоуглеродной даты в пределах IX в. н. э., (без калибровки) с комплексом связана также яма № 4, располагавшаяся у северо-западного края поселения, как он фиксируется по находкам лепной керамики в раскопах.

Доминирующим на памятнике является комплекс сооружений и находок периода развитого – позднего Средневековья. Среди первых это остатки нескольких, видимо, последовательно сменявших друг друга отопительных конструкций, выявленных в центральной части раскопа (на участке кв. Е–К – 3–5) во втором–пятом горизонтах в виде развалов колотых обожженных камней, залежавших в углистом слое с примесью кусочков печины, связанная с ними яма № 3, для которой получены 2 радиоуглеродные даты – в пределах XV в. и в интервале около середины XIII – середины XIV в. Это также обнаруженные на смежном участке раскопа на кв. Г,Д – 7 в третьем–четвертом горизонтах перекрытое линзой глины мощное углистое пятно и ориентированные по сторонам света короткие полосы истлевшего дерева.

С этим же центральным участком раскопа с максимальной (до 60 см) мощностью культурного слоя планиграфически была связана большая часть средневековых индивидуальных находок и керамики. Железный и каменный хозяйственно–бытовой инвентарь, что важно отметить, представлен не единичными вещами, а преимущественно сериями предметов – дверного снаряда, снаряжения коня, ножей, ледоходных шипов, наконечников стрел, спиц от прялок, пряслиц, кремней от огнив, точильных брусков. Сравнительно многочисленны в коллекции также металлические детали одежды и предметы украшения, в том числе такие достаточно редкие для сельских поселений, особенно на Севере, как височные украшения, перстни и обломки стеклянных браслетов. С комплексом связана большая часть обломков красноглиняной гончарной керамики и практически все найденные фрагменты белоглиняной круговой посуды (всего около 280 экз.).

В технологической группе красноглиняной керамики по верхним профильным частям насчитываются обломки более 90 горшков, 2 рукомоев, 2 мисок, а также ручек 1–2 кувшинов. Среди типологически определимых горшков 29 относятся к типу 1, 17 – к типу 2, 16 – к типу 3, 14 – к типу 4. Остальные формы горшков представлены небольшими сериями или единичными фрагментами венчиков, часть из которых может быть отнесена и к раннесредневековому комплексу поселения.

В группе белоглиняной керамики из раскопа по верхним профильным частям насчитываются фрагменты около 185 горшков, 2–3 кувшинов и 2 крышек сосудов. Более 2/3 горшков принадлежат к вариантам типа 1, 22 экз. – к типу 2, остальные формы немногочисленны или единичны.

Комплекс сооружений и находок Нового времени скуден и невыразителен, несмотря на то что селище располагается на окраине современной деревни. Прослеженные в северо-западной части раскопа каменные кладки, ориентированные по сторонам света, как уже сказано, могут интерпретироваться либо как остатки фундамента Успенской часовни XVIII в. до реставрации, либо как следы ее предшественницы. Планиграфически с этими кладками увязываются остатки предположительно печи-каменки, окруженной бревенчатым опечком, исследованные во втором-четвертом горизонтах на кв. 3–И – 6–7. Датирующие предметы комплекса Нового времени представлены в раскопе серией из 14 медных монет, отчеканенных в интервале от 1734 до 1895 г., номиналами от полушки до 2 копеек.

Раскоп 2 площадью 82 кв. м был размечен в 2–4 м к юго-востоку от первого, за «ровницей» из собранных с поля крупных и мелких валунов (см. рис. 12). Культурный слой (однородная нарушенная распашкой темно-серая слабо гумусированная супесь с галькой, отдельными обожженными камнями и кусочками печины) мощностью 13–25 см был снят двумя горизонтами. Наименьшую мощность слой имел в восточной части раскопа.

Находки в слое встречались повсеместно, повышенная концентрация их отмечена лишь в северном углу раскопа (кв. 1 разведочной траншеи 2003 г.). Остатки сооружений в раскопе обозначились только на уровне материка – светло-серого суглинка с галькой (см. рис. 13).

На кв. 1 выявлена яма (№ 1) площадью около 2 кв. м, глубиной 25 см, уходившая в северную и восточную стенки раскопа. Яма имела плоское дно и была заполнена массой расколовшихся пережженных камней, залежавших в углистом слое с кусками глиняной обмазки. В заполнении встречены 13 фрагментов белоглиняной, 6 – красноглиняной гончарной средневековой

керамики, 7 костей животных и 2 железных гвоздя. Сооружение уверенно определяется как остатки печи.

Яма № 2 на кв. Г,Д – 1 неправильно-овальной формы, вытянутая по линии север – юг, размерами 290 x 100 см, глубиной до 35 см от поверхности материка, была заполнена темно-серой супесью с галькой и примесью отдельных угольков. По периметру ямы залежали несколько крупных валунов. В заполнении встречены 4 фрагмента белоглиняной, 3 – красноглиняной гончарной керамики, 1 – лепной и осколок стекла. Помимо находки стекла, на близкий к современности возраст ямы указывало то, что в южной части она прослеживалась от дневной поверхности.

Таблица 3

Инвентарь раскопа 2 на селище Васильево 2

№	Категории инвентаря	1 гор.	2 гор.	Ямы	Всего
1	Осколки стекла	12	–	1	13
2	Осколки фаянса	4	–	–	4
3	Фрагменты поливной керамики	7	2	–	9
4	Фрагменты белоглиняной гончарной керамики	119	75	18	212
5	Фрагменты красноглиняной гончарной керамики	84	68	13	165
6	Фрагменты лепной керамики	5	7	2	14
7	Гвозди (железо)	3	6	2	11
8	Неопределенные предметы (железо)	8	2	–	10
9	Куски шлака	2	2	–	4
10	Кремень от огнива	1	–	–	1
11	Перстень (бронза)	1	–	–	1
12	Обломок ледоходного шипа (железо)	1	–	–	1
13	Обломок ножа (железо)	1	–	–	1
14	Обломок дужки навесного замка (железо)	1	–	–	1
15	Обломок бура (железо)	1	–	–	1
16	Обломок бусины (стекло)	1	–	–	1
17	Накладка (бронза)	–	1	–	1
18	Монета 1861 г. (медь)	1	–	–	1
19	Кости животных	3	9	8	20
20	Куски кремня	2	–	–	2
Итого		257	172	44	473

Яма № 3 на кв. Д-3 овальная в плане, размерами 115 x 60 см, глубиной до 15 см, была заполнена серой супесью

с галькой с примесью угольков, в заполнении найдено лишь по одному фрагменту лепной и красноглиняной керамики.

Яма № 4 на кв. Д-4 на месте выявленного на уровне материка развала обожженных камней площадью около 1 кв. м уходила в южную стенку раскопа, имела глубину до 15 см. В заполнении найдены фрагмент белоглиняного, 4 – красноглиняных средневековых гончарных сосудов и кальцинированная косточка.

Полные сведения о находках раскопа 2 приводятся в табл. 3. Состав находок в целом повторяет описанный для первого раскопа – при более чем трехкратной разнице в площадях раскопов. Примерно совпадает пропорциональная представленность групп и типов бело- и красноглиняной средневековой гончарной посуды. Индивидуальные находки этого периода немногочисленны. Фрагменты лепной керамики сравнительно малочисленны, что, очевидно, указывает на то, что этим раскопом был вскрыт периферийный участок раннесредневекового поселения (см. рис. 15). [Герман, А2003, 2009; Спиридонов, А2004–2006].

5. Селище Васильево 3 (см. рис. 1:16)

Поселение располагается на западном берегу о. Кижы на удалении 1,1 км к северо-северо-западу от ансамбля церквей на погосте. Оно занимает площадку луга, полого возвышающуюся от берега с 1,5 до 2,5 м над уровнем воды. Селище вытянуто полосой параллельно берегу (но на удалении до 30 м от него) 150 x 40 м. В южной и северной частях памятника были заложены разведочные шурфы размерами 2 x 2 м. Они показали, что культурный слой селища многократно переотложен при распашке, в том числе тяжелым плугом. В южном шурфе найдены мелкие фрагменты белоглиняной (тип 4) и поливной керамики Нового времени, а также черная пастовая бусина со спирально-волнистой белой инкрустацией. В северном шурфе в насыщенном колотыми обожженными камнями слое обнаружены единичные фрагменты бело- и красноглиняной гончарной средневековой керамики (венчики отсутствуют). В целом, по данным шурфовки, концентрация материала в слое памятника весьма невелика [Герман, А2004].

6. Селище Бишево (см. рис. 1:4)

Поселение располагается в северо-восточной части о. Кижы, в удалении около 3 км от ансамбля церквей на погосте, на вершине озовой гряды высотой 5–6 м над уровнем воды в озере. В настоящее время территория занята лугом и кустарником. Площадка памятника вытянута параллельно берегу на 80–90 м, определенная площадь его составляет около 3000 кв. м. Примерно в центре селища был заложен шурф площадью 8 кв. м, который показал, что культурный слой (серая супесь с галькой) имеет мощность 10–25 см (в западании до 60 см) и переотложен на всю глубину. Отмечены остатки древесного тлена, связанные с деревней, стоявшей на этом месте еще в прошлом столетии. В шурфе встречены 4 неопределимых фрагмента красноглиняной керамики и 6 – белоглиняной (в основном тип 4). По этим немногочисленным находкам хронологию селища можно определить рубежом Средневековья и Нового времени [Герман, А2003].

7. Селище Бачурин Наволок (см. рис. 1:3)

Поселение располагается у северо-западной оконечности о. Кижы, на удалении 3,4 км от ансамбля церквей на погосте и в 1,5 км от д. Васильево. Селище занимает ровную, пересекаемую каменными «ровницами» площадку луга на вершине каменистого оза. Высота площадки около 6 м над уровнем воды в озере, она удалена от ближайшего (западного) берега острова на 55 м. Разведанная площадь памятника всего около 200–250 кв. м. Раскоп площадью 100 кв. м (10 x 10 м) был размечен примерно в центральной части поселения (см. рис. 35). Культурный слой (коричневато-серая супесь с галькой, примесью обожженных камней и кусочков пещины) мощностью до 28 см снимался двумя горизонтами.

На кв. А–3–5 и Г, Д–3–5 слой имел мощность всего около 10 см и в подошве первого горизонта под ним местами проступил материк – светло-серая супесь с галькой. Сразу под дерном на кв. Г–1–3 открылось скопление сильно обожженных камней, залегавших вперемешку с кусками пещины, здесь же, в слое, отмечены включения древесного угля. В подошве горизонта аналогич-

ное скопление обожженных камней открылось на кв. В, Г–4, а на кв. Б–4 расчищены верхние части нескольких крупных валунов.

Вторым горизонтом слой на всей поверхности раскопа был снят до материка, на фоне которого выявилась довольно сложная картина из нескольких округлых или аморфных в плане скоплений обожженных камней, пятен древесного угля и сырой серой (местами розоватой от воздействия огня) глины. Разобраться в этой картине оказалось возможным лишь при разборке заполнений ухотивших в материк ям (см. рис. 36, 37).

Яма № 1 на кв. В, Г–3 неправильно-овальная в плане, размерами 120 x 160 см, глубиной 25–30 см от поверхности материка. Она была заполнена серой супесью с примесью угольков, глиняной обмазки, мелкими обожженными камнями, среди которых залежали несколько более крупных валунов. В заполнении встречены 56 фрагментов красноглиняных горшков и 4 пластинки слюды. Планиграфически яма связана со скоплением обожженных камней и печины на кв. Г–1,2, прослеженным в слое первого и второго горизонтов. В целом эти остатки сооружения уверенно определяются как след печи.

Яма № 2 на кв. В, Г–4 неправильно-округлая в плане, размерами 260 x 220 см, глубиной в 3 части до 15 см, в В – до 30 см, была заполнена в верхней части серой супесью с отдельными угольками и кусками печины, в которой залежала масса пережженных камней. На дне ямы отмечена углистая прослойка мощностью до 2 см, в В заглубленной части ямы на материке расчищены несколько крупных камней без следов пребывания в огне. Находки: 53 фрагмента красноглиняных сосудов, 1 – белоглиняный и кость животного. Сооружение, как и предыдущее, уверенно определяется как остатки печи.

Яма № 3 на кв. Г–1 неправильно-овальная в плане, размерами 210 x 140 см, глубиной в восточной части до 25 см, в западной – до 45 см, была заполнена серой супесью с массой пережженных расколовшихся камней вперемешку с кусками печины. В нижней части заполнения отмечены несколько кусков полуистлевшей бересты. Находки: 211 фрагментов красноглиняных горшков, 3 – белоглиняных, 4 кости животных и 3 пластинки слюды. Судя по характеру заполнения и находкам, яма также является следом печи.

Яма № 4 на кв. Г, Д-2,3 овальная в плане, размерами 190 x 145 см, глубиной до 50 см, у юго-западного края расчищены 4 крупных валуна. Заполнение: серая слабо гумусированная супесь с массой плотно уложенных средних размеров обожженных камней. При этом в заполнении практически отсутствовали пещина и частицы древесного угля (куски пещины были малочисленны на этих квадратах и в перекрывавшем яму слое), что делает маловероятной интерпретацию западания как следа еще одной печи. Находки (44 фрагмента красноглиняной керамики, сланцевый точильный брусок и 2 кости) были встречены преимущественно у южного края ямы в верхней части заполнения.

Яма № 5 на кв. В, Г-1 неправильно-овальная в плане, уходила в западную стенку раскопа, размерами 240 x 160 см, глубиной до 60 см. Заполнение в южной части – серая супесь с крупными и средних размеров валунами, в северной части от уровня второго горизонта в заполнении отмечена линза серой, местами красноватой от обжига глины мощностью 25–32 см, под которой до дна ямы прослежен углистый слой. У северного и южного краев ямы выявлены остатки истлевших вертикально врытых столбов (крепезж этих столбов камнями, уложенными по кругу, был прослежен еще во втором горизонте). Находки (12 фрагментов красноглиняных горшков, 1 – белоглиняного, 5 пластинок слюды) были встречены в основном у северного края ямы. Функциональное назначение этих частично вскрытых остатков сооружения неясно.

Яма № 6 на кв. В-5 овальная в плане, размерами 90 x 50 см, глубиной до 50 см, примыкает с запада к крупному валуну. Заполнение: серая супесь с отдельными камнями, в которой встречены лишь два фрагмента красноглиняной керамики.

Яма № 7 на кв. А-В-2 неправильно-округлая в плане, размерами 275 x 250 см, глубиной до 30 см, была заполнена углистой супесью с отдельными обожженными камнями. В заполнении встречены всего семь фрагментов красноглиняной керамики и пластинка слюды. Назначение этого обширного западания с минимальным количеством находок неясно.

Яма № 8 на кв. Б-4 округлая в плане, размерами 115 x 100 см, глубиной до 40 см, была заполнена серой супесью

с включениями уголков. В заполнении залежали несколько крупных валунов, находки отсутствовали.

Полные сведения о составе инвентаря из раскопа приводятся в табл. 4. Планиграфически находки распределялись на вскрытой площади неравномерно. Наибольшая их концентрация, скопления керамики в слое отмечены на линиях квадратов В–Д, близ исследованных остатков печей и в заполнениях подпечных ям № 1–3. При этом на линиях квадратов вдоль северной и восточной стенок раскопа количество находок резко уменьшалось. Такое планиграфическое распространение инвентаря служит указанием на то, что вскрытые 100 кв. м охватили большую часть собственно «жилого» пространства позднесредневековой деревни.

Особняком в коллекции стоит обломанная сланцевая шлифованная кирка, которая типологически должна быть отнесена к периоду не позднее неолита. Высота площадки над современным уровнем воды (около 6 м) не исключает, что этот единственный предмет попал сюда в каменном веке. Возможно, однако, что орудие применяли жители позднесредневековой деревни в качестве оберега. Подобное использование каменных орудий неоднократно зафиксировано, в том числе в Заонежье, этнографически.

Индивидуальные позднесредневековые находки единичны. При их общей значительной плотности показательно крайне малое количество предметов из металла, включая обломки железных изделий, а также малочисленность собранных в слое и заполнениях печных ям костей животных (см. рис. 38).

В коллекции керамики из раскопа выделяются три количественно разновеликие технологические группы. Найдено всего 3 черепка чернолощеной керамики, очевидно, от 2 сосудов. Один из них представлен переходом от узкой шейки к тулову и происходит от сосуда типа кубышки, еще один – от стенки сосуда, украшен небрежно нанесенными полосами лощения в виде ромбической сетки. Белоглиняная керамика также немногочисленна. Это фрагменты минимум от 5 сосудов: 4 горшков, из которых 2 относятся к типу 1, и единственным в коллекции обломком кувшина с характерным венчиком, приспособленным под крышку (см. рис. 42:10,11; 43:1).

Таблица 4

Инвентарь раскопа на селище Бачурин Наволок

№	Категории инвентаря	1 гор.	2 гор.	Ямы	Всего
1	Фрагменты чернолощенной керамики	2	1	–	3
2	Фрагменты красноглиняной гончарной керамики	348	368	387	1103
3	Фрагменты белоглиняной гончарной керамики	19	13	6	38
4	Обломок серпа (косы?) (железо)	1	–	–	1
5	Крюк для подвешивания (железо)	1	–	–	1
6	Сапожная подковка (железо)	–	1	–	1
7	Нательный крест (бронза)	–	1	–	1
8	Пряслица и их обломки (камень)	3	1	–	4
9	Точильные бруски, абразивы (камень)	2	–	1	3
10	Неопределенные предметы (железо)	3	1	–	4
11	Обломок ручного жернова (гранит)	1	–	–	1
12	Пластины слюды	11	7	19	37
13	Кости животных	5	3	9	17
14	Кирка (сланец)	1	–	–	1
15	Куски, отщепы кремня	3	–	–	3
Итого		400	396	422	1218

Основную массу находок в раскопе составляли фрагменты красноглиняной керамики, происходящие, судя по венчикам, минимум от 80 горшков и 2 мисок. Большая часть горшков (53) представлена вариантами типа 5, иные формы горшков принадлежат к типам 3 и 4, или представлены единичными экземплярами (см. рис. 39–43) [Герман, А2002; Спиридонов, А2003].

8. Селище Мальковец (см. рис. 1:10)

Поселение располагается в северной части одноименного острова, лежащего к западу от о. Кижы, на удалении примерно 1 км к северо-западу от ансамбля церквей на погосте. Оно занимает полого опускающуюся к озеру площадку высотой 3–4 м над уровнем воды, удаленную на 30 м от берега. Территория памятника занята лугом, по которому разбросаны многочисленные «ровницы» и кучи камней, собранных при расчистке участка под покосы и пашню. Разведанная площадь селища составляет около 35 x 25 м.

Примерно в центральной части поселения был размечен раскоп площадью 40 кв. м. Культурный слой (однородная коричневато-серая супесь с галькой) мощностью 10–18 см был снят одним горизонтом. В слое повсеместно встречались отдельные обожженные расколовшиеся камни и многочисленные мелкие кусочки печины. После снятия слоя в разных частях раскопа выступили хаотично разбросанные валуны, залегавшие на материке. На уровне материковой желтовато-серой супеси с галькой выявились пятна нескольких ям.

Яма № 1 на кв. Б-1 округлая в плане, диаметром около 50 см, глубиной до 40 см от поверхности материка, уходила в северо-западную стенку раскопа, была заполнена коричневато-серой супесью, в которой залегали крупный камень и кость животного. Судя по профилю, яма является столбовой.

Яма № 2 на кв. Б-3 овальная в плане, размерами 150 x 100 см, глубиной до 30 см. Заполнение: коричневато-серая супесь, в которой встречен единственный фрагмент красноглиняного сосуда.

Яма № 3 на кв. А,Б-3,4 округлая в плане, блюдцевидная в профиле, размерами 240 x 200 см, глубиной до 40 см. В центральной части ямы в верхней части заполнения зафиксирована полоса древесного тлена протяженностью около 2 м. Яма была заполнена темно-серой супесью с примесью угля, у юго-восточного края ее отмечено скопление обожженных камней, на дне в центральной части ямы залегали несколько плоских камней. Находки были встречены преимущественно в юго-восточной части ямы: 35 фрагментов красноглиняной керамики, 2 – белоглиняной, 5 кальцинированных и 2 не сожженные кости, каменное пряслице и обломок еще одного.

Яма № 4 на кв. А-5 окружала большой валун, уходила в южный угол раскопа, имела глубину до 30 см. Она была заполнена серой супесью с массой обожженных расколовшихся камней, в которой найдены 23 фрагмента красноглиняной керамики, 1 – белоглиняной и каменное пряслице. Возможна интерпретация ямы как остатков основания печи.

Яма 5 на кв. А-5 уходила в северо-восточную стенку раскопа, имела глубину до 30 см. Заполнение: серая супесь

с массой обожженных камней, в которой найдены 10 фрагментов красноглиняной керамики.

Находки на вскрытой площади встречались повсеместно, однако их концентрация заметно возрасла в центральной и юго-восточной частях раскопа, в районе большей части выявленных ям в материке. Коллекция из раскопа включает 385 фрагментов красноглиняных сосудов, 15 – белоглиняных, 3 каменных пряслица, 2 кованых железных гвоздя, железные стержень и поясную пряжку. Красноглиняные черепки керамики происходят, судя по венчикам, примерно от 40 горшков и единственной миски. Подавляющее большинство горшков принадлежит к вариантам типа 5, прочие формы единичны. Единственный в коллекции белоглиняный венчик относится к вариантам типа 1 (см. рис. 44, 45) [Герман, А2003; Спиридонов, А2004].

9. Селище Рогачево (см. рис. 1:1)

Поселение локализуется в юго-западной части о. Рогачев, на удалении 6,5 км к северо-северо-западу от ансамбля церквей на Кижском погосте. Оно располагается в заливе между двумя мысовидными выступами берега, на ровной площадке высотой всего около 1 м над уровнем воды, в настоящее время занятой лугом. Площадка поселения вытянута вдоль берега, имеет размеры примерно 75 x 25 м. В центре ее был заложен шурф размерами 4 x 4 м, который выявил, что культурный слой (коричневато-серая супесь мощностью до 30 см) переотложен на всю глубину. При разборке слоя встречены венчики красноглиняных горшков типов 2 и 4, белоглиняного типа 1 (см. рис. 46:5–7). На уровне материка были выявлены две ямы, которые не содержали находок и, очевидно, связаны со стоявшей на этом месте сравнительно недавно деревней [Герман, А2006].

10. Селище Волкостров (см. рис. 1:2)

Поселение находится в северной части одноименного острова, на удалении около 6 км к северу от погоста, у часовни Петра и Павла. На пашне на площади около 200 кв. м собраны 36 фрагментов керамики, среди которых 2 лепных, 2 красноглиняных венчика гончарных сосудов типа 3, белоглиняные типа 1 (1 экз.) и типа 4 (6 экз.).

11. Селище Гивес Наволок (см. рис. 1:11)

Поселение располагается близ северо-восточной оконечности о. Большой Климецкий, на удалении 0,9 км к востоку от ансамбля Кижского погоста. Оно расположено на полого опускающейся к берегу от 1,5 до 0,5 м площадке, занятой в настоящее время лугом, на опушке молодого леса. Определенные размеры селища составляют примерно 60 x 30 м, оно находится на южной окраине деревни того же названия, последние дома которой были снесены в 1960-х гг. Шурф размерами 2 x 2 м, заложённый близко к центру площадки поселения, показал, что культурный слой (серая слабо гумусированная супесь с отдельными колотыми обожжёнными камнями) переотложен на всю глубину – до 35 см, в западании до 50 см. В шурфе собраны 10 фрагментов белоглиняной и 6 – краснойглиняной керамики. Венчики белоглиняных горшков относятся к типам 1 и 4, краснойглиняного – к типу 4 (см. рис. 46:8–10) [Спирidonов, А1991].

2. Селище Лахта (см. рис. 1:12)

Поселение локализуется близ северо-западной оконечности о. Большой Климецкий, в пределах одноименной деревни, на удалении около 2 км к востоку от Кижского погоста. Оно располагается в западной части основания небольшого мыса на высоте около 1,5 м над уровнем воды. На огородах на площадке размерами примерно 40 x 20 м было собрано около 50 фрагментов керамики: в основном белоглиняной типа 4 и краснойглиняной типов 3 и 5. Единственный венчик белоглиняного горшка относится к вариантам типа 1 (см. рис. 46:1–4) [Герман, А2004].

13. Поселение Воробьи 1 (см. рис. 1:13)

Памятник находится на северо-западном берегу о. Большой Климецкий, примерно в 800 м к югу от д. Воробьи и на удалении около 2,7 км к юго-востоку от ансамбля церквей на Кижском погосте. Поселение занимает слабо понижающуюся к западу скальную площадку, перекрытую грунтом с луговой растительностью, высотой около 5 м над уровнем воды, в 45 м от берега. Участок, видимо, некогда подвергался неглубокой

распашке. Разведанные размеры поселения составляют примерно 20 x 15 м. Шурф площадью 16 кв. м был заложен в центральной части памятника (см. рис. 47).

Культурный слой (серая слабо гумусированная супесь) мощностью в западаниях до 30 см подстилался неровной скальной поверхностью, в В углу раскопа – перекрывавшим ее светло-желтым песком. На кв. А-1,2 на глубине 5–15 см от дневной поверхности расчищена кладка из средних размеров валунов, две линии которой протяженностью около 2 м каждая были ориентированы близко к сторонам света – вероятно, разрушенные остатки отопительной конструкции. Вещевой материал в целом равномерно распределялся по площади шурфа и был представлен 76 фрагментами от исключительно красноглиняных грубых гончарных горшков типов 3 и 4, пластинкой слюды, 2 железными ножами и спицей от прялки. Встречены также 6 отщепов сланца, по одному – лидита и кремня (один со следами работы), связанные с располагающейся к юго-востоку неолитической стоянкой. Основной комплекс поселения по облику инвентаря следует отнести к рубежу Средневековья и Нового времени (см. рис. 48) [Мельников, А2007].

14. Поселение Воробьи 3 (см. рис. 1:14)

Памятник находится в 40 м к юго-западу от предыдущего, на нижележащей перекрытой озерными отложениями скальной террасе высотой 3–4 м над уровнем воды (перепад высот около 2 м), на удалении около 35 м от берега. Участок в настоящее время занят лугом, в прошлом распахивался. Площадь памятника составляет примерно 40 x 20 м (см. рис. 47).

У южного и северного краев поселения были заложены шурфы размерами 8 x 2 м, показавшие, что культурный слой переотложен при распашке на всю глубину. В шурфах наряду с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой и отходами производства каменных орудий встречены 120 фрагментов красноглиняной керамики типов 3–5, 9 фрагментов белоглиняной типов 2 и 4 (см. рис. 49), фрагмент «муравленого» изразца. Селище, судя по собранным материалам, было основано в позднем Средневековье, продолжало существовать в Новое время [Мельников, А2007].

15. Селище Керкостров 1 (см. рис. 1:15)

Поселение находится в центральной части довольно большого (протяженностью около 2 км с севера на юг) одноименного острова, на удалении 2,5 км к югу от ансамбля церквей на Кижском погосте. Поселение занимает площадку размерами 50 x 20–25 м в наиболее возвышенной части острова (высота около 9 м над уровнем воды). Площадка использовалась под сенокос и пашню: она окаймлена с юга и запада «груданицами» камней, собранных с полей. Селище удалено от ближайшего (западного) берега острова на расстояние 65 м. В северной части памятника был заложен шурф площадью 2 кв. м, в южной – раскоп размером 84 кв. м (см. рис. 50).

В шурфе у северной оконечности селища в переотложенном распашкой слое мощностью до 25 см были встречены 5 фрагментов красноглиняной керамики от 2 горшков типа 5 и 3 фрагмента стенок белоглиняных позднесредневековых сосудов.

Культурный слой раскопа (серая супесь с обильной примесью гальки, отдельными обожженными камнями и кусочками печины мощностью 20–25 см) был снят двумя горизонтами. На кв. А-5 расчищено беспорядочное скопление камней, залегавших на материке. Находки в слое в целом равномерно распределялись по вскрытой площади, их концентрация лишь незначительно возрастала на западной и южной линиях квадратов. Среди индивидуальных находок можно упомянуть только обломок носика сосуда-рукомоя, изготовленного из беложгущейся глины и подковку обуви. На уровне материка – светло-серой супеси с галькой – открылось несколько западаний слоя (см. рис. 51, 52).

Яма № 1 на кв. Б-Г – 3–5 округлая в плане, размерами 240 x 220 см, с неровным дном, глубиной до 35 см. На уровне материка у западного края ямы было расчищено скопление средних размеров валунов со следами пребывания в огне. Заполнение ямы – серая супесь со значительной примесью угля у южного края, линзами сырой серой глины и скоплениями крупных кусков печины в центральной части, отдельными обожженными камнями. В заполнении найдены 37 фрагментов красноглиняной керамики, происходящих преимущественно от 2 горшков, 13 фрагментов белоглиняной керамики,

12 пластин слюды и 47 костей животных. Яма уверенно определяется как остатки средневековой печи.

Яма № 2 на кв. А-4, примыкавшая к предыдущей, округлая в плане, диаметром 50–60 см, глубиной до 40 см, была заполнена серой супесью без находок. Яма может быть определена как столбовая.

Яма № 3 на кв. В-2,3 округлая в плане, размерами 140 x 95 см, блюдцевидная в профиле, максимальной глубиной до 50 см. На месте ямы уже после снятия 1-го горизонта выступили отдельные некрупные валуны и была отмечена концентрация кусочков пачины. При разборке заполнения на глубине 10–20 см от материка был расчищен развал мелких и средних размеров обожженных валунов вперемешку с крупными кусками глиняной обмазки. Ниже, на глубине 20–25 см, в насыщенном кусочками пачины слое выявлены полосы древесного угля – остатки сгоревшего прямоугольного сооружения размерами около 100 x 100 см, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток и перпендикулярно. Северо-западная «стенка» сгоревшего сооружения (очевидно, бревенчатого опечка) читалась плохо. Дно ямы было выложено некрупными обожженными камнями. В заполнении на разной глубине были найдены 4 фрагмента стенок красноглиняных сосудов, пластинка слюды, 2 гвоздя (один кованый, второй фабричного производства), сильно обожженный неопределенный железный предмет, части железных пробоя и дверного запора, кусок железной крицы и обожженная кость. Судя по такому составу находок, исследованные остатки сооружения относятся к Новому времени и могут быть определены как остатки печи, причем явно не бытового, а производственного назначения. С функционированием именно этой печи следует связать в целом немногочисленные находки фрагментов поливной керамики, осколков фарфора и фаянса в культурном слое поселения.

Яма № 4 на кв. Г-5 уходила в северо-западный угол раскопа, размерами 210 x 80 см, максимальной глубиной до 35 см, была заполнена серой супесью с галькой и кусочками пачины. В средней части заполнения отмечены 2 линзы слабо обожженной глины мощностью до 5 см, придонная часть за-

полнения содержала значительную примесь древесного угля, радиоуглеродный анализ которого дал дату 520+–35 л. н. (LE-8274). В заполнении встречены исключительно позднесредневековые находки: 10 фрагментов белоглиняной керамики, 6 – красноглиняной, 2 кости, кусок железной крицы, несколько крупных кусков печины. Эта частично вскрытая яма может быть предположительно определена как след еще одной средневековой печи.

Яма № 5 на кв. Г-3 округлая в плане, размерами 150 x 125 см, блюдцевидная в профиле, максимальной глубиной до 25 см. Заполнение – серая супесь с примесью гальки, в средней части заполнения отмечена интенсивная углистая линза. Находки: фрагмент стенки средневекового белоглиняного сосуда, крупный фрагмент венчика красноглиняного горшка и кусок ошлакованной глины. Яма предположительно имеет средневековый возраст, назначение ее неопределенно.

Полные сведения о составе находок на селище Керкостров 1 приводятся в табл. 5.

Таблица 5
Инвентарь раскопа на селище Керкостров 1

№	Категории инвентаря	1 гор.	2 гор.	Ямы	Всего
1	Фрагменты поливной керамики	11	11	–	22
2	Осколки фарфора, фаянса	12	3	–	15
3	Фрагменты белоглиняной керамики	104	62	24	190
4	Фрагменты красноглиняной керамики	56	55	24	135
5	Фрагмент белоглиняного рукомя	–	1	–	1
6	Пластина (бронза)	–	1	–	1
7	Части дверного снаряда (железо)	–	–	2	2
8	Подковка (железо)	–	1	–	1
9	Гвозди (железо)	5	2	2	9
10	Неопределенные предметы (железо)	1	3	1	5
11	Крицы (железо)	–	–	2	2
12	Куски шлака (железо)	1	1	–	2
13	Абразивы (кварцит)	1	1	–	2
14	Пластины слюды	1	–	1	2
15	Куски кремня	2	–	–	2
16	Кости животных	1	2	50	53
Итого		195	143	106	444

На поселении найдены два комплекса находок и сооружений. Первый, периода Нового времени, как уже отмечено, представлен в целом немногочисленными обломками поливной керамики, фарфора, фаянса, единичными железными изделиями, связанными с остатками исследованной печи производственного назначения (яма № 3). Абсолютно доминирует позднесредневековый комплекс находок, с ним увязываются ямы № 1, 2, 4 и 5, две из которых (одна предположительно) определяются как следы печей в жилых постройках.

Индивидуальные находки в средневековом комплексе представлены лишь обломком носика белоглиняного рукомя и железной подковкой обуви. Иные немногочисленные предметы из металла неопределимы. В коллекции керамики, как и на других памятниках, выделяются группы красно- и белоглиняной посуды. К первой, судя по венчикам, относятся фрагменты единственной миски и минимум 20 горшков типов 2–5 (см. рис. 54, 55). Практически всю собранную в раскопе белоглиняную керамику следует отнести в средневековому комплексу (за исключением двух венчиков горшков типа 4). Она представлена фрагментами миски, 2–3 кувшинов и минимум 20 горшков, относящихся преимущественно к типам 1 и 2 (см. рис. 56) [Герман А2002; Спиридонов А2003, 2007].

16. Селище Керкостров 2 (см. рис. 1:17)

Поселение располагается близ юго-восточной оконечности о. Керкостров, на слабо выраженном пологом выступе береговой террасы высотой 1–1,5 м над уровнем воды. Площадка в прошлом распахивалась, в том числе с применением тяжелого плуга, ныне периодически используется как сенокос. Размеры поселения, вытянутого параллельно берегу озера, составляют примерно 80 х 40 м. Раскоп площадью 48 кв. м был заложен ближе к юго-восточному краю памятника.

Культурный слой (однородная пашня – темно-серая гумусированная супесь с включениями мелких кусочков печины и отдельных обожженных камней) был снят двумя горизонтами примерно по 15 см. Какие-либо следы сооружений не зафиксированы. Концентрация вещевого материала в слое была

невелика (3–12 предметов на квадрат), находки представлены единичными фрагментами поливной и тонкостенной белоглиняной керамики, осколками фарфора, фаянса Нового времени, более многочисленными черепками лепной, красно- и белоглиняной средневековой керамики, а также несколькими предметами каменного инвентаря. Индивидуальные находки – железное коромысло весов для малых взвешиваний и бронзовый перстень. При зачистке материка (светло-серой супеси, местами с пятнами серого суглинки) выявились контуры нескольких ям.

Яма № 1 на кв. Б-1,6 округлая в плане, размерами 85 x 60 см, блюдцевидная в профиле, максимальной глубиной до 20 см. Заполнение – серая супесь, находок нет.

Яма № 2 на кв. Б-2 уходила в 3 стенку раскопа, размерами 115 x 50 см, максимальной глубиной до 25 см. Заполнение – серая супесь, находок нет.

Яма № 3 на кв. Б-2,3 округлая в плане, размерами 150 x 120 см, блюдцевидная в профиле, максимальной глубиной до 30 см. Заполнение – серая супесь с отдельными кусочками печины, в которой встречены по одному фрагменту лепной, красно- и белоглиняной гончарной керамики.

Сведения о составе находок в раскопе представлены в табл. 6.

Таблица 6

Инвентарь раскопа на селище Керкостров 2

№	Категории инвентаря	1 гор.	2 гор.	Ямы	Всего
1	Осколки фарфора, фаянса	6	6	–	12
2	Фрагменты поливной керамики	8	3	–	11
3	Фрагменты белоглиняной гончарной керамики	30	8	1	39
4	Фрагменты красноглиняной гончарной керамики	26	10	1	37
5	Фрагменты лепной керамики	9	10	1	20
6	Перстень (бронза)	1	–	–	1
7	Коромысло весов для малых взвешиваний (железо)	1	–	–	1
8	Отщепы кремня	2	1	–	3
9	Отщепы кварца	3	–	–	3
Итого		86	38	3	127

Предметы Нового времени, как уже упомянуто выше, единичны. Собранные в раскопе керамика в массе сильно измельчена, что затрудняет ее типологическую характеристику. При этом в небольшой коллекции селища уверенно выделяются ранне- и позднесредневековые комплексы. Первый представлен 20 фрагментами лепных горшков и каким-то количеством красноглиняной гончарной керамики, хотя среди последней лишь 2 фрагмента венчиков имеют определенно «курганские» формы. К раннесредневековому времени следует отнести и обе индивидуальные находки – пластинчатый несомкнутый бронзовый перстень и железное с бронзовым шпеньком коромысло весов для взвешивания серебра. Позднесредневековый комплекс представлен белоглиняной и частично типологически неопределимой красноглиняной гончарной керамикой. Верхние профильные фрагменты сосудов отсутствуют, однако по сумме технологических признаков позднесредневековый возраст большей части гончарной керамики из раскопа не вызывает сомнений. С комплексом связана яма № 3. Наконец, в коллекции присутствуют единичные отщепы кремня (из них 2 со следами работы), указывающие на посещения площадки в досредневековый период (см. рис. 57:1–6) [Спиридонов А2007, 2008].

17. Селище Керкостров 4 (см. рис. 1:17)

Поселение располагается у юго-западной оконечности Керкострова, примерно в 6 км к югу от ансамбля церквей на Кижском погосте. Оно занимает ровную используемую ныне под сенокос луговую площадку размерами примерно 70 x 20–25 м, вытянутую вдоль западного берега острова, на расстоянии 25–30 м от него. Высота площадки селища составляет около 2,5 м над уровнем воды. Раскоп площадью 60 кв. м был размечен в центральной части памятника.

Культурный слой (однородная пашня – серая слабо гумусированная супесь с небольшой примесью гальки, кусочков печины и отдельных обожженных камней) нарушен многолетней распашкой, в том числе с применением тяжелого плуга. Он разбирался двумя горизонтами по 15–18 см. Следы ка-

ких-либо сооружений в слое не прослежены. Находки в целом равномерно распределялись по вскрытой площади и были представлены единичными предметами Нового времени (осколки оконного стекла, фарфора, фаянса), но в основном средневековым инвентарем, в котором выделяются два разновременных комплекса. Полные сведения о составе находок из раскопа приводятся в табл. 7.

Таблица 7

Инвентарь из раскопа на селище Керкостров 4

№	Категории инвентаря	1 гор.	2 гор.	Всего
1	Осколки оконного стекла	4	1	5
2	Осколки фарфора, фаянса	2	1	3
3	Фрагменты белоглиняных гончарных сосудов	27	24	51
4	Фрагменты красноглиняных гончарных сосудов	44	42	86
5	Фрагменты лепных сосудов	8	9	17
6	Ножи (железо)	1	1	2
7	Неопределенные предметы и их обломки (железо)	3	2	5
8	Кусок шлака	–	1	1
9	Отщепы кремня	1	1	2
10	Отщепы лидита	1	–	1
11	Отщепы, осколки кварца	3	3	6
Итого		94	85	179

В коллекции выделяются два хронологически обособленных средневековых комплекса. Раннесредневековый комплекс находок представлен 17 в основном мелкими фрагментами лепных сосудов и каким-то количеством (можно полагать, не менее половины) обломков красноглиняных горшков, изготовленных на гончарном круге. По типологическим приметам к этому комплексу могут быть уверенно отнесены 2 фрагмента стенок, украшенных многорядным линейным орнаментом, 4 обломка слабо отогнутых наружу скругленных венчиков сосудов и венчик горшка с характерно оттянутым вверх внутренним краем среза (см. рис. 57:13–15). Остальные фрагменты красноглиняной керамики типологически точно не определимы, но при этом в коллекции количество этой группы керамики весьма существенно превышает таковое белоглиняной посуды, что совершенно не характерно

для состава керамических комплексов позднесредневековых поселений южной Карелии. Предположительно к раннесредневековому комплексу может быть отнесен также атипичный железный нож со сломанным черешком.

К позднесредневековому комплексу селища относятся собранные фрагменты белоглиняной керамики и какая-то часть красноглиняной посуды. Найдены лишь 2 венчика белоглиняных горшков типа 2 и столько же красноглиняных типа 2. Комплекс дополняет железный нож со сломанным черешком (см. рис. 57:7–18).

Наконец, следует упомянуть находки в раскопе немногочисленных отщепов кремня (один с ретушью), кварца, сланца и лидита, свидетельствующих о посещениях этой части острова в досредневековый период – наиболее вероятно, в эпоху энеолита [Герман А2008; Спиридонов А2009].

18. Поселение Керкостров 5 (см. рис. 1:18)

Памятник располагается в южной части одноименного острова, примерно в 400 м к западу от поселения Керкостров 2. Площадка многократно распахивалась, ныне периодически используется как сенокос, имеет размеры примерно 40 x 20 м. Она полого спускается к западу, отстоит от ближайшего (юго-западного) берега острова на 80 м, имеет высоту около 3 м над уровнем воды. Примерно в центре площадки поселения была размечена разведочная траншея 10 x 2 м.

Культурный слой поселения полностью и многократно переотложен при распашке, на уровне материка выявлены 4 небольших западания слоя, в которых находки либо отсутствовали, либо были представлены единичными фрагментами красноглиняной гончарной керамики и отходами производства каменных орудий. В траншее встречены 31 фрагмент красноглиняной, 5 – белоглиняной гончарной керамики, из которых лишь последняя может быть отнесена к позднему Средневековью (один венчик типа 1), несколько неопределенных железных предметов, точильный брусок, а также 18 отщепов кремня, лидита, сланца и кварца. Место концентрации на площадке памятника позднесредневековых материалов шурфовкой определить не удалось [Спиридонов А2008].

19. Селище Сенная Губа 1 (см. рис. 1:19)

Поселение находится на западном побережье о. Большой Климецкий, в черте с. Сенная Губа, на огородах у дома по ул. Рябинина, 1. Площадка памятника полого спускается к берегу от 2 до 1,5 м над уровнем воды, определенные по сборам размеры его составляют примерно 55 x 35 м. В 2004 г. на пашне были собраны 2 фрагмента раннесредневековой лепной керамики, 25 фрагментов белоглиняной гончарной керамики типов 1 (5 экз.) и 4 (15 экз.), 13 обломков красноглиняной типов 2–5, кремьень от огнива, 3 фрагмента чернолощеной керамики, а также поливная керамика и иной инвентарь Нового и Новейшего времени (см. рис. 58:1–10) [Дмитриева, Кочкуркина, 2000; Герман, А2004].

20. Поселение Сенная Губа 2 (см. рис. 1:20)

Памятник находится на западном берегу о. Большой Климецкий, в черте с. Сенная Губа, на огородах у дома № 15 по ул. Школьной. Площадка поселения размерами примерно 80 x 40 м вытянута параллельно берегу и понижается в его сторону от 5 до 2 м над уровнем воды. В 2004 г. на пашне были собраны около 40 фрагментов позднесредневековой белоглиняной керамики типов 1 и 2 (см. рис. 58:11, 12), красноглиняных горшков типов 3–5, поливная керамика Нового и Новейшего времени и несколько предметов каменного инвентаря, связанных с неолитической стоянкой [Дмитриева, Кочкуркина, 2000; Герман, А2004].

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ТОПОГРАФИЯ И РАЗМЕРЫ ПОСЕЛЕНИЙ

В окрестностях центра Спасо-Преображенского Кижского погоста выявлены и обследованы 20 средневековых поселений, раскопки площадями от 40 до 440 кв. м проведены на 7 памятниках, остальные исследовались посредством шурфовки (4–20 кв. м) и сборов на распахиваемой дневной поверхности. Раскопами и шурфами на селищах суммарно вскрыто около 1 тыс. кв. м. Более подробные сведения по каждому из памятников изложены в разделе 1 «Каталог средневековых поселений центра Спасо-Преображенского Кижского погоста». Все выявленные средневековые поселения располагаются на островах Кижских шхер; в ходе разведки, проведенной на материке против о. Кижы, средневековые памятники не обнаружены (см. рис. 1).

Культурный слой большей части исследованных поселений имеет мощность всего от 10–15 до 40 см (лишь в центральной части селища Васильево 2 – до 60 см) и нарушен многолетней распашкой и позднейшей застройкой. Неповрежденный средневековый слой в уходивших в материк ямах отмечен в раскопах на поселениях Наволок, Мальковец и Керкостров 1. Отчасти, лишь на отдельных участках раскопов, стратифицированным является культурный слой селища Васильево 2, практически не поврежден распашкой маломощный слой селища Бачурин Наволок. Вне зависимости от степени поврежденности культурный слой на памятниках разбирался условными горизонтами примерно по 10–12 см.

На шести исследованных поселениях наряду с более поздними представлены раннесредневековые материалы, что позволяет выделить эти памятники в особую хронологическую группу, характеризующую первоначальный этап освоения территории будущего центра погоста на рубеже I–II тыс. н. э.

Четыре раннесредневековых комплекса исследованы раскопками, еще два – это местонахождения отдельных фрагментов грубой лепной керамики на пашне. Топография и ландшафтная приуроченность раннесредневековых памятников разнятся. Селища Наволок, Волкостров, Керкостров 2 и 4, Сенная Губа 1 и 2 привязаны к песчаным участкам берегов высотой от 1 до 2,5 м над современным уровнем воды в озере, которые в южном Заонежье сравнительно редки. Первое из упомянутых селищ располагается у основания мыса, четыре других – на слабо выраженных выступах или ровных участках береговых террас. Подобная топография и привязанность к песчаным почвам характерны как для многих охотничье-рыболовецких поселений [Косменко, 1992. С. 193–212], так и для селищ, связанных с первоначальным этапом становления земледельческой практики в южной Карелии. Исключение представляет селище Васильево 2, расположенное на высоте около 2 м, на полого понижающемся к озеру участке берега, сложенном суглинком с галькой и в период первоначального заселения, очевидно, покрытом многочисленными валунами. Такие ландшафтно-топографические приметы для раннесредневековых поселений южной Карелии совершенно не характерны.

Площади распространения раннесредневековых находок (размеры селищ) достоверно установлены по данным раскопок лишь на двух памятниках. На селище Наволок немногочисленные фрагменты лепной керамики от 3 сосудов и единичные индивидуальные находки локализовались в раскопе на площадке размерами не более 30–40 кв. м, на которой зафиксирована и единственная в раскопе яма (№ 5) раннесредневекового возраста (см. рис. 4). На селище Васильево 2 раннесредневековый инвентарь встречен в двух раскопах на вытянутом параллельно береговой линии участке размерами приблизительно 40–45 x 25 м (площадь около 1 тыс. кв. м), примерно в центре этого участка исследованы следы печи (см. рис. 15). Сравнительно небольшие раскопы на селищах Керкостров 2 и 4 (соответственно 48 и 60 кв. м) не позволили выявить границы распространения раннесредневековых

комплексов находок (дополнительная шурфовка в условиях полной и многократной, с использованием тяжелого плуга при распашке, переотложенности слоя, рассеянности инвентаря и преобладании на обоих памятниках позднесредневековых материалов была неэффективна), однако наличие в комплексах как лепной, так и гончарной раннесредневековой керамики дает основание полагать, что площади этих раннесредневековых поселений составляют не менее ста, а скорее несколько сотен квадратных метров. Находки единичных фрагментов лепной керамики на пашне на селищах Волкостров и Сенная Губа 1 не позволяют высказать даже предположительные суждения о размерах раннесредневековых поселений.

Селища периодов развитого и позднего Средневековья в окрестностях центра Кижского погоста демонстрируют большее разнообразие топографии и ландшафтной приуроченности. Помимо описанных выше памятников, на которых также встречены и раннесредневековые материалы, на песчаной ровной площадке, примыкающей к берегу, на широком мысу располагается только селище Васильево 3. Остальные поселения этих периодов локализуются на участках, сложенных суглинистыми или песчано-гравийными почвами и (до расчистки в Средневековье) в той или иной мере завалуненных, на высотах 1–9 м над уровнем воды. Большая часть памятников привязана к береговой линии озера, но четыре селища (Бишево, Бачурин Наволок, Мальковец и Керкостров 1) располагаются на песчано-гравийных и в Средневековье завалуненных озовых грядах, на высотах соответственно 5, 6, 4 и 9 м над уровнем воды и на удалении от 30 до 65 м от ближайших берегов островов (см. рис. 35, 50). Особые топографические приметы имеют поселения Воробьи 1 и 3: они располагаются на скальных террасах высотой 3–5 м, перекрытых маломощными песчаными озерными отложениями (см. рис. 47). Весьма значительно разнятся и площади поселений периодов развитого – позднего Средневековья. Наибольшие размеры имеет селище Васильево 3 (150 x 40–50 м, площадь около 7 тыс. кв. м), однако следует отметить, что

этот памятник исследован лишь шурфами, материалы Средневековья и Нового времени в многократно переотложенном при распашке слое сильно рассеяны, места заметной концентрации первых выявить не удалось. Наименьшие размеры (200–250 кв. м) зафиксированы для селища Бачурин Наволок, на котором раскопом площадью 100 кв. м вскрыта большая часть заселенной в позднем Средневековье площадки и 3 отопительные конструкции (см. рис. 35). Сравнимые размеры определены для селищ Воробьи 1 и 3. Площади остальных поселений указанного периода варьируют в интервале от 750–800 (Мальковоц, Гивес Наволок, Лахта, Керкостров 4) до 2500–3000 кв. м (Наволок, Васильево 2, Керкостров 2, Сенная Губа 1 и 2).

3. ОСТАТКИ СООРУЖЕНИЙ НА ПОСЕЛЕНИЯХ

Остатки сооружений на селищах немногочисленны, поскольку культурный слой подавляющего большинства памятников полностью или частично разрушен последующими застройкой и распашкой. Особенно это касается раннесредневековых селищ, которые локализируются в границах более поздних средневековых поселений, из них большая часть (за исключением селищ Васильево 2 и Бачурин Наволок) была заселена или использовалась под пашню также в Новое и Новейшее время.

На селище Наволок характер и назначение упомянутой выше уходящей в материк прямоугольной в плане ямы № 5 площадью около 1,5 кв. м (см. рис. 4), в заполнении и вокруг которой локализовались все раннесредневековые находки, неопределенны.

На селище Васильево 2 на кв. В-4 в предматерике расчищен небольшой развал некрупных, частью обожженных валунов вместе с крупными кусками сильно обожженной глины (на этом и смежных квадратах в верхних горизонтах слоя также была отмечена несколько повышенная концентрация кусочков пещины), здесь же локализовалось скопление фрагментов лепного сосуда. На материке под этими остатками зафиксирована округлая в плане яма (№ 1) площадью около 1 кв. м, глубиной до 10 см, дно которой устилали несколько некрупных обожженных камней, в заполнении отмечены угольки, были найдены фрагменты подправленного на круге венчика того же лепного сосуда, части которого были обнаружены в предматерике (см. рис. 13, 15). Эти следы конструкции, планиграфически локализующиеся примерно в центре площадки раннесредневекового поселения, уверенно определяются как остатки небольшой печи с глиняным, укрепленным в нижней части камнями сводом и слегка углубленным подом. Аналогичные отопительные конструкции исследованы на ранне-

средневековых селищах Челмужи (северное побережье Онежского озера) и Шуя 6 (западное побережье) [Спиридонов, 2011. С. 174]. К раннесредневековому комплексу на селище Васильево 2, возможно, следует отнести также частично разрушенную фундаментом часовни яму № 4, в заполнении которой вещевые находки отсутствовали, а радиоуглеродный анализ угля дал дату в пределах IX в., не укладывающуюся в устанавливаемую по другим радиоуглеродным определениям и вещам нижнюю хронологическую границу селища (см. табл. 8).

Остатки сооружений на селищах периодов развитого – позднего Средневековья более многочисленны, но не отличаются большим разнообразием и выразительностью. Прежде всего следует отметить, что жилые и хозяйственные постройки на поселениях не имели фундаментов: лишь на селище Наволок на глубине около 30 см от дневной поверхности прослежен на протяжении около 4 м ряд из 5 средних размеров валунов, возможно, трассирующий стену какой-то постройки.

На селище Васильево 2 с комплексами этих периодов связаны две зафиксированные на кв. Н,М – 3 на уровне материка на протяжении 1,5 и 2 м параллельные полосы древесного тлена, ориентированные примерно по линии запад–восток – очевидно, следы нижних венцов постройки. На этом же памятнике исследованы следы нескольких отопительных конструкций. Примерно в центре площадки селища на кв. Е–И – 3–5 во втором–пятом горизонтах слоя на площади до 30 кв. м расчищен практически сплошной развал обожженных колотых камней, залежавших в углистом слое с примесью кусочков пачины. С востока к этому развалу примыкала прослеженная в третьем–четвертом горизонтах мощная (10–18 см) линза серой сырой глины с вкраплениями обожженной пачины и отдельных угольков. На уровне материка на кв. Ж–К – 3–5 открылась обширная вытянутая в меридиональном направлении неправильных очертаний яма. Образцы угля из ямы датированы по радиоуглероду 660±50 л. н. (JE-8907) и 510±30 л. н. (JE-7377) (см. рис. 13). В целом вскрытые остатки, с учетом радиоуглеродных датировок угля из ямы, уверенно интерпретируются как следы несколько раз перестраивав-

шихся печей в доме или сменявших друг друга жилых домах, стоявших в центре поселения. С комплексом этой же постройки/построек планиграфически связаны точно не интерпретируемые остатки, исследованные в третьем-четвертом горизонтах на кв. Г, Д-7: неправильных очертаний пятно слоя с вкраплениями сырой и слабо обожженной глины площадью около 5 кв. м и мощностью 10–12 см. У южной границы этого пятна на протяжении 1 м расчищена слабая полоса древесного тлена. Под глинистым пятном на кв. Д-7 открылась округлая линза древесного угля размерами 2 x 1,1 м, мощностью около 10 см, бывшее назначение которой неопределенно.

Остатки еще одной средневековой печи были частично вскрыты на селище Васильево 2 на кв. 1 в раскопе 2, на удалении 10–12 м к востоку от описанных выше остатков. На площади около 2 кв. м здесь исследована уходящая в стенки раскопа (под «груданицу», сложенную из собранных при расчистке участка камней) яма глубиной до 25 см от поверхности материка, имевшая плоское дно, заполненная расколовшимися пережженными камнями, залежавшими в углистом слое с большой примесью крупных и мелких кусков пачины.

Исследованные на селище Васильево 2 остатки удаленных друг от друга, но частью синхронных печей позволяют высказать суждения о планировке поселения: на нем в Средневековье, по крайней мере в какой-то его период, располагались минимум две жилые постройки.

Остатки средневековой печи, аналогичные описанным следам второй отопительной конструкции Васильево 2, исследованы также на селище Керкостров 1. На кв. Б-Г – 3-5 на уровне материка открылась округлая в плане яма глубиной в центральной части до 35 см, у западного края ямы на материке расчищено скопление средних размеров валунов. Заполнение ямы содержало местами значительную примесь древесного угля, крупных кусков пачины, обожженных камней, вкрапления местами сырой серой глины (см. рис. 51, 52).

Три конструктивно сходных между собой разрушенных основания печей исследованы на позднесредневековом се-

лице Бачурин Наволок (см. рис. 36, ямы № 1–3). Все они имели неправильно-округлые или овальные очертания в плане, максимальную глубину от 25 до 45 см, площади их составляли около 2,5–3 кв. м. Ямы были заполнены темной супесью с более или менее мощными углистыми вкраплениями, примесью кусков пещины и массой пережженных расколовшихся камней. Разновременность конструкций доказывается тем, что в каждой из них был встречен индивидуальный набор керамической посуды: судя по венчикам, ни в одном случае фрагменты одного и того же сосуда не происходят из разных печей (см. рис. 39–41). Культурный слой селища Бачурин Наволок не нарушен позднейшими застройкой и распашкой, поэтому последовательность сооружения трех отопительных конструкций в доме или сменявших друг друга жилых постройках, стоявших некогда на поселении, позволяют наметить стратиграфические наблюдения. Наиболее поздней является печь 1, пережженные камни и куски обожженной глиняной обмазки от которой были прослежены уже под дерном. Старше ее печь 2, остатки которой выявились в подошве первого горизонта. Самой ранней является печь 3, ее основание было зафиксировано только на уровне материка.

Следует отметить некоторую конструктивную разнотипность печей периодов развитого и позднего Средневековья, исследованных на памятниках окрестностей Кижей. Описанные выше печи на селищах Васильево 2 (раскоп 2) и Керкостров 1, судя по находкам в предматерике и характеру заполнения, имели глиняные своды с использованием камней, видимо, при сооружении преимущественно оснований отопительных конструкций. Печи же позднесредневекового селища Бачурин Наволок скорее следует определить как каменки, при сооружении сводов которых глиняная обмазка не играла решающей конструктивной роли.

С комплексом дома или сменявших друг друга жилых построек на селище Бачурин Наволок планиграфически явно связана обширная округлая яма № 7 площадью до 6 кв. м, глубиной до 30 см. В яме встречено минимальное количест-

во находок, предположительно ее можно определить как подпол для хранения припасов. На синхронном, судя по керамическому набору, селище Мальковец исследована аналогичная, но меньшая по площади (около 4,5 кв. м) яма № 3, в заполнении которой встречено значительное количество фрагментов керамики, отдельные кости и 2 пряслица. На смежном квадрате в раскопе была частично вскрыта яма (№ 4) глубиной до 30 см, заполненная темной супесью с массой обожженных расколовшихся камней (глиняная обмазка отсутствовала) и многочисленными находками. Яму, вероятно, следует интерпретировать как остатки печи-каменки, аналогичной отопительным конструкциям, изученным на селище Бачурин Наволок.

На всех раскопанных селищах периодов развитого – позднего Средневековья (кроме селища Керкостров 4) исследованы также иные западания слоя, функциональное назначение которых на поселениях не поддается даже предположительному определению (более подробно о них см. раздел 1 «Каталог средневековых поселений центра Спасо-Преображенского Кижского погоста»).

4. ИНВЕНТАРЬ И ХРОНОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

4.1. Раннесредневековые поселения

Шесть раннесредневековых селищ, из которых на четырех были проведены раскопки, дали сравнительно скромное количество находок, в них преобладают фрагменты керамики. Индивидуальные датирующие предметы встречены на селищах Наволок, Васильево 2 и Керкостров 2.

На первом из них обнаружен обломок бронзовой спиралеко-нечной фибулы с треугольным сечением дуги (см. рис. 5:1) – в Новгороде этот тип фибул встречен преимущественно в слоях X–XI вв., отдельные экземпляры бытовали до конца XII в. [Седова, 1981. С. 86; Лесман, 1990. С. 75] – и калачевидное кресало с язычком (см. рис. 5:14), датирующееся по новгородской шкале древностей X – серединой XIII в. [Колчин, 1982. С.163, рис. 4]. Возможно отнесение к раннему Средневековью единичных находок в раскопе обломков бронзового листа, один с заклепкой (см. рис. 5:11) – вероятно, части котлов.

На селище Керкостров 2 индивидуальные находки представлены железным стержнем с бронзовым сквозным шпеньком, располагающимся в центре изделия, – коромысло миниатюрных весов для малых взвешиваний, прежде всего серебра (см. рис. 57:2). Предметы торгового инвентаря, включая части весов для малых взвешиваний, обнаружены на ряде сельских поселений южного Белозерья и Волго-Окского междуречья X–XII вв. [Макаров, 2008. С. 8–9, рис. 3; 2009. С. 56–57, рис. 26] и, по подсчетам С. И. Кочкуркиной [1989. С. 271], в девяти комплексах захоронений курганов Юго-Восточного Приладожья X–XI вв. Географически ближайшие к Заонежью находки частей от двух миниатюрных весов происходят из грабительских раскопок местными крестьянами в XIX в. кургана X в. в д. Мандроги в среднем течении р. Свирь, соединяющей Онежское и Ладожское озера [Архив ИИМК. Ф.1. 1899. № 183; ОАК. 1902. С. 107–108, 160].

К раннесредневековому комплексу селища Керкостров 2, вероятно, следует отнести также бронзовый пластинчатый несомкнутый перстень (см. рис. 57:1), хотя перстни такой простейшей формы имеют широкую датировку (в Новгороде – до конца XIII в.) [Лесман, 1990. С. 49, рис. 4:3.2].

В представительной коллекции, собранной на селище Васильево 2, присутствует ряд индивидуальных находок, которые можно связать с раннесредневековым комплексом памятника (некоторые типы ножей, наконечников стрел, ледоходные шипы), но все они имеют широкие даты, включающие также XII и последующие века. Вопрос о датировке этих предметов будет подробнее рассмотрен ниже в контексте иных индивидуальных датирующих находок на данном поселении. Здесь отметим лишь находки в предматериковой части слоя нескольких кусков листовой бронзы – обломков котлов (см. рис. 23:3–5). В Карелии (и шире – в Восточной Финноскандии) обломки бронзовых котлов, как уже отмечено для селища Наволок, входят в состав, как правило, раннесредневековых комплексов на местных многослойных поселениях [Косменко, 1996; Жульников, 2005].

Наибольшая коллекция раннесредневековой керамической посуды происходит также с селища Васильево 2. В двух раскопах на памятнике собрано более 100 преимущественно мелких фрагментов лепной керамики, происходящих, судя по венчикам, примерно от 25 сосудов, из которых 3–4 имеют следы подправки венчика на подставке и могут быть отнесены к категории раннегончарных (ФГК 1, по А. А. Бобринскому [1978]). Большая часть типологически определимых лепных и раннегончарных горшков имеет слабо отогнутый наружу короткий скругленный на срезе венчик и, в устанавливаемых случаях, выступающие округлые плечики, пропорции сосудов неопределимы (см. рис. 25: 1,2,5, 7, 11; 26:1–3,8; 27:1). Горшки таких форм являются общераспространенными на северо-западе лесной зоны, а в курганах Юго-Восточного Приладожья – преобладающими [Спиридонов 1989. С. 312–314, типы I и II]. Четыре фрагмента лепной керамики (из них 3 венчика) орнаментированы прочерченными косыми линиями в сочетании с ямочными вдавлениями по шейке (см. рис. 25:10, 11),

рядами неправильной формы ямочных вдавлений по плечу (см. рис. 25:13) и четырьмя горизонтальными рядами косо поставленных отпечатков, имитирующих шнуры, по шейке и плечу (см. рис. 25:14). Скромное количество материала не дает возможности уверенно определиться с кругом аналогий для этой орнаментированной группы лепной посуды (отметим, пожалуй, наибольшее сходство указанных элементов с орнаментированной лепной керамикой Белозерья [Макаров, 1991. С. 129–165]), но позволяет утверждать, что коллектив, оставивший раннесредневековое селище, включал представителей восточнофинского (в широком смысле) населения.

К раннесредневековому комплексу поселения достаточно уверенно относится часть красноглиняной гончарной керамики, хотя полностью сильно измельченные обломки керамики этой группы по комплексам раннего Средневековья и более позднего времени распределить невозможно. Типологически к данному комплексу относятся несколько (до десятка) сосудов «курганных» форм с отогнутыми наружу венчиками, внутренний край среза которых оттянут вверх или внутрь сосуда и образует небольшой приостренный валик (см. рис. 27:2–6, 8). Такая гончарная посуда наиболее широко распространена на памятниках древнерусского времени Северо-Запада. Например, в Новгороде, по материалам Троицкого XI раскопа, они составляют до 40 % всей типологически обработанной гончарной посуды [Малыгин и др., 2001. С. 94, группы типов V и VI]. Географически ближайшими являются аналогии из курганов Юго-Восточного Приладожья X–XI вв. [Спиридонов, 1989. С. 308–311, типы II и IVB]. Часть обломков стенок красноглиняных горшков несет признаки ранних этапов производства посуды на гончарном круге: неровность заглаживания, нарушения ритмичности орнаментальных линий (см. рис. 26:4–7). Отметим при этом полное отсутствие в коллекции обломков посуды с таким распространенным в древнерусское время элементом орнаментации, как многорядная волна. В целом, с учетом типологически неопределимых фрагментов, к раннесредневековому комплексу памятника можно отнести части примерно от 20–25 гончарных сосудов. Таким образом,

процентное соотношение лепной и гончарной керамики в комплексе составляет примерно 50 на 50.

Фрагменты стенок и доньшек лепных горшков с селищ Наволок, Волкостров и Сенная Губа 1 типологически неопределимы. Раннесредневековые комплексы находок селищ Керкостров 2 и 4 весьма скудны, но в целом демонстрируют (см. рис. 57:4,5, 11–16) то же сочетание лепной и гончарной красноглиняной посуды, которое отмечено для более представительного комплекса поселения Васильево 2.

Указанные выше датировки позволяют определить хронологию раннесредневековых памятников окрестностей Кижей в пределах X–XI вв. с возможной корректировкой в сторону омоложения верхней даты для селища Васильево 2. Небесспорный вопрос о хронологической стыковке или нестыковке определенно раннесредневековых и более поздних материалов этого памятника будет специально рассмотрен ниже.

4.2. Селища периодов развитого и позднего Средневековья

Индивидуальные находки периодов развитого – позднего Средневековья, имеющие более или менее узкую хронологию, встречены в том или ином количестве в раскопах на селищах Наволок, Васильево 2, 3, Бачурин Наволок и Керкостров 1.

На первом из них это вислая свинцовая печать (случайная находка на пашне в 1980-х гг.), с изображением на одной стороне креста и надписью «Печать Игната Михайловича» (см. рис. 5:3). Булла атрибутирована В. Л. Яниным [1991. С. 246–247] как печать владычного наместника в Обонежье; Игнат Михайлович упоминается в качестве послуха в одной купчей грамоте середины XV в. Найденный в раскопе перстень (см. рис. 5:4) относится к разряду щитковосрединных, изготовлен из медного сплава серебристого цвета, дужка кольца не сомкнута. Круглый плоский щиток перстня украшен циркульным орнаментом в центре и растительными завитками по краям. По М. В. Седовой [1981. С. 132], в Новгороде щитковосрединные перстни с круглыми щитками встречены в слоях второй половины XII – начала XIV в.; по Ю. М. Лесману [1990. С. 75], этот тип появляется в слоях

середины XIII в. и бытует, по крайней мере, до конца XV столетия. Второй перстень с напаянным на проволочное кольцо сложным фигурным щитком, на котором располагается крепление для отсутствующей вставки (см. рис. 5:15), сколько-нибудь точно не датируется. В Новгороде подобные украшения встречены в слоях с середины XII до конца XIV в. [Седова, 1981. С. 140–141], однако известны и значительно более поздние аналогии перстням такого типа [например: Порфиридов, 1951. С. 153]. Плоский янтарный нательный крест с отверстием для привешивания (см. рис. 5:10) относится к типу I, по М. Д. Полубояриновой [1994. С. 81], и надежно датируется по многочисленным новгородским аналогиям временем от последней трети XII до третьей четверти XV в. Таким образом, нижняя хронологическая граница данного комплекса на селище Наволок по индивидуальным находкам определяется временем не ранее XIV в., верхняя граница, как будет показано при анализе керамики, неопределима.

Наиболее многочисленная и разнообразная коллекция индивидуальных датирующих средневековых предметов была собрана в раскопах на селище Васильево 2, что объясняется сравнительно ранней хронологией комплекса развитого Средневековья, охватывающей, по крайней мере, большую часть XIII в., и владельческим статусом этого поселения.

Предметы украшения и детали одежды представлены следующими находками. Бронзовое проволочное браслетообразное височное кольцо (см. рис. 16:10) имеет диаметр 25–30 мм, круглое сечение дрота, концы не сомкнуты и, по-видимому, обломаны. По новгородской типохронологической шкале древностей этот тип/типы височных украшений датируется в интервале с середины XI по конец XIII в. [Лесман, 1990. С. 69]. Стратиграфические условия залегания предмета в углистом пятне вместе с другими вещами и керамикой указывают скорее на XIII в. Обломок изделия из не окислившегося металла серебристого цвета, круглый в сечении в узкой части, овальный в расширяющейся (см. рис. 16:5), также предположительно может быть определен как фрагмент височного украшения, однако полные аналогии ему указать затруднительно. Тонкий бронзовый стержень

прямоугольного сечения с загнутыми в петли концами (см. рис. 16:13), очевидно, представляет собой часть *серьги*. Предмет вполне уверенно не датируется, однако в Новгороде проволочные и плоские серьги встречаются исключительно в слоях XIV–XV вв. [Седова, 1981. С. 16]. Обломок синей стеклянной *бусины* относится к типу рубчатых цилиндрических. По Ю. Л. Щаповой [1956. С. 175], в Неревском раскопе Новгорода этот тип стратиграфически датируется XI–XIII вв., однако исследовательница специально оговаривается, что «данный тип редок, не характерен и датирующим служить не может». Обломанная *янтарная подвеска* прямоугольной формы, украшенная на противоположных лицевых гранях двойными округлыми углублениями, от которых отходят канавки, сквозь боковые гладкие грани проходит сквозное отверстие для привешивания (см. рис. 16:2). Полные аналогии этому украшению нам неизвестны, однако верхняя дата для него вполне определена – до 1470-х гг., когда после присоединения к Московскому царству янтарь из Прибалтики перестал поступать на бывшую новгородскую территорию. Обломки двух гладких *стеклянных браслетов*. Один из них круглый в сечении, бирюзового цвета, восстанавливаемым диаметром около 6,5 см (см. рис. 16:6). Второй плоскоовальный в сечении, светло-зеленого с голубоватым оттенком цвета (см. рис. 16:7). В Новгороде стеклянные браслеты встречаются в слоях середины XII – середины XIV в., но подавляющее большинство находок приходится на XIII в. [Колчин, 1982, рис. 2]. *Три* бронзовых *перстня*. Первый – овальнощитковый с небрежно украшенным резьбой щитком (см. рис. 16:3). По Ю. М. Лесману [1990. С. 52–53], в Новгороде этот тип перстней происходит из слоев после 1197 г., верхняя дата неопределима. Второй перстень – рубчатый, с рубчиками, подправленными напильником после литья (см. рис. 16:12). По новгородской типохронологической шкале древностей он датируется концом XI–XIV в. [Седова, 1981. С. 122; Лесман, 1990. С. 50, рис. 4:9.2]. Третий перстень имеет рельефный двучастный прямоугольный щиток, в который вделана округлая бирюзового цвета стеклянная вставка (см. рис. 16:11). Близкие новгородские аналогии этому перстню происходят из слоев третьей четверти XI – конца XII в. [Седова, 1981.

С. 139, рис. 54:12; Ю. М. Лесман не выделяет перстни со вставками в отдельную таксономическую группу]. Среди деталей одежды найдена бронзовая одночастная *поясная пряжка* (см. рис. 16:9), имеющая полуокруглую переднюю часть, украшенную слабым рифлением. По Ю. М. Лесману [1990. С. 19, 78], в Новгороде этот тип пряжек встречен в слоях, датированных в интервале 1177–1313 гг., возможно до 1382 г. Отметим также прорезную *нашивку* на ремень или платье (см. рис. 16:1), изготовленную из трубчатой кости, украшенную по лицевой стороне скупым глазковым орнаментом. Сколько-нибудь близкие аналогии этому предмету нам неизвестны. Серебряная *монета* (см. рис. 16:8) имеет вес 0,3725 г, что соответствует нормативному весу московской деньги и новгородской полушки. Монета точно не определена, однако она достаточно уверенно может быть датирована временем после 1420 г. – даты начала собственного новгородского монетного чекана и общей интенсификации монетного обращения на территории Новгородской земли.

Найдены несколько *предметов вооружения*, в том числе датирующих. Среди четырех *наконечников стрел* два (см. рис. 17:1, 3) относятся к типу 46, по А. Ф. Медведеву [1966. С. 67–68]. В Новгороде такие наконечники с ромбовидным пером, без упора для древка, встречены в слоях XI–XIII вв. В Восточной Европе данный тип был общераспространенным, найден преимущественно на памятниках IX–XI вв. Один наконечник относится к типу 66, «веслообразных», по А. Ф. Медведеву [1966. С. 75] (см. рис. 17:2). В Восточную Европу наконечники этого типа были занесены монголами, в Новгороде они встречены в слоях конца XIII и первой половины XIV в. Четвертый наконечник стрелы имеет округлый в сечении черешок и квадратный упор. Перо изделия обломано, и тип его точно не определим (см. рис. 17:4). К категории охотничьего или боевого оружия принадлежат также два железных *втока* (см. рис. 17:5, 6) – наконечники для втыкания в землю для упора древков копий или рогатин.

Хозяйственно-бытовой инвентарь представлен более многочисленными и разнообразными находками. *Ключ от навесного замка* (см. рис. 19:2) относится к типу Д, по классификации Б. А. Колчина [1982. С. 160, рис. 3], датирующемуся XIV –

первой половиной XV в. Найденный обломок *дужки навесного замка* (см. рис. 19:1) типологически неопределим. Найденны также несколько железных предметов *дверного снаряда* – скобы, пробой (см. рис. 19:4–7), которые не принадлежат к числу датирующих. Три железные *спицы от прялок* (рис. 18:1–3) имеют стандартные формы, две из них перевиты в верхних частях. По наблюдениям Б. А. Колчина [1982. С. 164], в Новгороде такие спицы встречаются в слоях XIII – начала XV в., причем большая часть находок приходится на XIV в. Из девяти собранных *пряслищ* одно глиняное шаровидной формы (см. рис. 18:5) (этот предмет можно определить и как грузило рыболовной сети) и восемь каменных (одна заготовка на обломанной сланцевой плитке) (см. рис. 18:6–12). Два из последних массивные, имеют диаметры около 5 см, уплощенные и гладкие с нижних сторон, верхние слегка выпуклые стороны украшены циркульным орнаментом. Два *пряслища* выточены из розоватого и серого сланца, еще два представляют собой просверленные гальки. Все предметы этой категории не датируемы. Просверленная галька из розового песчаника (см. рис. 18:4) может быть предположительно определена как грузик от вертикального ткацкого станка.

На селище найдены 20 железных *ножей* и их обломков (см. рис. 20, 21). Три из них, судя по форме (см. рис. 20:1–3), относятся к группе 4, по Р. Ф. Минасяну [1980. С. 58–74], и датируются временем до середины XII в. Точнее это может быть определено лишь посредством металлографического анализа – установлением использования технологии трехслойного пакета при изготовлении клинка. Остальные ножи хронологически неопределимы, у одного из них на переходе к черешку располагается железная обоймица. Семь *ледоходных шипов* (см. рис. 24:1–7) из коллекции могут быть датированы только в широких пределах X–XVI вв. [Колчин, 1959. С. 114–115]. Железные предметы конского снаряжения представлены обломками *двух подков* (см. рис. 19:9), двумя *пряжками* и язычком еще одной от *упряжи* (см. рис. 19:8, 10; 24:8, 9). Все эти предметы также сколько-нибудь точно не датируются. К бытовому железному инвентарю относятся два *бурава* (см. рис. 23:6, 8), *шило* со следами костяной рукоятки

(см. рис. 23:7) и, вероятно, сломанное *кресало* атипичной формы, лишь напоминающей «калачевидные с язычком» (см. рис. 23:9). В раскопах на селище встречены семь кремней от огнив, характерно забитых по периметру, и дюжина кусков и отщепов кремня.

Сельскохозяйственный инвентарь представлен обломками *серпа* и *косы* (см. рис. 22:1, 2). Серп относится к так называемому новгородскому типу, форма которых близка к современным серпам. На обломанной железной части рукояти серпа сохранились два отверстия для заклепок крепления деревянных накладок. Насколько нам известно, этот способ крепления рукоятей появляется в Новгороде и Новгородской земле с XIV в. Обломок *косы-горбуши* имеет на сохранившемся конце характерный изгиб под прямым углом для крепления к деревянному черенку. К орудиям, связанным с *рыболовным промыслом*, относятся точно не датируемые находки массивной *блесны* с обломанным крючком (см. рис. 22:3), двух *рыболовных крючков* (см. рис. 22:4, 5), и, возможно, уже упомянутое сломанное *грузило для рыболовной сети*, изготовленное из красножгущейся глины (см. рис. 18:5).

На селище Васильево 2 получены четыре радиоуглеродные даты. Наиболее ранняя из них – 1100±30 л. н. (JE-8906) – определена по углю из ямы № 2 на кв. К-6,7, не содержащей вещевых находок. Как уже сказано, эта дата выходит за разумно определяемую нижнюю хронологическую границу поселения. Дата 775±25 л.н. (JE-7376) получена по образцу, взятому из предматериковой части слоя, перекрытого на этом участке мощной линзой сырой стерильной глины. Залегание угля в слое допускает возможность некоторой корректировки этой даты в сторону удревнения. Два образца угля из придонной части заполнения ямы № 3 на кв. З-К-3-5 дали даты 660±50 л.н. (JE-8907) и 510±30 л.н. (JE-7377). Судя по находкам двух медных монет XVIII–XIX вв., верхняя часть заполнения этой подпечной ямы была потревожена в Новое время.

В табл. 8 суммированы приведенные выше данные по хронологии индивидуальных датирующих находок на селище и полученных радиоуглеродных определений. Как ви-

дим, верхняя хронологическая граница поселения (исключая находки, связанные с функционированием часовни Успения Пресвятой Богородицы уже в Новое время) может быть вполне уверенно ограничена XV в. Нижняя хронологическая граница памятника, если пренебречь датой по С-14 в пределах IX в. для ямы № 2 и учесть указанную выше примерно равную пропорцию находок лепной и гончарной керамики, определяется временем не ранее X столетия, а скорее около рубежа I и II тысячелетий.

Таблица 8

Хронологическое распределение индивидуальных находок и радиоуглеродных дат раскопа на селище Васильево 2

Находки и даты по С-14	Века							
	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
Яма № 2 (JE-8906)	—							
Наконечники стрел типа 46		—	—	—	—	—		
Ледоходные шипы		—	—	—	—	—	—	—
Перстень со вставкой			—	—	—	—		
Рубчатый перстень			—	—	—	—	—	
Височное кольцо			—	—	—			
Слой, кв.З-З (JE-7376)				—				
Янтарная подвеска			—	—	—	—	—	
Стекланные браслеты				—	—	—		
Поясная пряжка				—	—	—		
Овальнощитковый перстень				—	—	—	—	
Спицы от прялок					—	—	—	
Яма № 3 (JE-8907)					—	—		
Наконечник стрелы типа 66					—	—		
Ключ типа Д						—	—	
Обломок серьги						—	—	—
Яма № 3 (JE-7377)							—	
Серебряная монета							—	—

Дискуссионен весьма важный вопрос о хронологической стыковке комплексов раннего и развитого Средневековья, поскольку селище Васильево 2 – единственное из исследованных кижских поселений, допускающее такую стыковку и, следовательно, непосредственную преемственность между раннесредневековым и более поздними этапами заселения площадки поселения. В археологическом плане это вопрос

о наличии на памятнике материалов XII – начала XIII в. Дату в пределах XII в. дал только уголь из предматерика, собранный на кв. 3-3, однако по причине залегания взятого образца в слое, как уже указано выше, именно эта радиоуглеродная дата не бесспорна и может быть скорректирована в сторону удревления. Не вызывает сомнений наличие на памятнике лишь материалов XIII–XV вв., разрыв их с раннесредневековым комплексом можно оценить примерно в столетие-полтора (см. табл. 8). Лагуна в находках, покрывающая в основном XII в., в целом подтверждается приводимым ниже анализом керамики поселения.

Еще одним памятником, на котором найдены материалы не позднее XIV в., является селище Васильево 3. Правда, это единственная находка круглой черной стеклянной бусины с белой спирально-волнистой инкрустацией отдела II, типа 2, по Ю. Л. Щаповой (суммарная дата – XII–XIV вв.) [1956. С. 171] (см. рис. 16:4). Встреченная в шурфах на этом поселении типологически определяемая керамика относится к более позднему времени.

Материалы конца новгородского времени обнаружены на селище Керкостров 1. Из датирующих вещевых находок – фрагмент слива белоглиняного *рукомоя*, оформленный в виде головки животного (см. рис. 53:11). В красноглиняном исполнении такие *рукомои* найдены в слоях XV–XVI вв. в Пскове [Кильдюшевский, 2002. С. 20, тип I, рис. 10:19, 25] и Ивангороде [Петренко, Кильдюшевский, 1989. С. 39–40, рис. 9:17, 20, 32]. Для позднесредневекового комплекса селища получена радиоуглеродная дата по образцу, взятому из ямы № 4 – 520±25 л. н. (JE-8274). Остальные индивидуальные находки на селище (см. рис. 53:1–10) датирующими не являются или относятся к рубежу Средневековья и Нового времени (подковка от высокого каблука, см. рис. 53:8).

К финалу Средневековья – началу Нового времени относится селище Бачурин Наволок. Из датирующих индивидуальных предметов в коллекции имеется лишь *нательный крест* из меди или медного сплава (см. рис. 38:1) типа I, подтипа I, варианта I, по Э. П. Винокуровой [1999. С. 333–336], которая

датирует его в интервале XVII–XIX вв. Предметы хозяйственно-бытового назначения из коллекции (железные обломок подковы с шипом, части *дверного снаряда*, обломок *косы или серпа*, сланцевый *оселок* с отверстием для привешивания, три каменных *пряслица* и, вероятно, *грузик* от *вертикального ткацкого станка* – см. рис. 38:2–13) хронологически неопределимы. Датировка памятника XVI–XVII вв. определяется более по керамике, которая рассматривается ниже.

По составу керамического набора (см. рис. 45) и вскрытым остаткам сооружений полностью синхронно поселению Бачурин Наволок селище Мальковец, которое также соотносится с деревней («На Вигострове») писцовых книг XVI в. Помимо трех *пряслиц* (два из просверленных галек, одно обточенное сланцевое), единственной индивидуальной находкой из раскопа является железная поясная или *сбруйная пряжка* типа, бытовавшего в лесной зоне с домонгольского времени до XVI–XVII вв. (см. рис. 44) [Никитин, 1971. С. 42, табл. 6:15, 16].

* * *

Массовой, а для ряда селищ единственной категорией находок периодов развитого – позднего Средневековья являются фрагменты **керамической посуды**. Опорными при классификации керамики для нас послужили разновременные, но частично хронологически стыкующиеся коллекции селищ Васильево 2, Наволок, Бачурин Наволок, Мальковец и Керкостров 1, на которых получены более или менее большие, статистически значимые серии сосудов. Классифицированная керамика этих пяти памятников (представляющих своего рода суммированную «горизонтальную стратиграфию» поселений микрорегиона) с привлечением аналогий дала основания для хронологической дифференциации иных кижских селищ, более скромных по собранному количеству материала. Учитывая имеющиеся данные по некоторым другим центрам погостов Прионежья [Спиридонов, 2011. С. 173–176], полагаем, что кижская типохронологическая шкала средневековой гончарной керамики пока может служить эталонной для территорий в бассейне Онежского озера. Она развивает и дополняет схе-

му эволюции керамической посуды на протяжении второй половины XIV – первой половины XIX в., разработанную по материалам исследования поселений центра Толвуйского погоста на северо-востоке Заонежского полуострова [Спиридонов, 2004. С. 294–303]. При выделении из общей массы керамики посуды XVIII–XIX вв. привлекались также материалы раскопок Петровской слободы в исторической зоне г. Петрозаводска [Жульников, Спиридонов, 2003. С. 81, 110–111] и Толвуйской земской избы (селище Толвуйская Губа 1) [Спиридонов, 1995. С. 152–174].

Всего типологической обработке подверглись примерно 800 сосудов (включая посуду определено Нового времени, около 150 экз.). В это число не входит поливная и чернолощенная керамика. Фрагменты последней (всего от 6–8 сосудов) встречены только на селищах Наволок, Бачурин Наволок, Сенная Губа 1.

Целые (реконструируемые графически) формы посуды в коллекциях поселений единичны, при классификации учитывались в основном верхние профильные части сосудов от венчика до плечика, в типологически очевидных случаях – венчика и шейки. Подавляющее большинство обработанной керамики представлено обломками горшков, иные формы (кувшины, крышки, миски, ручной) единичны. Большая часть выделяемых типов горшков изготовлена на медленном гончарном круге, о чем свидетельствуют неровность заглаживания, в некоторых случаях нарушение ритмичности и наклона орнамента, а также другие признаки. Эта достаточно примитивная технология формовки посуды определяет, на наш взгляд, большую вариативность оформлений верхних профильных частей сосудов. По этой причине, учитывая также сильную фрагментированность значительной части керамики, мы отказались от чрезмерного дробления типов на варианты, которые на имеющемся материале не могут служить сколько-нибудь надежными индикаторами хронологических или локальных изменений в керамическом наборе. Особенно это касается позднесредневековой белоглиняной керамики, которую мы свели преимущественно в один-единственный тип. Керамическая посуда, изготовленная на быстро вращающемся гончарном круге из более качественного сырья, с мелкими минеральными отощителями

теста, в массовом количестве распространяется в бассейне Онежского озера только в первой половине XVIII столетия.

Заонежская гончарная посуда периодов развитого – позднего Средневековья четко делится *на две группы*: красноглиняную (цвет черепков в массе различных оттенков коричневого, всего учтено 374 сосуда) и белоглиняную (фрагменты в массе светло-серого, значительно реже – розоватого цвета, учтено 424 сосуда). Группировка основывается на фиксируемой устойчивой корреляции технологических и морфологических признаков горшков. К первым относятся состав сырья (красно- или беложгущаяся глина), характер отощителя теста (ведущим типам средневековой белоглиняной керамики присущи более грубые минеральные примеси, в основном дресва, в сочетании с органикой). Обжиг, очевидно, в большинстве случаев печной. К коррелирующим с указанными выше морфологическим признакам относятся достаточно устойчивые формы венчиков, шеек и плечиков горшков и их сочетание, а также орнаментация посуды. Так, в группе белоглиняной керамики не зафиксировано *ни одного* случая использования такого элемента декора, как волна, на орнаментированной части посуды этой группы представлен лишь один элемент – горизонтальные бороздки. Исходя из сказанного, классификация гончарной керамики проведена отдельно для двух указанных групп. Общие сведения о количестве представленных на том или ином поселении форм и типов керамики даны в табл. 9 и 10.

Группа красноглиняной керамики

Тип 1 (29 фрагментов сосудов, см. рис. 28:1–8, 10–11, 13). Горшки с профилем S-видной формы, отогнутыми наружу венчиками (более чем в трети случаев до почти горизонтального положения, «в виде фигурной скобки», по А. Н. Кирпичникову), срезанными наружу, по внутреннему краю среза проходит характерное утолщение. Не более трети сосудов орнаментировано по плечикам – несколькими параллельными бороздками, однорядной волной или их сочетанием. В городских материалах Северо-Запада России в определенный период Средневековья

это самый распространенный тип горшков. В качестве аналогий назовем лишь керамику Новгорода и Пскова. В Новгороде это тип V, по старой классификации Г. П. Смирновой [1956, рис. 2, 3, 7:2,9] посуды Неревского раскопа (датирован ею второй четвертью XIV – первой четвертью XV в.). В предложенной сравнительно недавно классификации керамики новгородско-Троицкого XI раскопа он, видимо, примерно соответствует «группе типов» V (наиболее близок к самому широко распространенному типу VA, распределение его в слое по пластам в публикации показано в таблице преимущественно лишь пунктиром, то есть неопределенно) [Малыгин и др., 2001. С. 94, табл. 3, рис. 9–10]. В Пскове это горшки типа IV, варианты А–В, встречающиеся в пластах, датированных второй четвертью XIII–XIV в. [Кильдюшевский, 2002. С. 12, рис. 4:1–5].

Таблица 9

Распределение типологически определимой
красноглиняной гончарной керамики на поселениях

№	Наименование селища	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5	Редкие	Всего
1	Кижский Погост	–	–	–	–	–	–	–
2	Наволоч	–	11	18	7	45	16	97
3	Васильево 1	–	–	–	–	–	–	–
4	Васильево 2	29	17	16	14	4	12	92
5	Васильево 3	–	–	–	–	–	2	2
6	Бишево	–	–	–	–	–	2	2
7	Бачурин Наволоч	–	–	10	9	53	9	81
8	Мальковец	–	–	5	–	32	3	40
9	Рогачево	–	1	–	1	–	–	2
10	Волкостров	–	–	–	–	2	–	2
11	Гивес Наволоч	–	–	–	–	–	–	–
12	Лакта	–	–	1	–	2	–	3
13	Воробьи 1–2	–	–	2	6	–	–	8
14	Воробьи 3	–	–	1	4	2	–	7
15	Керкостров 1	–	3	4	5	7	1	20
16	Керкостров 2	–	–	–	1	–	–	1
17	Керкостров 4	–	2	–	–	–	1	3
18	Керкостров 5	–	–	–	–	–	2	2
19	Сенная Губа 1	–	1	3	2	2	–	8
20	Сенная Губа 2	–	–	1	2	1	–	4
Итого		29	35	61	51	150	48	374

На рассматриваемых нами кижских памятниках горшки типа 1 встречены исключительно на селище Васильево 2, что, учитывая его раннюю хронологию, а также указанные датировки городских аналогий, позволяет ограничить период бытования типа в южном Заонежье XIII–XIV вв.

Тип 2 (35 фрагментов сосудов, см. рис. 7:1–3; 28:14; 54:2–4; 57:17). Горшки с коротким прямым или слабо отогнутым наружу венчиком, срезанным горизонтально или наружу, слабо выраженной шейкой, округлыми выступающими плечиками, по внутреннему краю среза венчика проходит характерное утолщение. Лишь единичные фрагменты орнаментированы волной или горизонтальными бороздками в районе плечиков. В этих сосудах распознаются поздние (XIV–XV вв.) варианты новгородского типа V, по Г. П. Смирновой [1956], варианты Г–Е типа IV керамики Пскова, бытовавшие в XV – начале XVI в. [Кильдюшевский, 2002. С. 12, рис. 4:1–5]. В городах Новгородской земли в XIV – начале XVI в. это доминирующий тип горшков. В слоях XV в. крепости Орешек, например, он составляет от 63 до 70–80 % всей керамической посуды [Кильдюшевский, 1981. С. 111–116. 2002. С. 12].

На кижских памятниках обломки горшков типа 2 присутствуют в коллекциях селищ Наволок, Васильево 2, Керкостров 1 и 4, что, в общем, подтверждает верхнюю границу бытования типа в Заонежье до начала XVI в. Нижняя дата аналогий с памятников более южных районов Новгородской земли и Псковщины (рубеж XIII–XIV вв.) не может быть строго подтверждена по материалам открытых комплексов нестратифицированных кижских поселений. Позднесредневековые комплексы селищ Наволок, Керкостров 1 и 4 датируются в основном XV в.

Тип 3 (62 фрагмента сосудов, см. рис. 7:10–12; 39:2,3; 40:3,9; 41:12; 42:1–3,6; 43:2,3; 45:11,17–19; 48:9; 49:3, 9,10; 54:1,15,16; 55; 56: 5,9; 57:5,14). В этот «тип» условно объединены сильно различающиеся по форме (шейки, плечиков) и, вероятно, пропорциям, и хронологии горшки с короткими слабо отогнутыми венчиками, срезанными наружу. От дальнейшей типологической классификации этих сосудов, из-за сильной фрагментированности и сравнительной малочисленности материалов кижских селищ, мы вынуждены были отказаться.

Отметим лишь, что вариант с расширяющимися косо срезанными наружу венчиками (например, см. рис. 7:10–11; 49:9,10) практически отсутствует в материалах селища Васильево 2 и слабо представлен в коллекциях более поздних селищ Бачурин Наволок и Мальковец. Таким образом, есть основания полагать, что данный вариант появляется в Заонежье не ранее рубежа Средневековья и Нового времени.

«Тип» 3 можно назвать условным, но при этом его трудно обозначить как редкий на рассматриваемых памятниках. Бесспорно наличие таких горшков (лишь два орнаментированы) в средневековых комплексах селищ Васильево 2 (см. рис. 30:7), Керкостров 1 (см. рис. 55:1–2), но они явно не занимали в новгородское время ведущих позиций в местном керамическом наборе. Столь же бесспорно присутствие подобных сосудов (плечико в ряде случаев обозначено уступом) среди керамики селищ Бачурин Наволок и Мальковец (XVI–XVII вв.), где они все не орнаментированы и только сопутствуют самым массовым в начале Нового времени красноглиняным горшкам выделяемого ниже типа 5. На селищах Воробьи 1 и 3 сходную неорнаментированную керамику встречаем в комплексах в основном рубежа Средневековья – Нового времени. Судя по нашим материалам из раскопок Петровской слободы (историческая зона г. Петрозаводска), такая грубая кухонная посуда продолжает использоваться и в XVIII в. [Жульников, Спиридонов, 2003. С. 81, 110–111]. Назвав столь позднюю дату, не исключаем, что единичные мелкие фрагменты керамики «типа» 3 на селищах Васильево 2, Керкостров 2 и 4 могут быть связаны и с комплексами рубежа I–II тысячелетий на этих памятниках.

Мог бы быть очень широк и разновременен возможный круг аналогий горшкам этого условного «типа» на более массовых и информативных городских памятниках Северо-Запада России. Нисколько не сомневаемся в правомерности статистически и методически оправданного на городских материалах выделения типов и видов подобных горшков в Новгороде, Орешке, Кореле (Приозерске), (Старой) Ладoge, Ивангороде, Пскове, но на наших материалах указанный «тип» красноглиняных горшков обоснованной типохронологической дифференциации не поддается.

Тип 4 (50 фрагментов сосудов, см. рис. 7:8; 29:1–11; 42:9; 46:6; 48:4–11; 58:3,6). Горшки с короткими прямыми или слабо отогнутыми наружу венчиками (в последнем случае, как правило, утолщенными и приостренными), выступающими плечиками, раздутым туловом. Эта посуда отличается от прочей красноглиняной керамики и по технологическим признакам: она более толстостенна (на 2–3 мм), тесто содержит грубые минеральные отощители, в которых преобладает дресва. Горшки во всех случаях не орнаментированы. Учитывая наличие значительной серии такой керамики на селище Васильево 2 (см. рис. 29:1–11), появление типа в Заонежье следует отнести к XV в., но основной период его бытования определить XVI и XVII столетиями, видимо, с выходом и в XVIII в. [см.: Спиридонов, 1995. С. 171–172, рис. 9:6,7]. Это в целом соотносится с хронологией типа в Новгороде (варианты типа VIII, по Г. П. Смирновой, верхняя дата неясна), городов Приладожья [Кирпичников, 1980, рис. 31, верхняя дата также под вопросом], Пскова [Кильдюшевский, 2002. С. 14, тип IX, рис. 5:13–18].

Тип 5 (150 фрагментов сосудов, см. рис. 8:1–8; 39:1, 4–6, 8–9; 40:1, 2,4–8; 41:1–11; 43:4; 45:1–10, 12–15; 46:4; 49:7–8; 54:11–14; 58:8–10). Горшки с отогнутыми и косо срезанными наружу скругленными венчиками, в массе с короткой шейкой, выступающими плечиками. Оформление внутреннего края среза венчика образует варианты, иногда имеет вычурные очертания. По внутреннему краю среза проходит более или менее рельефный валик, примерно у трети сосудов он обозначен лишь узкой кольцевой канавкой. Как прослежено на материалах селища Бачурин Наволок, данный признак не имеет существенного хронологического значения: горшки с валиками и обозначающими их бороздками встречены совместно в довольно узко датировемых заполнениях печных ям. Вся керамика типа 5 не орнаментирована.

Этот тип красноглиняных горшков в его вариантах с валиками по внутреннему краю среза венчика весьма походит (иногда до неразличимости) на выделенный выше позднесредневековый тип 2, однако их хронологическая стыковка ни в одном случае не установлена (разрыв составляет не менее столетия) и, следова-

тельно, пятый тип на местных материалах не может быть выведен из второго. Аналогии горшкам типа 5 за пределами бассейна Онежского озера нам неизвестны. Впервые он был выделен на материалах раскопок селища Царевка III и Палеостровского монастыря близ центра Толвуйского погоста в Заонежье и датирован концом XVI–XVIII в. [Спиридонов, 2004. С. 298–300, тип VI]. Красноглиняные горшки типа 5 известны также на иных сельских поселениях в бассейне Онежского озера в окрестностях Пудожского [Кочкуркина, Спиридонов, 1988. С. 137, приведенная в статье ранняя дата – моя ошибка. – А. С.], Шунгского, Шуйского, Челмужского (не опубликованы) погостов, на восточном берегу Онежского озера [Амелина, 2007. С. 6–11, рис. 5].

Что касается хронологии типа с учетом кижских материалов, то не исключаем, что начало его бытования относится к концу XVI в. Верхняя дата может быть ограничена первой половиной XVIII в. Характерны находки нескольких фрагментов керамики этого типа на селище Васильево 2, причем исключительно на квадратах, примыкавших к современной Успенской часовне, построенной в начале XVIII в. При этом на таких исследованных раскопках в южной Карелии поселениях XVIII в., как Петровская слобода [Жульников, Спиридонов, 2003], Толвуйская губа I [Спиридонов, 1995], этот тип уже встречается редко, сменяясь серийной тонкостенной белоглиняной посудой типа 4 (см. ниже).

Редкие типы красноглиняных горшков и сосудов других форм

Число горшков, которые относим к редким типам, в коллекциях невелико, они преимущественно с селища Васильево 2. Это 3 сосуда с высокими слабо отогнутыми венчиками, срезанными внутрь, по внутреннему краю среза проходит приостренное утолщение-«шпора» (см. рис. 27:7–8). К ним примыкает горшок, тщательно изготовленный из серой глины с мелкими минеральными отощителями (совершенно не характерно для местной средневековой белоглиняной керамики) (см. рис. 27:9). Два из четырех сосудов украшены фризами из нескольких параллельных бороздок по плечикам. В Новгороде соответствием этим горшкам, очевидно, является тип III-Г, по Г. П. Смирновой, появ-

ляющийся, по ее данным, в Неревском раскопе в слоях XI в. и бытующий примерно до рубежа XIII–XIV вв. [Смирнова, 1956, рис. 2; 4:4; 5:2; 7:5–6]. Назовем также псковские аналогии – тип II, варианты А–Г, по классификации В. И. Кильдюшевского [2002. С. 10–11, рис. 3:4–7], характерный для XII – начала XIII в. Что касается территориально более близких находок, отметим, что этот тип хорошо известен также в комплексах XI–XII вв. курганов Юго-Восточного Приладожья [Спиридонов, 1989. С. 310–311, тип IV, рис. 7:4–6, табл. 3]. Исходя из всего сказанного, 3 редких описанных горшка следует отнести к раннесредневековому комплексу селища Васильево 2.

В коллекциях поселений Наволок и Васильево 2 выделяются также фрагменты 3 сосудов с прямыми или чуть наклоненными внутрь высокими венчиками, шейка не выделена. Стенки сосудов рифленые, в одном случае валики рифления украшены каплевидными вдавлениями (см. рис. 7:4; 30:5–6). Такие сосуды в материалах новгородского Троицкого XI раскопа отнесены к редкому типу XI и датированы XIII–XIV вв. [Малыгин и др., 2001. С. 95, рис. 16:3].

Единичными экземплярами на поселениях Бачурин Наволок, Мальковец и Керкостров 1 представлены миски (см. рис. 39:10; 43:5; 45:16; 54:10). Заметим, что все они встречены на памятниках, в керамическом наборе которых доминируют или представлены формы XVII в.

Среди редких форм отметим часть корчаги (?) с диаметром устья около 26 см, с очень коротким отогнутым и срезанным наружу венчиком, раздутым туловом (см. рис. 30:1) и фрагменты трех рукомоев или мисок (два со сливом) с селищ Васильево 2 и Бачурин Наволок (см. рис. 30:2–3; 43:6). Фрагменты обоих сосудов на селище Васильево 2 были найдены в пределах фундамента или близ Успенской часовни XVIII в. и могут быть связаны с ее функционированием.

В коллекции этого же памятника присутствуют три красноглиняных округлых в сечении обломка ручек, видимо, от кувшинов.

На единственном доньшке красноглиняного горшка с селища Васильево 2 читается гончарное клеймо в виде креста.

Группа белоглиняной керамики

Тип 1 (204 фрагмента сосудов, из которых 148 происходят с селища Васильево 2, см. рис. 2:1–4; 9:1–5, 7–9; 31:1–13; 32:1–9; 33:1–10; 42:10; 43:1; 45: 20, 21; 46:4, 5, 8; 56:1–3,6–8,10,12; 58: 1,2,11,12) – грубые белоглиняные горшки с короткими прямыми или чуть отогнутыми наружу венчиками грибовидной формы, как правило, имеющими выделенное плечико. На внутреннем срезе венчика в большинстве случаев присутствует характерное утолщение – техническая деталь от загиба внутрь верхнего торцевого края горшка при формовке. По особенностям оформления срезов венчиков можно было бы выделить значительное количество вариантов, разнообразие которых представлено на рисунках. В данном случае считаем это нецелесообразным, полагая, что большая вариативность в оформлении верхних профильных частей сосудов этого типа вызвана несовершенством технологии их изготовления – использованием медленного гончарного круга, не позволявшего добиться сколько-нибудь высокой степени серийности изделий. Лишь примерно треть горшков типа 1 несет скупой орнамент из 1–2 горизонтальных, иногда не строго параллельных бороздок по плечикам.

Этот тип керамики соотносим с поздними вариантами горшков типа IIIГ древнего Новгорода (там – в красноглиняном исполнении), где они появляются в XIII в., широко бытуют в XIV и сохраняются в XV столетии [Смирнова, 1956. С. 242–244, рис. 6:10; 7:4,6,8], а также с типами IV и V белоглиняной керамики Корелы (Приозерска), где в слоях второй половины XIV в. они составляют до 60 % всей глиняной посуды [Кирпичников, 1979. С. 72]. На древнекарельских городищах Северо-Западного Приладожья, по нашим подсчетам, такой керамики меньше: на Паасо (комплекс XII–XIV вв.) – 37 % (без учета материалов раскопок 2000-х гг.), в Тиверске (в основном XIV в.) – 17 %. Встречаются такие горшки в древнекарельских могильниках Карельского перешейка и в смежных районах Финляндии [Enqvist, 2006, fig. 1, 3]. Судя по материалам крепости Орешек и Валаамского монастыря, поздние варианты типа бытовали в При-

ладожье и в XVI столетии [Кирпичников, 1980. С. 98–99, рис. 31; Spiridonov, 1992. P. 97, fig.4: 1, 2]. Что касается территориально более близких аналогов, то на селище Царевка II в Толвуе, датированном серединой XIV – началом XVI в., данный тип белоглиняной посуды составлял в керамическом наборе 58 % [Спиридонов, 2004. С. 295–296, рис. 6].

Таблица 10

Распределение типологически определимой белоглиняной гончарной керамики на поселениях

№	Наименование селища	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Редкие	Всего
1	Кижский погост	4	1	–	4	–	9
2	Наволоок	25	8	3	110	8	154
3	Васильево 1	–	–	–	–	–	–
4	Васильево 2	148	22	10	1	4	185
5	Васильево 3	–	–	1	3	–	4
6	Бишево	–	–	–	1	–	1
7	Бачурин Наволоок	2	–	–	–	1	3
8	Мальковец	2	–	–	–	–	2
9	Рогачево	1	–	–	–	–	1
10	Волкостров	1	–	–	6	–	7
11	Гивес Наволоок	1	–	–	2	–	3
12	Лакта	1	–	–	4	–	5
13	Воробьи 1	–	–	–	–	–	–
14	Воробьи 3	–	1	–	2	–	3
15	Керкостров 1	12	4	2	–	3	21
16	Керкостров 2	–	–	–	–	–	–
17	Керкостров 4	–	2	–	–	–	2
18	Керкостров 5	1	–	–	–	–	1
19	Сенная Губа 1	5	–	1	15	–	21
20	Сенная Губа 2	1	1	–	–	–	2
Итого		204	39	17	148	16	424

Таким образом, хронология белоглиняной керамики типа 1 устанавливается для Заонежья в пределах XIV (возможно, второй его половины) – XV вв. Тип переживает в XVI в. – не ранее этого столетия датируются немногочисленные фрагменты венчиков, найденные на селищах Бачурин Наволоок и Мальковец.

Тип 2 (64 фрагмента сосудов, см. рис. 2:5; 9:6; 33:13, 14; 34:1–6; 49:1; 56:4,5; 57:18) – белоглиняные горшки с коротки-

ми слабо отогнутыми наружу и приостренными венчиками, округлыми плечиками. По своим технологическим характеристикам данный тип не отличается от предыдущего и, с учетом сказанного выше относительно технологически обусловленной вариативности форм венчиков, вполне может считаться дериватом типа 1. На сосудах еще более скупой, чем в предыдущем случае, линейный орнамент на плечиках – украшено менее четверти горшков. Аналогии горшкам типа 2 известны в материалах городов Северо-Западной Руси, например, в слое XV–XVI вв. Старой Ладogi [Рябинин, 1985. С. 30, рис. 5, тип IX], а также в центрах других прионежских погостов: на селище Царевка II второй половины XIV–начала XVI в., например, этот тип составлял до 11 % всей керамической посуды [Спиридонов, 2004. С. 297, рис. 7:6,7; 8:5–9, тип II].

Тип 3 (17 фрагментов сосудов, см. рис. 33:11, 12, 17; 34:6; 56:5, 9) – белоглиняные горшки с короткими прямыми или отогнутыми наружу венчиками, торцы которых скруглены, округлыми выступающими плечиками. В технологическом плане не отличаются от посуды двух предыдущих типов. Сосуды можно считать белоглиняной модификацией выделенного выше условного «типа» 3 красноглиняной керамики. Датироваться эти сравнительно немногочисленные в коллекциях горшки, очевидно, должны так же, как и белоглиняные сосуды типов 1 и 2, а именно в пределах XIV–XVI вв.

Тип 4 (около 160 фрагментов сосудов, из которых более 100 происходят с селища Наволок, см. рис. 2:6, 7; 11:1–11; 46:10; 49:11,12) – белоглиняные, серого, иногда бурого цвета горшки (лишь с десятка изготовлены из красножгущейся глины), часть из которых можно считать скорее мисками. Сосуды изготовлены на быстром гончарном круге из глиняного теста с мелкими минеральными отощителями, тонкостенны, как правило, сильно и ровно обожжены. Размеры, определяемые по диаметрам устьев, и профилировка верхних частей горшков различны, однако выделение вариантов по этим признакам в данном случае представляется бессмысленным. У примерно трети сосудов плечики украшены 2–3 рядами горизонтальных рельефных валиков.

Такая серийная посуда получает широкое распространение и становится доминирующим типом в Прионежье только в XVIII в., причем, судя по наблюдениям при раскопках Петровской слободы в исторической зоне г. Петрозаводска, – не ранее второй-третьей декады этого столетия [Жульников, Спиридонов, 2003. С. 110]. В коллекции из раскопок Толвуйской земской избы XVIII – первой половины XIX в. горшки типа 4 составляли более 40 % всей керамики [Спиридонов, 1995. С. 171]. За пределами Прионежья аналогии такой посуде Нового времени указать затруднительно.

Редкие типы белоглиняных горшков и сосуды иных форм. Очень немногие горшки из коллекций кижских памятников можно отнести к редким типам, не попадающим в приведенную классификацию. Иные формы белоглиняной посуды представлены кувшинами и крышками к ним.

Кувшины (фрагменты минимум от 11 сосудов на 4 памятниках, из которых 6 происходят с селища Наволок, см. рис. 10: 1, 2, 4–8; 33:16; 42:11; 56:13–15). Кувшины изготовлены на быстром гончарном круге, из теста с примесью более мелкого, чем у горшков, минерального отощителя, ровно и сильно обожжены. У них узкое горло (диаметры 12–15 см), венчик отогнут наружу, характерно оттянутый внутренний или внешний край среза, приспособленный под крышку. Тулово кувшинов раздуто, ручка в прослеженных случаях располагается в районе плечика. Орнамент скуден – две-три разреженные горизонтальные бороздки по плечу и тулову, часть изделий, насколько можно судить по фрагментам, вообще не орнаментирована. В одном случае у фрагмента венчика кувшина прослежен слив. Фрагмент горла одного из кувшинов селища Керкостров 1 найден в яме, для которой получено радиоуглеродное определение 520±35 л. н. (JE-8274) (см. рис. 56:13).

Белоглиняные кувшины таких стандартных форм имеют полные аналогии из слоев XV–XVI вв. памятников Приладожья – Орешка, Корелы, Валаамского монастыря, в Пскове в обработанной части керамической коллекции представлен единственный экземпляр [Кильдюшевский, 2002. С. 17,

рис. 8:2]. Эта разновидность сосудов, в сравнительно небольшом количестве встреченная на кижских селищах, как и на селище Царевка 3 в Толвуге на северо-востоке Заонежья [Спиридонов, 2004. С. 298, рис. 8:11–14], по технологическим и иным признакам может быть уверенно определена как привозная.

На тех же памятниках встречены связанные именно с кувшинами белоглиняные **крышки** (фрагменты от 5 экз., см. рис. 10:3, 9; 33:15).

На селище Керкостров 1 найден единственный в коллекциях уже упомянутый выше фрагмент слива белоглиняного **рукомойника**, оформленный в виде стилизованной головки животного (см. рис. 53: 11).

Приведенные выше сведения о датировках выделенных типов красно- и белоглиняной керамической посуды при суммировании позволяют составить представление о хронологии кижских селищ периодов развитого – позднего Средневековья, даже тех, на которых индивидуальные датирующие находки были единичны или отсутствовали. Уточнить датировки и другие характеристики поселений возможно путем привлечения внеархеологических данных, именно при сопоставлении/отождествлении селищ и деревень, упомянутых в древнейших для данного микрорегиона письменных источниках – писцовых книгах XVI века. Эта тема будет рассмотрена в следующем разделе.

5. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРА СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО КИЖСКОГО ПОГОСТА

5.1. Репрезентативность археологических материалов. Селища и деревни писцовых книг XVI в. Хронология и динамика заселения территории

Под репрезентативностью археологических материалов понимается то, как количество выявленных и исследованных нами селищ соотносится с общим числом поселений, существовавших на данной территории в тот или иной период Средневековья.

Объективные критерии оценки репрезентативности раннесредневековых материалов, зафиксированных в окрестностях Кижей на шести памятниках, подыскать затруднительно. Если исходить из общих археологических данных о плотности расселения на берегах Онежского озера, имеющих сведения о числе раннесредневековых памятников в центрах некоторых других прионежских погостов, достаточной тщательности археологической разведки, то в окрестностях о. Кизи едва ли можно ожидать обнаружения в будущем значительного количества памятников рубежа I–II тыс. н. э. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в ходе разведки не выявлены погребальные памятники при раннесредневековых поселениях – в отличие от центров Челмужского и Шуйского погостов, где в комплексе с селищами представлены курганные могильники X–XI вв. [Спиридонов, 2011. С. 173–176]. Единственный известный в Заонежье курганный могильник располагается на крайнем западе полуострова, у бывшей деревни Кокорино в Уницкой губе [Спиридонов, 1992. С. 29–48].

Что касается периодов развитого и позднего Средневековья, то критерием оценки репрезентативности полученных археологических материалов могут служить данные о сель-

ском расселении в регионе, зафиксированные в древнейшей из дошедших до нас Писцовой книге Заонежской половины Обонежской пятины 1563–1566 гг. [ПКОП, 1930]. По заключению историков, это письмо отразило пик заселенности территорий в бассейне Онежского озера в Средневековье, приводимые в ней данные могут быть интерполированы на конец XV в., финал домосковского периода истории края [Мюллер, 1947. С. 54]. Описание Кижского погоста сохранилось в этой книге не полностью, но может быть восстановлено с привлечением сведений следующей по времени Писцовой книги 1582/83 г. [История Карелии. III. 1993. С. 146–163].

При сопоставлении данных археологии и кадастровых описаний XVI в. надо иметь в виду, что термин «деревня» и даже «починок», употребляемый в писцовых книгах, не тождествен понятию «поселение». Собственно, это в несколько ином смысле отмечал М. В. Витов еще в своей капитальной монографии 1962 г. [С. 102–103]. В нашей практике, при предоставляющейся возможности полного и точного наложения «деревень» на конкретный участок местности, приходится сталкиваться с ситуациями, когда от 2 до 6 «деревень» писцовых книг в реальности сливаются в единое поселение (агломерацию) и в настоящее время представлены одним селищем. Такая ситуация была впервые прослежена в центре Челмужского погоста на северо-восточном побережье Онежского озера [Спиридонов, Чернякова, 1991. С. 32–49; Чернякова, 1998. С. 99–101]. С подобным пришлось столкнуться при археологическом обследовании центра Толвуйского погоста в северном Заонежье [Спиридонов, 2004. С. 291–293, рис. 1], а также в ходе работ в окрестностях Шуйского погоста. Высказанное И. А. Черняковой в упомянутой статье 1991 г. предположение о том, что аналогичные агломерации позднесредневековых «деревень» вполне вероятны и на о. Кижы, тщательная археологическая разведка и раскопки 2000-х гг. подтвердили лишь частично – в центре Кижского погоста «деревни» писцовых книг представляли собой, как правило, отдельные однодворные, максимум мало-дворные поселения, удаленные друг от друга на более или ме-

нее значительные расстояния и не сливавшиеся вместе с хозяйственными постройками на местности. Вероятные исключения составляют лишь две агломерации – селища Васильево 1 и 3 на самом о. Кижы, а также близко расположенные селища Керкостров 2, 4 и 5 в южной части одноименного острова.

Большинство исследованных в Кижях археологических памятников периодов развитого – позднего Средневековья уверенно соотносится с историческими поселениями, упоминаемыми в писцовых и переписных книгах XVI–XVII столетий и в более поздних источниках. Эта часть работы была облегчена для нас имеющимися специальными исследованиями, посвященными отождествлению деревень писцовых книг и более поздних, включая XVIII–XIX вв., поселений, точно локализуемых на карте. Имеются в виду капитальные работы М. В. Витова и М. В. Власовой [Витов, 1962; Витов, Власова, 1974], а также исследования С. В. Воробьевой [1991. С. 86–91], существенно дополнившие и скорректировавшие труды предшественников применительно именно к о. Кижы и его окрестностям. Результаты соотнесения/отождествления селищ и «деревень» писцовых и переписных книг, основанные на картографическом методе с учетом упомянутых работ историков по изучению исторических поселений, приводятся в табл. 11.

В двух случаях соотнесение селищ и деревень писцовых книг позволило подтвердить поздние (XVI в.) археологические даты основания поселений. По письму 1563–1566 гг. в деревне «В Наволоке» живет некто Фетко *Бачурин*. Соответствием деревне является селище *Бачурин* Наволок, названное по одноименной деревне, располагавшейся на северо-западной оконечности о. Кижы еще в XX в. В деревне «На Вигострове» проживал крестьянин по имени Иванко Иванов *Малко* (соответствие – селище *Мальковец* на одноименном острове против, к западу от о. Кижы [Воробьева, 1991. С. 90]). В обоих случаях в поименованных населенных пунктах деревень можно видеть их основателей – первопоселенцев или их потомков в первом–втором колене, хотя поселения в Писцовой книге 1563–1566 гг. названы именно «деревнями», а не «починками».

Т а б л и ц а 11

Селища и «деревни» писцовых книг центра Кижского погоста

№	Наименование селища	Площадь (кв. м)	Исследованная площадь (кв. м)	Датировка (века)	Деревня писцовых книг XVI в.
1	Кижский погост	Ок. 3000	Сборы	XIV(?)–XVIII	Д., п. у погоста Большой Двор
2	Наволоч	Ок. 2000	136, сборы	X–XI, XIV (?)–XVIII	Д. Окуловская у погоста
3	Васильево 1	Ок. 2500	4	XV–XVIII	Д. Вавуловская?
4	Васильево 2	Ок. 3000	440	X–XI, XIII–XV	П., что была д. Большой Двор у часовни
5	Васильево 3	Ок. 7000	8	XIII–XIV (?)–XVIII	Д. Вавуловская, д. Вавуловская другая?
6	Бишево	Ок. 3000	8	XVI–XVIII	Д. Хорошевская
7	Бачурин Наволоч	Ок. 300	100	XVI–XVII	Д. в Наволоке
8	Мальковец	Ок. 700	40	XVI–XVII	Д. на Вигострове
9	Рогачево	Ок. 1500	16	XIV(?)–XVI	Д. на Рагочеве острове
10	Волкостров	Ок. 1500	Сборы	XIV(?)–XVIII	Д. на Волокострове
11	Гивес Наволоч	Ок. 1800	4	XV–XVIII	Д. в Пахиничах на Гивеч наволоке
12	Лахта	Ок. 800	Сборы	XV–XVIII	Д. в Пахиничах – ?
13	Воробьи 1–2	Ок. 300	16	XVII	Д. в Пахиничах – ?
14	Воробьи 3	Ок. 800	24	XV–XVIII	Д. в Пахиничах – ?
15	Керкостров 1	Ок. 1200	86	XV–XVII	Д. Грозилово Большой Двор на Киркоострове
16	Керкостров 2	Ок. 3000	48	X–XI, XV–XVII	Д. на Киркострове
17	Керкостров 4	Ок. 1500	60	X–XI, XIV(?)–XVII	Д. на Киркострове
18	Керкостров 5	Ок. 800?	20	XV–XVII	Д. на Киркострове в Грозлове
19	Сенная Губа 1	Ок. 2000	Сборы	X–XI, XIV(?)–XVIII	Д. Большой Двор у часовни Михайловская, д. Алферовская
20	Сенная Губа 2	Ок. 3000	Сборы	XIV(?)–XVII	Д. на Сенной губе – ?

Исходя из сказанного выше и данных, приведенных в табл. 11, репрезентативность археологических материалов, полученных к настоящему времени в Кижях, можно оценить двояко.

Если определить понятие «центр погоста» как территорию в условном радиусе 5 или 10 км от соборной церкви (погоста-места, по М. В. Витову), то репрезентативность собранных в окрестностях Кижей материалов будет невелика и при сравнении со сведениями писцовых книг XVI в. вряд ли превысит 25 %. Однако полагаем, что в данном случае ее корректнее подсчитать не для условной территории, а для конкретных географических объектов. Таковым является прежде всего ядро поселенческой структуры – сам о. Кижы протяженностью около 5,5 км, при максимальной ширине менее 1 км. Писцовая книга 1563–1566 гг. и дополняющее ее письмо 1582/83 г. называют на острове 12 деревень. Археологически на о. Кижы исследованы 7 селищ, причем 2 из них (Васильево 1 и 3) позволяют предположить агломерацию, которой соответствуют не 2, а более «деревень» писцовой книги. Следовательно, репрезентативность археологических материалов в данном случае следует оценить минимум в 60 %. Другой конкретный географический объект – Керкостров (к югу от Кижей, размеры 2 x 0,3 км), на котором в кадастровых описаниях XVI в. упоминаются 4 деревни; всем им имеются исследованные раскопками археологические соответствия. Репрезентативность – 100 %. При таком подходе утверждаем, что наличные археологические материалы дают основания для исторически достоверных выводов относительно хронологии и динамики заселения территории в Средневековье.

Последние вкратце, при опоре на обоснованные выше археологические датировки, предстают следующими. Колонизация территории будущего центра погоста пришлым, практиковавшим комплексный земледельческий и промыслово-торговый уклад населением с юга начинается около 1000 г. Устанавливаемая лакуна в материале селища Васильево 2 указывает на запустение колонии около 1100 г. Период XII – середины XIII в. характеризуется спадом колонизационного процесса, а возможно, и отсутствием постоянного населения на рассматриваемой территории, что ставит под сомнение непосредственную преемственность со следующим этапом заселения, начинающимся около 1250 г. Период середины XIII–XIV в. следует определить как начальный (при отсутствии непосредственной, физической связи с предше-

ствующим раннесредневековым) в формировании ядра поселенческой структуры в центре Кижского погоста, а окончательно система расселения в том виде, как она зафиксирована в писцовых книгах 1563–1566 и 1582/83 гг., сложилась на протяжении лишь XV – первой половины XVI в.

Отметим, что полученные в Кижках археологические датировки хорошо соотносятся с гипотезой М. В. Витова и И. В. Власовой [1974. С. 184–190], основанной на наблюдениях за семантическими типами топонимов писцовых книг Заонежской половины Обонежской пятины: массовая колонизация этого района Новгородской земли проходила в относительно сжатые сроки – на протяжении XIV–XV вв.

5.2. Археология и один социокультурный аспект заселения территории

Рассмотрев тему соотнесения селищ и «деревень» писцовых книг, коснемся еще одного сюжета, связанного с идентификацией древнейшего из исследованных на о. Кижы поселений – Васильево 2. Материалы этого памятника при сопоставлении с данными писцовых книг и более поздних источников позволяют высказать суждения о социокультурном статусе поселения.

Мы считаем обоснованной локализацию С. В. Воробьевой [1991. С. 89] на месте д. Васильево (в XIX – начале XX в. – *Лукинщина*) одной из пустошей, упомянутой впервые в Писцовой книге 1582/83 г., а именно с пустошью «что была деревня на Кижском ж острове Большой Двор у часовне» [История Карелии. III. 1993. С. 151]. Та же пустошь «у часовни» упоминается в письме 1616 г., а в источниках XVIII–XIX вв., обнаруженных С. В. Воробьевой, имеются уточнения: «*на низу* [курсив наш. – Авт.] у часовни», что вполне соответствует расположению исторической пустоши, деревень Лукинщины/Васильево и Успенской часовни на прибрежной равнине западного побережья о. Кижы, примыкающей к высокой моренной гряде.

Ныне стоящая на окраине д. Васильево Успенская часовня, под восточную часть которой уходил средневековый культурный слой мощностью до 60 см, была построена в начале XVIII в. Дата строительства основана не только на историко-

архитектурных данных. Дендрохронологическое датирование этого памятника архитектуры по семи взятым кернам было выполнено в 1980-х гг. в университете г. Йоэнсуу (Финляндия). Наиболее поздняя из полученных дендродат – 1702 г. [Яскеляйнен, 1998. С. 174]. Часовня, однако, упоминается уже в источниках конца XVI – начала XVII в. В связи с этим напомним, что в северо-западной части раскопа 1 в пределах фундамента современной часовни были расчищены несколько каменных кладок и 2 полосы древесного тлена, ориентированные практически строго по сторонам света (см. раздел 1, «Каталог средневековых поселений центра Спасо-Преображенского Кижского погоста» и рис. 13). Эти остатки можно интерпретировать как следы часовни-предшественницы сохранившейся Успенской, построенной в начале XVIII в.

Стандартное название «Большой Двор» в источниках XVI–XVII вв. однозначно указывает на владельческий характер поселения в домосковское время. Отождествление его с селищем Васильево 2 показывает, что деревня – центр боярской волостки – заустевает к концу XV в., после конфискации владений новгородских бояр в результате присоединения Новгорода и Новгородской земли к Москве. Как показано выше, исключая ранне-средневековый комплекс, основание поселения датируется примерно серединой XIII в. Строго говоря, опираясь на изложенные в предыдущих разделах археологические данные, мы не можем утверждать, что деревня с момента основания имела владельческий статус. Здесь следует обратить внимание на необычный, скорее, «городской» характер целого ряда находок XIII – первой половины XIV в. на селище. Это обломки двух стеклянных браслетов – украшений, которые редко встречаются на Севере вне городских центров (например, на 150 археологически исследованных поселениях Белозерья, датированных X–XIII вв., – 4 экземпляра на 3 памятниках [Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 29, 63]). Это крайне редкий на Севере боевой наконечник стрелы типа 66, по А. Ф. Медведеву (конец XIII – первая половина XIV в.). Отметим также височное кольцо (не позднее XIII в.), бронзовые перстни (рубчатый – не позднее XIV в.), бронзовую поясную пряжку. Эти предметы трудно назвать характерными

для рядового сельского поселения, что подтверждает версию о необычном, в нашем случае, полагаем – владельческом, статусе деревни с момента начала образования комплекса периода развитого и позднего Средневековья на селище.

По единичным имеющимся письменным источникам новгородское боярское вотчинное освоение земель в Прионежье может быть уверенно отнесено ко времени не ранее середины XIV в. Наиболее древним из сохранившихся актов, фиксирующих этот процесс, является Мировая грамота старосты Вымоченского погоста, шунжан, толвуян и кузарандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми о размежевании земель [ГВНП, 1949. № 284; Янин, 1991. С. 236–244]. Известна также берестяная грамота № 131 последней четверти XIV в., повествующая о сборе «празги» на Сямозере, в Шуе, Пудогге (Прионежье) и на р. Оять (Приладожье) [Арциховский, Борковский, 1958. С. 68–71; Спиридонов, 2001. С. 352–359]. Приведенные выше соображения, основанные на археологических данных, в сравнении с письменными источниками позволяют, на наш взгляд, удревнить начало активности новгородских бояр по освоению земель в Прионежье примерно на столетие. Не считая уместным в данном случае развивать эту тему, все же отметим, что приведенный археологически обоснованный факт имеет отношение к давней дискуссии о приоритете боярской или крестьянской колонизации Севера [Платонов, 1924. С. 5–27; Шурыгина, 1948. С. 31–62; Данилова, 1955. С. 15–17, 207–210; Бернадской, 1961].

Писцовые книги конца XVI – начала XVII в. не называют имени прежнего новгородского владельца волостки, центром которой в Кижях была запустевшая в период Московского царства деревня Большой Двор – в противоположность двум другим деревням того же характерного названия, также находившимся на о. Кижки (Леонтьевская и Александра Тимофеева у погоста). Все же есть возможность определиться с бывшим новгородским вотчинником, владельцем интересующих нас волостки и Большого Двора, ставшего «пустошью» к исходу XV в.

В обнаруженных С. В. Воробьевой [1991. С. 89] архивных источниках XIX столетия появляется название деревни *Лукищина* (предшественница современной д. Васильево), соотноси-

мое с именем боярина Луки Федоровича, деятельность которого приходится на самый финал новгородской независимости. Обонежские вотчины Луки располагались и на территории Кижского погоста. Например, в Писцовой книге 1582/83 г. в описании Спасо-Преображенского Кижского погоста имеется упоминание «Лукинской трети» [История Карелии. 1993. III. С. 148]; владения Луки известны по кадастровым описаниям XVI в. пограничья Кижского и Шуйского погостов [Чернякова, 1997. С. 32–34]. Разрыв в несколько столетий между деятельностью Луки и первым из разысканных упоминаний д. Лукинцина может смущать, но не является неотразимым аргументом contra. Память об упоминавшемся выше крестьянине Фетке Бачурине, проживавшем около середины XVI в. у северо-западной оконечности о. Кижы (селище Бачурин Наволок), дожила в местной традиции в названиях деревень и урочищ до XXI столетия. Примеры такого рода можно продолжать.

Лука Федорович, сын посадника Федора Яковлевича – личность достаточно известная в новгородской истории. Он впервые был избран на посадничество не позднее 1471 г., был посадником в 1472, 1475, 1476 и 1478 гг. Лука Федорович являлся устройтелем одного из двенадцати пиров, данных цветом новгородских бояр после великокняжеских расправ Ивана III конца ноября 1475 г. Земельные владения Луки попали под первые московские конфискации, а сам он в 1481 г. был увезен в Москву [Янин, 1991. С. 266; 2003. С. 406, 416, 507]. Как доказано В. Л. Яниным [1981. Генеалогическая схема 28], Лука Федорович принадлежал к одному из древнейших родов новгородских бояр Михалковичей, генеалогия которого прослеживается по сведениям берестяных грамот и других источников с конца XII в.

5.3. Археология, палинология и хозяйственно-культурные аспекты освоения территории

Некоторые аспекты данной темы уже затрагивались выше в разделах, посвященных топографии, размерам и инвентарю селищ. Для раннесредневековых поселений была констатирована приуроченность к песчаным (Наволок, Керкостров 2 и 4),

песчано-гравийным (Волкостров, Сенная Губа 1) и суглинистым с гравием (Васильево 2) невысоким участкам берегов озера. Ландшафтная приуроченность последнего памятника совершенно не характерна для раннесредневековых поселений в бассейне Онежского озера и может быть объяснена тем, что суглинистый, в древности завалуненный участок западного побережья о. Кизи был выбран как предпочтительный населением, практиковавшим агрокультуру. Суглинистые с гравием почвы при всей сложности их расчистки и обработки наиболее плодородны. Особое значение (возможно, уже для раннесредневековых насельников) здесь имеет примесь к таким почвам естественного минерального удобрения – шунгита. Местные жители Заонежья называют шунгитовую землю «черноземом» за ее черный цвет [см.: Витов, Власова, 1974. С. 151–152; здесь же библиография].

Размеры раннесредневековых поселений в окрестностях Кижей в аспекте определения хозяйственно-культурной принадлежности оставившего их населения позволяют сделать двоякие выводы. На селище Наволок немногочисленный раннесредневековый инвентарь встречен в раскопе на площади всего около 30–40 кв. м. Комплекс в целом аналогичен десяткам подобных, изученных к настоящему времени в бассейне Онега на многослойных поселениях. Они уверенно соотносятся с начальными этапами торгово-промыслового освоения края, когда его естественные богатства (прежде всего пушнина) были вовлечены в систему восточноевропейской и международной торговли [Косменко, 1992. С. 272–285]. Вопрос о связи таких, как правило, скудных по составу инвентаря раннесредневековых комплексов в конкретных случаях с пришлыми или местными коллективами торговцев и промысловиков остается открытым – археология не все-сила. Иные археологические свидетельства торгово-промысловой направленности хозяйства раннесредневековых обитателей микрорегиона представлены единственной находкой на селище Керкостров 2 железного коромысла весов для малых взвешиваний (прежде всего серебра). Это тот случай, когда даже единичный предмет красноречив. Н. А. Макаров, картографировавший и проанализировавший находки торгового инвентаря

на селищах X–XI вв. лесной зоны Восточной Европы, обосновывает ими вывод о высокой степени товарности экономики раннесредневековой севернорусской деревни [Макаров, 2008. С. 8–9, рис. 3]. При этом нельзя не отметить еще раз, что в Кижях не выявлены (по крайней мере, пока) столь же яркие следы устойчивых южных связей, вовлеченности населения в X–XI вв. в систему дальней международной торговли, таких как в центрах Челмужского, Шуйского погостов, в Кокорино (Уницкая губа Онега), ряде других пунктов в Прионежье [Спиридонов, 2011].

Иные в сравнении с Наволоком выводы можно сделать в отношении селища Васильево 2. Площадь распространения раннесредневековых находок на этом памятнике, как прослежено в раскопах, достигает 1000 кв. м, в центре заселенного участка были изучены следы стационарной отопительной конструкции. Площадь данного поселения в разы превышает стандартные ареалы локализации раннесредневековых находок на многослойных, в X–XI вв. по-прежнему охотничье-рыболовецких и промысловых поселениях южной Карелии. При этом размеры памятника близко соответствуют размерам селищ древнерусского времени в более южных, земледельческих районах лесной зоны [Макаров, Захаров, Бужилова, 2001; Кудряшов, 2006; Макаров, 2008. С. 5–15].

Значительные площади, косвенно указывающие на стационарный, земледельческий характер селищ, можно предположить для раннесредневековых комплексов поселений Керкостров 2 и 4, хотя это не было строго доказано в ходе полевых исследований.

Решающие данные о производящем типе хозяйственной деятельности в комплексном укладе экономики раннесредневекового населения окрестностей Кижей были получены в ходе геолого-палинологических исследований, проведенных в 2002–2003 гг. сотрудниками Института геологии Карельского научного центра РАН Н. Б. Лавровой и И. Н. Демидовым [Лаврова, Демидов, Спиридонов, Герман, Мельников, 2007. С. 194–206]. Отметим, что работы являлись по сути новаторскими для территории региона. Ранее отрывочные геолого-палинологические исследования проводились лишь в двух пунктах южной

Карелии – в районе п. Эссоила на оз.Сямозеро, где начало земледелия было датировано 1060+–60 л. н. (ГА-1443) [Экман, Журавлев, 1986. С. 51–54; краткость изложения методов, хода и результатов исследования в этой статье, на наш взгляд, требуют подтверждения приведенной даты] и в районе бывшей деревни Пегрема на крайнем западе Заонежского полуострова, где начало земледелия получило дату около рубежа XIII–XIV вв. [Vuorela, Saarnisto, Lempiainen, Taavitsainen, 2001. P. 121–138].

Коротко изложим опубликованные ход и основные результаты работ геологов КарНЦ РАН на о. Кижы и в его окрестностях.

В двух выбранных пунктах на о. Кижы и в одном – на близлежащем о. Волкостров было проведено ручное бурение донных озерно-болотных отложений с последовательным послойным отбором проб на споро-пыльцевой и радиоуглеродный анализы. По данным споро-пыльцевого анализа определялся наиболее древний (нижний) горизонт отложений, в котором появлялась пыльца культурных злаков (*Cerealia*), свидетельствующая о начале земледелия на прилегающих к болоту (или водоему) территориях. Пробы из данного горизонта датировались радиоуглеродным методом с целью определения абсолютного возраста образца с пылью культурных злаков и соответственно времени начала земледелия.

На о. Кижы в отложениях болота Мошгуба (на расстоянии около 1 км к северу от селища Васильево 2, рис. 1) пыльца культурных растений появляется в керне с глубины 1,05 м от дневной поверхности. Абсолютный возраст этого горизонта отложений, определенный радиоуглеродным методом, составляет 1140+–50 л. н. (ЛЕ-6531). В вышележащем горизонте (глубина 1,05–0,70 м) отмечено постепенное нарастание количества пыльцы травянистых. При возможных климатических изменениях это с уверенностью может быть объяснено антропогенным воздействием на окружающую растительность. Выше (глубина 0,70–0,40 м) по пыльце фиксируются свидетельства так называемого малого ледникового периода (начало – 700 л. н.), а также и антропогенное воздействие на среду – вырубка ельников и термофильных пород, как произрастающих на наиболее благоприятных местах обитания, в связи с рас-

ширением культивируемых земель. Красноречиво увеличение в этом горизонте доли пыльцы культурных злаков и сопутствующих им растений.

Второй керн на о. Кижы был получен на болоте Васильевское (около 400 м к востоку от селища Васильево 2, рис. 1). Здесь наиболее глубокий горизонт озерно-болотных отложений, содержащий пыльцу таких же культурных злаков, как в разрезе Мошгуба, был определен на глубине 0,82 м. Абсолютный возраст предшествующего горизонта 0,79–0,65 м составляет 430+–60 л.н. (JE-6532). Таким образом, горизонт на глубине 0,82 м образовался несколько ранее, примерно 500–600 л. н. Как показал разрез, вероятно, из-за размывов в периоды слабых трансгрессий Онежского озера на протяжении последнего тысячелетия более древние напластования, содержавшие пыльцу культурных злаков, на болоте Васильевское не сохранились. Особо следует отметить, что по данным споро-пыльцевого анализа разнообразие и количество пыльцы культурных растений из разреза болота Васильевское значительно выше, чем из более древних (примерно на 500 лет) горизонтов скважины на болоте Мошгуба.

На Волкострове было исследовано болото Проточное близ южной оконечности острова (около 2 км к северу, через протоку, от селища Васильево 2 и примерно в 1,4 км к юго-западу от селища Волкостров, см. рис. 1). В разрезе пыльца культурных злаков появляется с глубины 40 см. Абсолютный возраст горизонта торфа на глубине 65–55 см составляет 950+–110 л. н. (JE-6796), что вместе с результатами палинологического анализа хорошо соотносится с изложенными выше данными по болоту Мошгуба на о. Кижы. С глубины 0,6 м (возраст 950+–110 л. н.) наблюдалось резкое возрастание содержания углистых частиц, вероятно, свидетельствующих о начале пожаров леса и подготовки территории для земледелия. Одновременно в разрезе отмечено сокращение пыльцы древесных.

Изложенные выше результаты геолого-палинологических исследований совпадают с итогами археологических изысканий. *Science* и *Humanities* пожали друг другу руки на о. Кижы, но остались вопросы. Основной из них: насколько беспрерывно

представленное на споро-пыльцевых диаграммах в публикации [Лаврова, Демидов, Спиридонов, Герман, Мельников, 2007. С. 194–206] распространение пыльцы культурных злаков на протяжении Средневековья. Вопрос не праздный, поскольку с археологической точки зрения, изложенной в предыдущих разделах, непрерывность постоянного заселения территории однозначно не доказывается.

Для периодов развитого и позднего Средневековья полученные археологические материалы (прежде всего с селища Васильево 2) не более чем иллюстрируют и без того достаточно очевидный факт комплексного характера хозяйства местного средневекового крестьянского населения. Этот комплексный уклад включал производящие формы (находки серпа, обломков кос, железных спиц для прялок и довольно многочисленных каменных пряслиц, вероятно, грузиков для вертикального ткацкого станка), наряду с охотой (наконечники стрел, из которых лишь один, типа 66, определен как боевой, втоки – скорее, от рогатин) и рыболовством (блесна, рыболовные крючки, возможно, керамическое грузило рыболовной сети). Геолого-палинологические исследования на болотах Мошгуба и Васильевское на о. Кизи, результаты которых кратко изложены выше, также указывают на возрастающее количество и большее разнообразие пыльцы культурных злаков в горизонтах, возраст которых в исторической периодизации примерно соответствует развитому и позднему Средневековью.

SUMMARY

During last decades a number of studies were carried out in European part of Russia, including archaeological investigation of medieval rural settlements on regional and micro-regional levels, reconstructions of local settlement and administration patterns, their economy, surrounding landscapes on the basis of archaeological and natural-scientific data [survey: Макаров, 2008]. A characteristic feature of almost all of these studies is prevailing attention to Old Russian period settlements (up to the 13th century), problems of Slavonic colonization. In the North of Eastern Europe the studies of the kind are rare: far-away forest areas were colonized in another periods, in different natural and climatic conditions, with the use of specifically northern ways of mastering the territory.

In the basin of Lake Onego (modern South Karelia) archaeological investigations in the mentioned above directions were started in late 1980-s, interrupted in 1990-s and started again in 2000-s. The basic point for us was historians' thesis [Витов, 1962], based on the late 15th and the 16th centuries cadastre books information analysis: the most early and dense populated areas, the cores of colonization were centers of *pogosts* – administration, fiscal and church (parish) units. By now centers of five *pogosts* situated on the northern, western coasts of Lake Onego and Zaonezh'e peninsula, including Kizhi, are studied archaeologically [survey: Спиридонов, 2011].

Part 1 of the book is a catalogue of 20 medieval archaeological sites (Russian 'selische') investigated in the Kizhi *pogost* center. Parts 2–4 present an analysis and defining chronology of the obtained archaeological materials.

Seven sites were excavated (total unearthed area reached ca. 1000 sq. m), other investigated by pits (4–16 sq. m) and in four cases only by collection of artifacts on ploughed grounds. Layer of the most sites is not stratificated been mixed by later ploughing and building.

On six sites early medieval (in Russian archaeological division into periods it covers the centuries at the edge of the 1st and the 2nd Millenniums) assemblages were studied. In all cases they are situated in the bounds of later settlements. Five of them are tied to not high (1–3 m) sand coastal grounds, an exception is Vasil'evo 2 tied to loamy with stones and gravel ground on the west Kizhi island coast. Areas (sises) of the medieval assemblages are firmly fixed by excavations only in two

cases (Vasil'evo 2 – up to 1000 sq. m, Navolok – only 30–40 sq. m). On Vasil'evo 2 approximately in the center of early medieval living area a stove remains out of clay and stones were found.

Later medieval period assemblages on the sites demonstrate more variety in topography and landscape preferences. Most of them are also tied to the island's coasts, but several situate on tops of the glacial sand-gravel and boulder hillock on the heights 4–9 m above lake level and at the distances up to 60–70 m from the shore. Two sites are situated on the rock. Areas (sises) of the later medieval assemblages on the sites differ from 200–250 up to 750–800 and 2500–3000 sq. m. On five settlements remains of stoves out of stones and clay or mainly out of stones were excavated. Other constructions traces on the sites are hardly definable (mostly pits in subsoil).

Chronological frames of the settlements were defined by finds and C14 determinations of coal (five in all on two sites). Early Medieval assemblages of only tree of six settlements included a few individual dated finds, in tree other cases they consisted solely of ceramics. The latter in tree assemblages is represented by fragments of both hand modelled rough vessels and potter's earthenware, in three others (two of them are isolated find on ploughed filds) – merely by hand modelled, made without potter wheel, ceramics. As a whole early Medieval assemblages in the micro-region are dated back to the 10th and the 11th centuries with possible correction of the upper date.

Later medieval assemblages on the sites as a whole are dated back to the 13th –17th centuries. The earliest of them is Vasil'evo 2 outstanding also by general amount of finds. Defined dates of individual artifacts and radiocarbon determinations for this settlement are presented in table 8. Vasil'evo 2 is a single one which allows to raise a question on continuity of early medieval and later settlement stages of the site. In all other cases in Kizhi micro-region (and wider – in investigated senters of pogosts in the Lake Onego basin) a gap between the stages is quite obvious. Nevertheless it is not so obvious for Vasili'vo 2, the authors state a lacuna in the finds, covering mostly the 12th century. Among other later Medieval sites only nearest by Vasil'evo 3 (in some 300 m across a bog) can be dated back to not later than the 14th century, the date is based on a single find of bead not strongly confirmed by other finds. The rest of the investigated settlements according to the finds were founded in the 14th – 15th, not earlier than in the 15th (majority) or in the 16th centuries.

Dates of settlements foundation are mainly or exclusively based on ceramics analysis, which is given much prominence in part 4 of the book. Fragments of approximately 800 vessels are used in classification. More or less big, statistically considerable pottery collections of five excavated

settlements, not synchronous but partly chronologically linked, served as fulcrum, a foot-hold for classification. Pottery in the collections clearly divides into two groups – white ware and red ware – on the basis of steady correlation of technological and morphological indications, so that typological classification is carried out separately for the two groups. With the use also of external analogies the majority of red ware group (but rare shapes) is subdivided into five pot types, white ware group – into four types. The authors claim that worked out type and chronological scale of the 13th –17th centuries Kizhi pottery can nowadays serve as a standard for the areas surrounding Lake Onego.

In part 5 of the book the analysed above archaeological materials are considered as a source on the history of micro-region settling. The first occurring question concerns how enough statistically representative are the archaeological sources, in other words how do the studied sites correspond to really existed settlements in exact period of time. From this point of view impartial assessment of the early medieval materials is hardly possible, but it becomes possible for later period in comparison with the 16th century cadastre books information. The latter, according to historians' conclusions, reflected a peak of settling the area in the Middle Ages. On Kizhi island itself, a core of settlement pattern, the books name 12 «villages», archaeologically 7 sites are studied (ca. 60 %); nearby on the island Kerkostrov the books mention 4 «villages» and all of them meet corresponding archeological sites (100 %). Following this approach obtained archaeological sources are representative enough to outline chronology, stages and dynamics of settling micro-region in early and later Medieval periods.

Identification of archaeological sites with «villages» of the 16th century cadastre books allows to define social and cultural status of Vasil'evo 2 – the oldest and the richest by finds site in the center of pogost. The site corresponds with the village «Big Courtyard» (Russian '*Bol'shoy Dvor*') first mentioned in 1582/1583. The name indisputably points that the settlement in Novgorod's independence times (before late 1470-s) was a center of patrimony (Russian '*Votchina*'). The exact owner is not mentioned, but in the 18th –19th centuries souses village *Lukinschina* (from the male name Luka) appear – predecessor of modern village Vasil'evo. All this allows to link the archaeological site with *boyarin* Luka Fedorovich, who is mentioned several times in 1470-s sources and really possessed land in Kizhi pogost. As V. L. Yanin proved, Luka Fedorovich derived from one of the eldest Novgorod boyar family *Mikchalkovich* known from birch bark letters and other written sources starting from the 12th century. According to archaeological data center of Kizhi patrimony was founded approximately in the middle of the 13th century.

In conclusion authors touch upon economic and cultural aspects of settling the micro-region. Early medieval assemblage studied in Navolok site is very much alike many other small temporary sites excavated by now in the Lake Onego basin. They are usually connected with initial stage of trade and hunting mastering the territory, traces of population involvement into the system of far international trade. In this respect expressive is even a single find of balance beam for weighing silver on Kerkostrov 2 site. Vasil'ev 2 assemblage of the same period with measuring up to 1000 sq. m and constant stove remains in the center of the early medieval living ground, it rather resembles rural settlements of more southern agricultural areas.

Decisive data on agriculture in the complex economy practiced by early medieval population of Kizhi micro-region were received in the course of palynological studies. They were carried out by N. B. Lavrova and I. N. Demidov in 2002–2003. The palynological evidence together with radiocarbon data from Kizhi and nearby Volkostrov islands showed that land cultivation began there ca. 1000 years ago or a bit earlier.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ *

Архив ИИМК. Ф. 1. 1899. № 183. (О находках древностей на берегу р. Свири, у д. Ручьев в Лодейнопольском у. Олонецкой губ.)

Герман, А2002 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2315. (Герман К. Э. Отчет об археологических работах в южном Заонежье в 2002 г.)

Герман, А2003 – НАМЗК. Ф.1. Оп.3. № 2588,2589. (Герман К. Э. Отчет об археологических работах на территории Республики Карелия в 2003 г.)

Герман, А2004 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2595. (Герман К. Э. Отчет об археологических работах на территории Республики Карелия в 2004 г.)

Герман, А2006 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2961. (Герман К. Э. Отчет об археологических работах на территории Республики Карелия в 2006 г.)

Герман, А2008 – НАМЗК. Ф.1. Оп. 3. № 3293. (Герман К. Э. Отчет об археологических работах на территории Республики Карелия в 2008 г.)

Герман, А2009 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 3489. (Герман К. Э. Отчет об археологических работах на территории Республики Карелия в 2009 г.)

Манюхин, Герман, А2002 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2316. (Отчет о раскопках селища Наволок на о. Кижы в 2002 г.)

Мельников, А2007 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 3292. (Мельников И. В. Отчет о раскопках поселения Вожмариха 19 и разведках в Медвежьегорском районе Республики Карелия в 2007 г.)

Спиридонов, А1991 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2597. (Спиридонов А. М. Отчет о разведочных археологических работах в окрестностях о. Кижы летом 1991 г.)

Спиридонов, А2003 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2318. (Спиридонов А. М. Отчет о раскопках селищ Бачурин Наволок и Керкостров I в Медвежьегорском районе Республики Карелия в 2003 г.)

Спиридонов, А2004 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2591. (Спиридонов А. М. Отчет о раскопках селищ Васильево II и Мальковец в 2004 г.)

Спиридонов, А2005 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2600. (Спиридонов А. М. Отчет о раскопках селища Васильево II на о. Кижы в 2005 г.)

---

* Мы ссылаемся на научный архив музея-заповедника «Кижы». Первые экземпляры отчетов хранятся в архиве Института археологии РАН.

Спиридонов, А2006 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 2963. (Спиридонов А. М. Отчет о раскопках селища Васильево II на о. Кижы в 2006 г.)

Спиридонов, А2007 – НАМЗК. Ф.1. Оп. 3. № 3671. (Спиридонов А. М. Отчет о раскопках селища Керкостров I и разведочных работах в окрестностях о. Кижы в 2007 г.)

Спиридонов, А2008 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 3672. (Спиридонов А. М. Отчет о раскопках селища Керкостров II и разведочных работах в окрестностях о. Кижы в Медвежьегорском районе Республики Карелия в 2008 г.)

Спиридонов, А2009 – НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 3673. (Спиридонов А. М. Отчет о раскопках селища Керкостров 4 и разведочных работах на о. Большой Климецкий в Медвежьегорском районе Республики Карелия в 2009 г.)

ЛИТЕРАТУРА

Амелина Т. П., 2003 – Средневековые поселения в районе Бесова Носа (по археологическим и письменным источникам) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск. С. 145–150.

Амелина Т. П., 2007 – Позднесредневековый памятник традиционного рыболовного промысла на восточном побережье Онежского озера // «Рябининские чтения-2007». Петрозаводск. С. 6–11.

Арциховский А. В., Борковский В. И., 1958 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.

Бернадский В. Н., 1961 – Новгород и Новгородская земля в XV в. М. –Л.

Бобринский А. А., 1978 – Гончарство Восточной Европы. М.

Винокурова Э. П., 1999 – Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII в. М. С. 326–360.

Витов М. В., 1962 – Историко-географические очерки Заонежья. К истории сельских поселений. М.

Витов М. В., Власова И. В., 1974 – География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М.

Воробьева С. В., 1991 – Опыт идентификации исторических поселений о. Кизи и его окрестностей по писцовым материалам и документам XVIII–XIX столетий // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Тез. докл. Петрозаводск. С. 86–91.

ГВНП, 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / С. Н. Валк. М. – Л.

Герд А. С., 1989 – К истории образования говоров Заонежья // Северо-русские говоры. Вып. 3. Л. С. 86–95.

Данилова Л. В., 1955 – Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV вв. М.

Дмитриева Т. П., Кочкуркина С. И., 2000 – Остров Большой Клименецкий: Историко-культурный очерк // Кижский вестник. Вып. 5. Петрозаводск. С. 3–25.

Жульников А. М., 2005 – Поселения эпохи раннего металла юго-западного Прибеломорья. Петрозаводск.

Жульников А. М., Спиридонов А. М., 2003 – Древности Петрозаводска. Петрозаводск.

История Карелии XVI–XVII вв. в документах и материалах. III. 1993. Петрозаводск – Йоэнсуу.

Кильдошевский В. И., 1981 – Об одном из типов керамики XIV–XVI вв. крепости Орешек // КСИА. Вып. 164. С. 111–116.

Кильдошевский В. И., 2002 – Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб. С. 5–33.

Кирпичников А. Н., 1979 – Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л. С. 52–73.

Кирпичников А. Н., 1980 – Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.

Колчин Б. А., 1959 – Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М. С. 7–120.

Колчин Б. А., 1982 – Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М. С. 156–177.

Косменко М. Г., 1992 – Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск.

Косменко М. Г., 1996. Поселения охотничье-рыболовецких культур // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Кочкуркина С. И., 1989 – Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск.

Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., 1988 – Поселения эпохи Средневековья // Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи Средневековья). Петрозаводск. С. 121–142.

Кудряшов А. В., 2006 – Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец.

Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., 2007 – К вопросу о начале земледелия на севере Онежского озера по палинологическим данным // Геология и полезные ископаемые Карелии. Вып. 10. Петрозаводск. С. 194–206.

Лесман Ю. М., 1990 – Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. М. С. 29–98.

Макаров Н. А., 1991 – Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв. Петрозаводск. С. 129–165.

Макаров Н. А., 2008 – Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX–XVI вв. М. С. 5–15.

Макаров Н. А., 2009 – Мининский археологический комплекс на фоне древнерусских селищ лесной полосы Восточной Европы: общее и особенное // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 3. М. С. 55–60.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П., 2001 – Средневековое расселение на Белом озере. М.

Мальгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М., 2001 – Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 15. Новгород. С. 82–97.

Медведев А. Ф., 1966 – Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е–1–36. М.

Минасян Р. Ф., 1980 – Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л. С. 58–74.

Муллонен И. И., 2002 – Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск.

Муллонен И. И., 2003 – Старое Заонежье: вепсское или карельское? // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск. С. 211–217.

Муллонен И. И., 2008 – Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск.

Мызников С. А., 2003 – Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.

Мюллер Р. Б., 1947 – Очерки истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск.

Никитин А. В., 1971 – Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–34. М.

ОАК, 1902 – Отчет Императорской археологической комиссии за 1899 г. СПб.

Петренко В. П., Кильдюшевский В. И., 1989 – Ивангородская керамика конца XV–XVI вв. // Нарва, Ивангород, Принаровье: Воздействия культур. История и археология. Тез. докл. Нарва. С. 37–40.

ПКОП, 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.

Платонов С. Ф., 1924 – Прошлое Русского Севера. Берлин.

Полубояринова М. Д., 1994 – Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород. С. 75–82.

Порфиридов Н. Г., 1951 – Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. М. – Л. С. 213–219.

Рябинин Е. А., 1985 – Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладoga. Л. С. 9–38.

Седова М.В., 1981 – Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Смирнова Г. П., 1956 – Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. № 55. М. С. 228–248.

Спиридонов А. М., 1989 – Керамика приладожской курганной культуры // Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск. С. 303–315.

Спиридонов А. М., 1992 – Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежье (Заонежский сборник). Петрозаводск. С. 29–48.

Спиридонов А. М., 1995 – Толвуйская земская изба XVIII – первой половины XIX в. // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск. С. 152–174.

Спиридонов А. М., 2001 – Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху Средневековья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России: славяне и финны. СПб. С. 352–359.

Спиридонов А. М., 2004 – Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Вып. 9. Петрозаводск. С. 281–303.

Спиридонов А. М., 2011 – Средневековое расселение в Прионежье (X–XVI вв.) // Рябининские чтения-2011. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск. С. 173–176.

Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., Манюхин И. С., 2003 – К истории заселения о. Кизи в Средневековье и Новое время (по материалам раскопок селища Наволок) // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск. С. 243–260.

Спиридонов А. М., Чернякова И. А., 1991 – К проблеме топографии и размеров сельских поселений на Северо-Западе России (по письменным и археологическим материалам Заонежья) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия. Петрозаводск. С. 32–49.

Шурыгина А. П., 1948 – Новгородская боярская колонизация // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Т. 78. С. 31–62.

Щапова Ю. Л., 1956 – Стекланные бусы древнего Новгорода // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 55. М. С. 164–179.

Чернякова И. А., 1997 – Древняя история села Суйсарь // *Село Суйсарь: история, быт, культура*. Петрозаводск. С. 25–60.

Чернякова И. А., 1998 – Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск.

Экман И. М., Журавлев А. П., 1986 – О древнейшем земледелии в Карелии по данным хроно- и биостратиграфических исследований // *Геология докембрия центральной и южной Карелии*. Петрозаводск. С. 51–54.

Янин В. Л., 1981 – Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М.

Янин В. Л., 1991 – Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.

Янин В. Л., 2003 – Новгородские посадники. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.

Яскеляйнен А. Т., 1998 – Архитектурно-археологическое датирование традиционных жилых построек Заонежья // *Народное зодчество*. Петрозаводск. С. 173–193.

Enqvist J., 2006 – Karelian Ware: pottery of Slavonic type in eastern Finland // *People, material culture and environment in the North*. Oulu. P. 412–419.

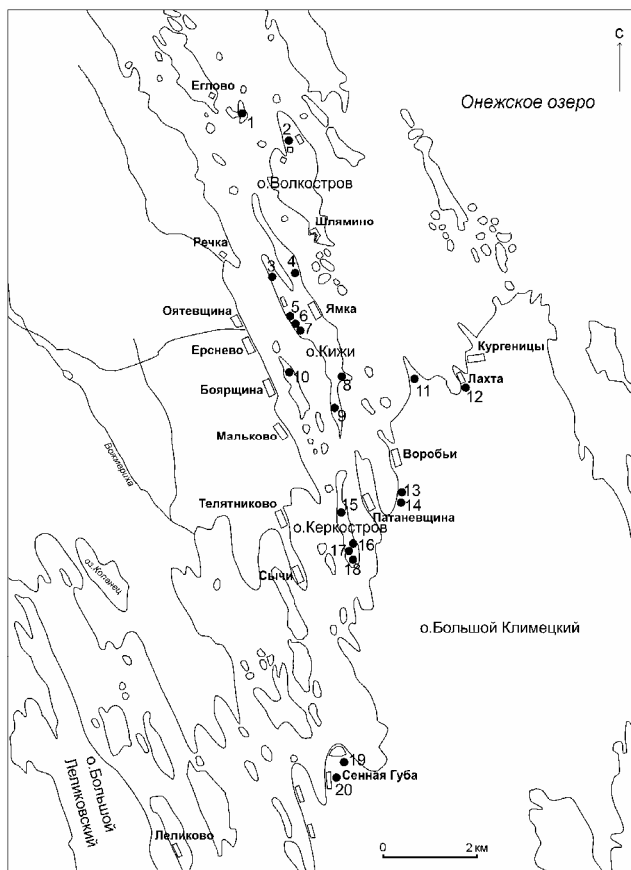
Spiridonov A. M., 1992 – Archaeological data on the early history of the Valamo (Valaam) monastery // *Fennoscandia Archaeologica*. V. IX. Helsinki. P. 93–99.

Vuorela I., Saarnisto M., Lempiainen T., Taavitsainen J.-P., 2001 – Stone Age to recent land-use history at Pegrema, northern Lake Onega, Russian Karelia // *Vegetation history and Archaeology*. V. 10. P. 121–138.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Р и с . 1. Средневековые поселения центра Спасо-Преображенского Кижского погоста

1 – Рогачево; 2 – Волкостров; 3 – Бачурин Наволок; 4 – Бишево; 5 – Васильево 2; 6 – Васильево 3; 7 – Васильево 1; 8 – Наволок; 9 – Кижский погост; 10 – Мальковец; 11 – Гивес Наволок; 12 – Лахта; 13, 14 – Воробьи 1, 3; 15–18 – Керкостров 1, 2, 4, 5; 19, 20 – Сенная Губа 1, 2

Fig . 1. Medieval settlements of the Kizhi pogost center

1 – Rogachovo; 2 – Volkostrov; 3 – Bachurin Navolok; 4 – Bishevo; 5 – Vasil'ev 2; 6 – Vasil'ev 3; 7 – Vasil'ev 1; 8 – Navolok; 9 – Kizhskij Pogost; 10 – Mal'kovets; 11 – Gives Navolok; 12 – Lahta; 13, 14 – Vorob'i 1 and 3; 15–18 – Kerkostrov 1, 2, 4 and 5; 19, 20 – Sennaja Guba 1 and 2

Р и с . 2 . Белоглиняная гончарная керамика из сборов на селище Кижский погост

1-4 - тип 1; 5 - тип 2; 6, 7 - тип 4

F i g . 2. White ware pottery from Kizhskij Pogost site

1-4 - type 1; 5 - type 2; 6,7 - type 4

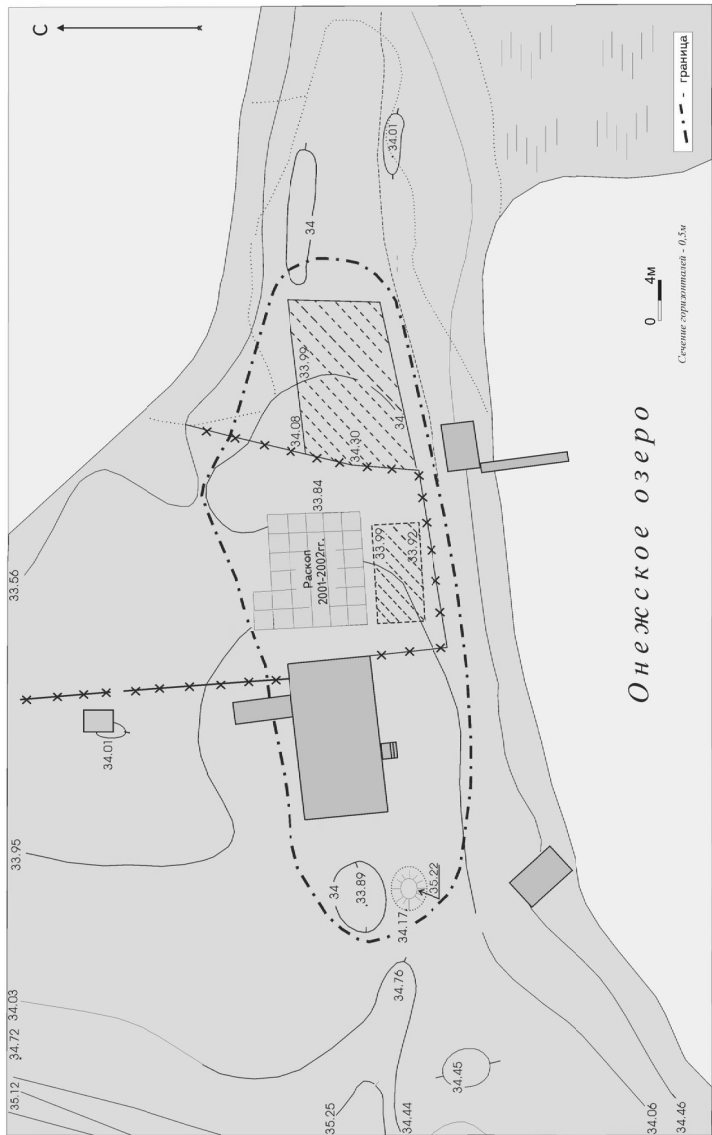

Рис. 3. План селища Наволок

Fig. 3. Navolok site. Plan

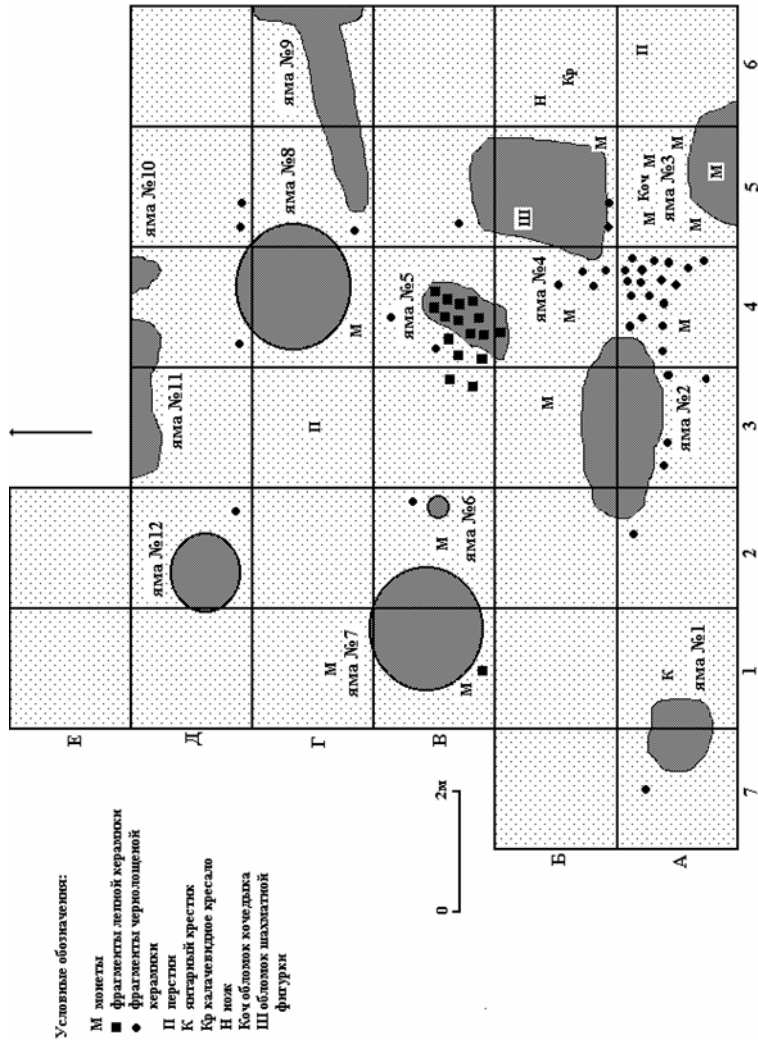
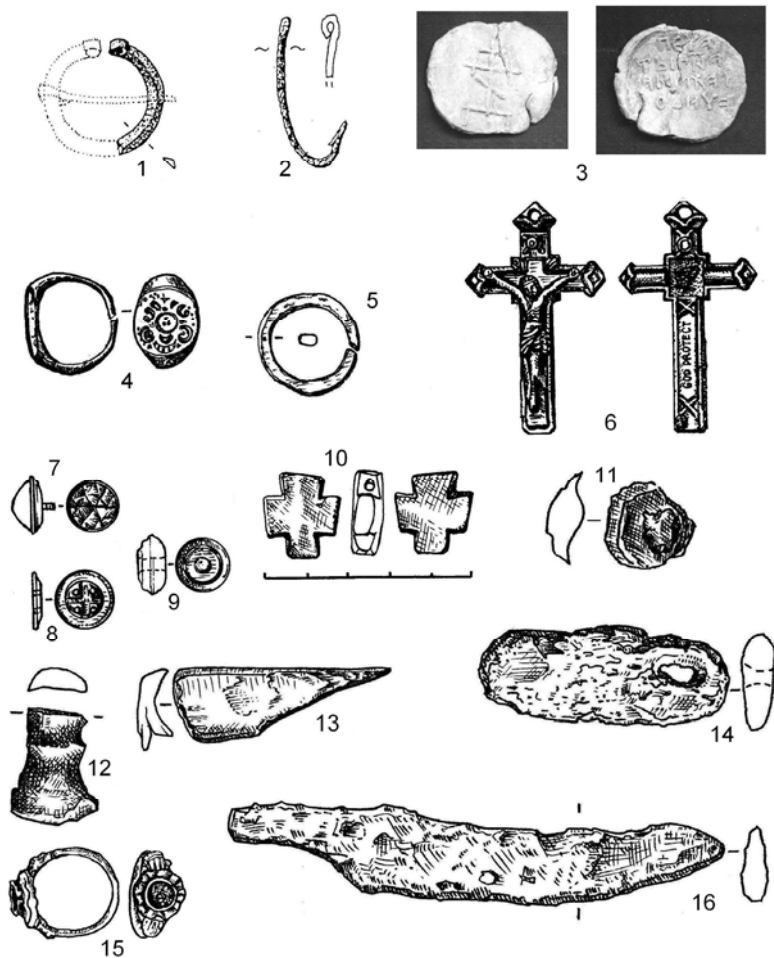

Рис. 4. План раскопа на селище Наволок на уровне материка

Fig. 4. Excavation site on Navolok. Subsoil level

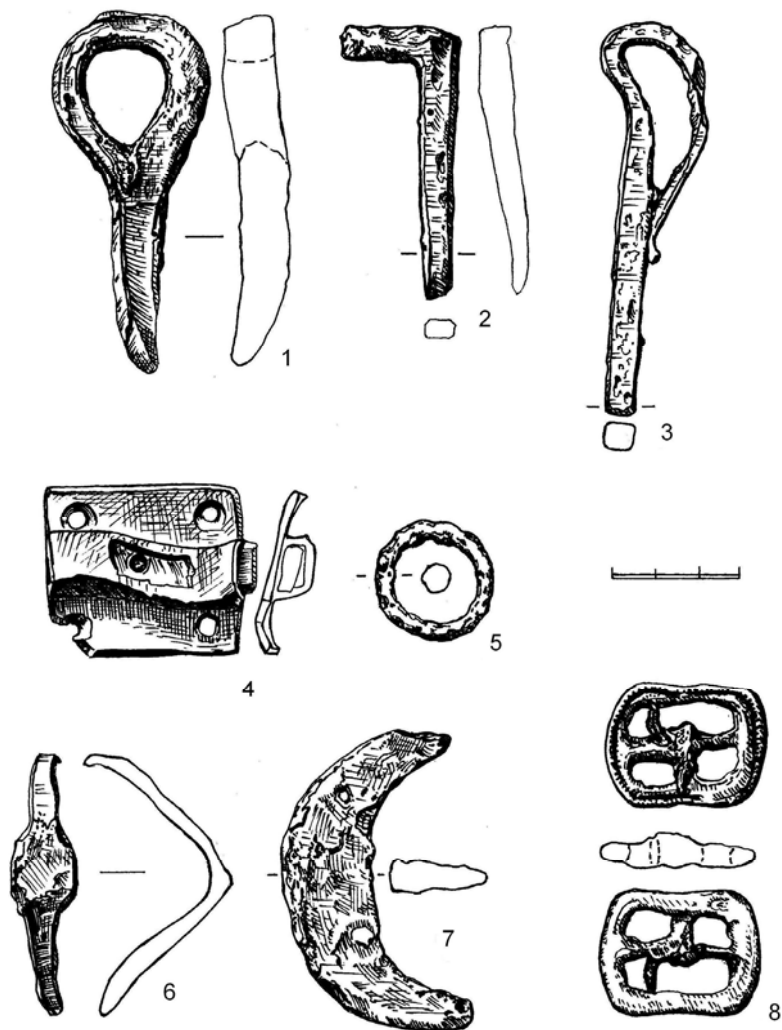

Р и с . 5. Индивидуальные находки из раскопа и сборов на селище Наволок

1, 4, 6, 10, 15 – бронза; 2, 5, 14, 16 – железо; 3 – свинец; 7 – стекло; 8, 11, 12, 13 – кость; 9 – янтарь

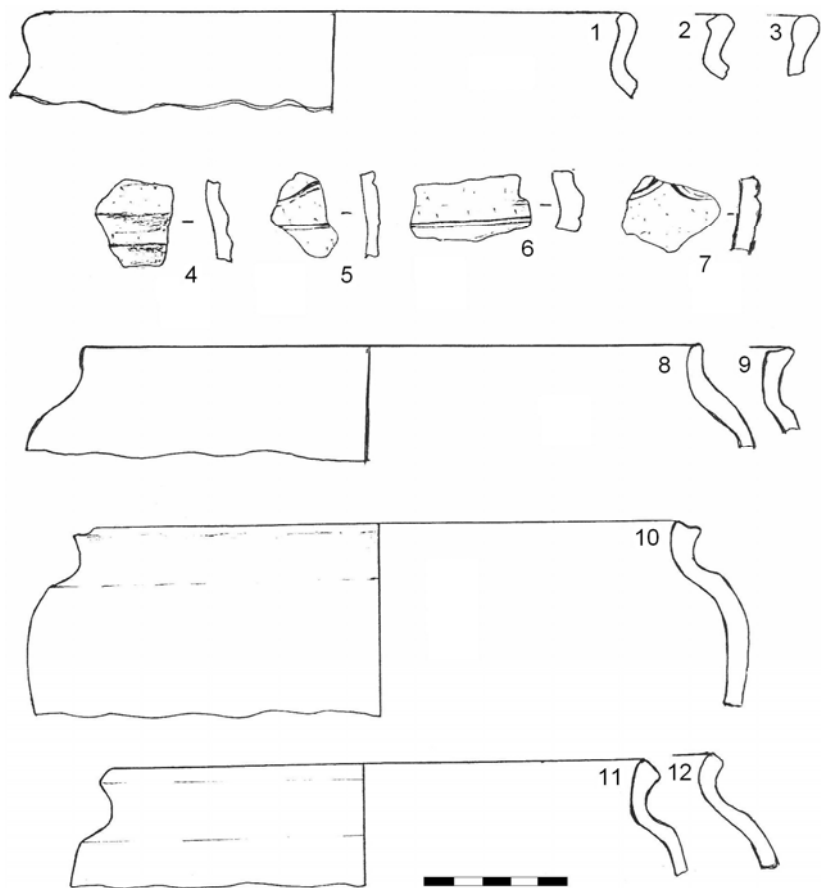
Fig . 5 . Individual finds from Navolok

1,4,6,10,15 – bronze; 2,5,14,16 – iron; 3 – lead; 6 – glass; 8,11,12,13 – bone; 9 – amber

Р и с . 6. Индивидуальные находки из раскопа на селище Наволок
1-3, 5-8 – железо; 4 – бронза

F i g . 6. Individual finds from Navolok
1-3, 5-8 – iron; 4 – bronze

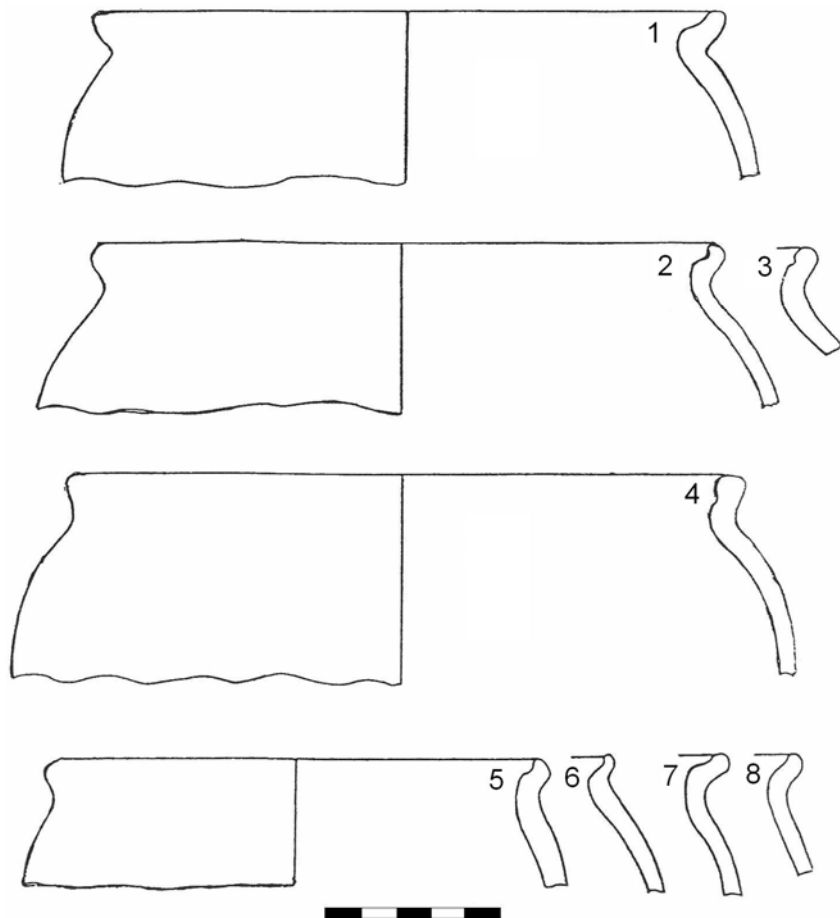

Р и с . 7. Красноглиняная гончарная керамика из раскопа на селище Наволок

1-3 - тип 2; 4-7 - орнаментированные фрагменты стенок; 8 - тип 4; 10-12 - тип 3

Fig. 7. Red ware pottery from Navolok

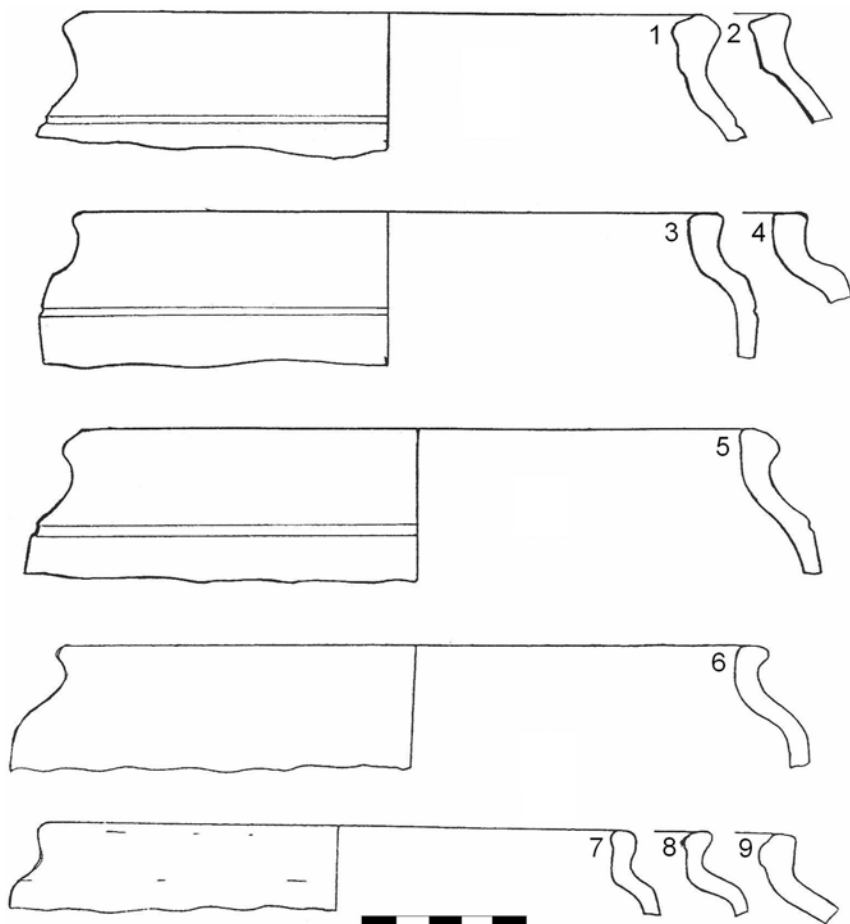
1-3 - type 2; 4-7 - ornamented fragments of pots; 8 - type 4; 10-12 - type 3

Р и с . 8. Красноглиняная гончарная керамика
из раскопа на селище Наволок
1-8 - тип 5

F i g . 8. Red ware pottery from Navolok
1-8 - type 5

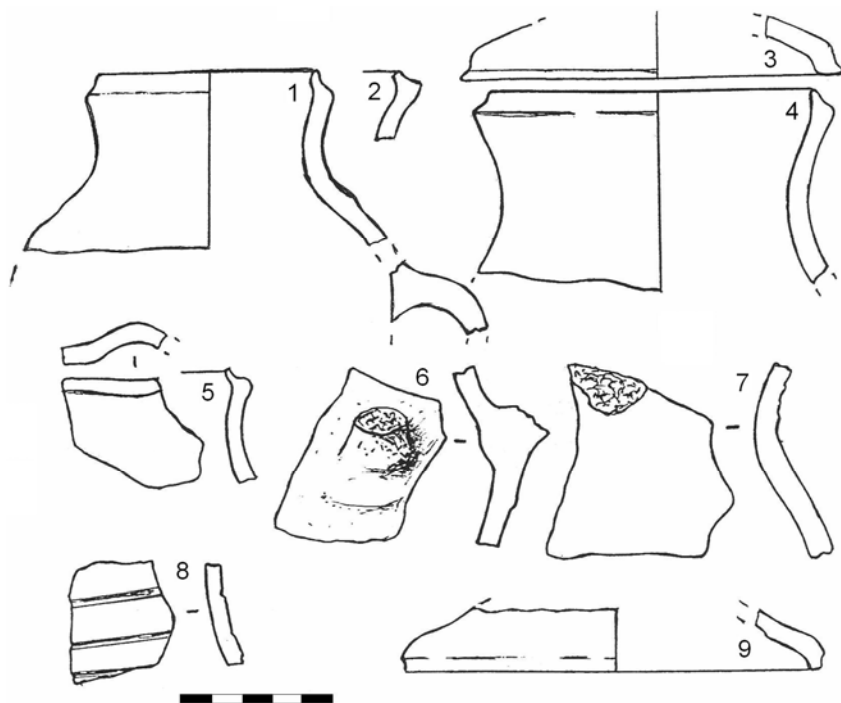

Р и с . 9. Белоглиняная гончарная керамика из раскопа на селище
Наволоок

1-5, 7-9 – тип 1; 6 – тип 2

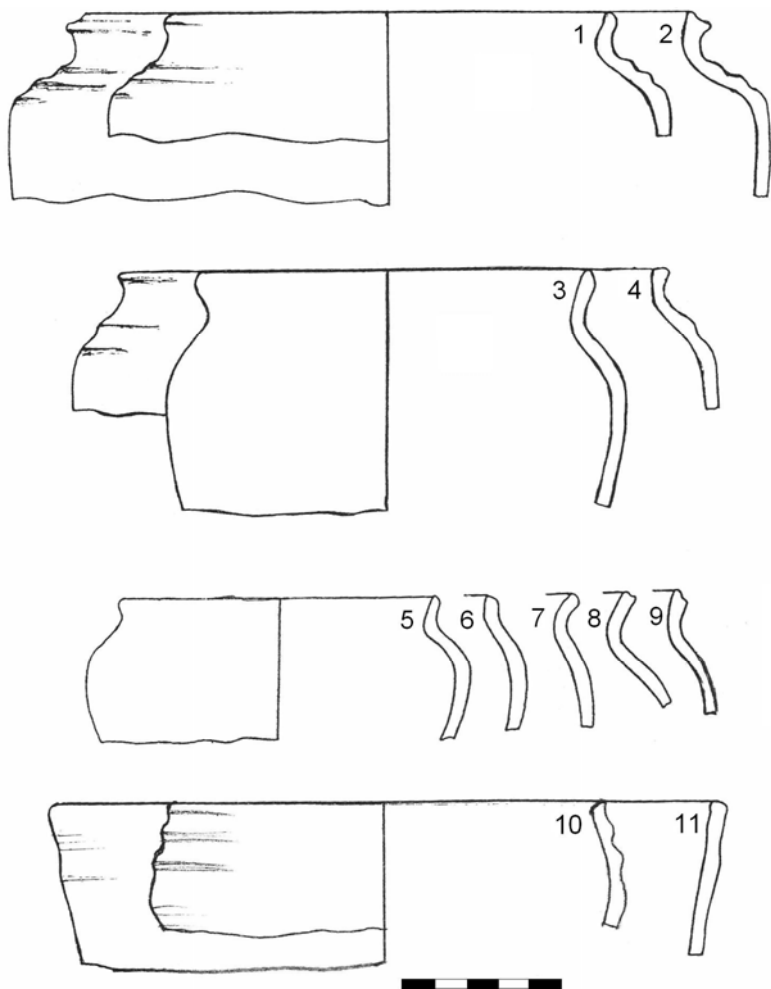
Fig . 9. White ware pottery from Navolok.

1-5,7-9 – type 1; 6 – type 2

Р и с . 10. Фрагменты белоглиняных кувшинов и крышек из раскопа на селище Наволок

Fig . 10. White ware jugs and covers from Navolok

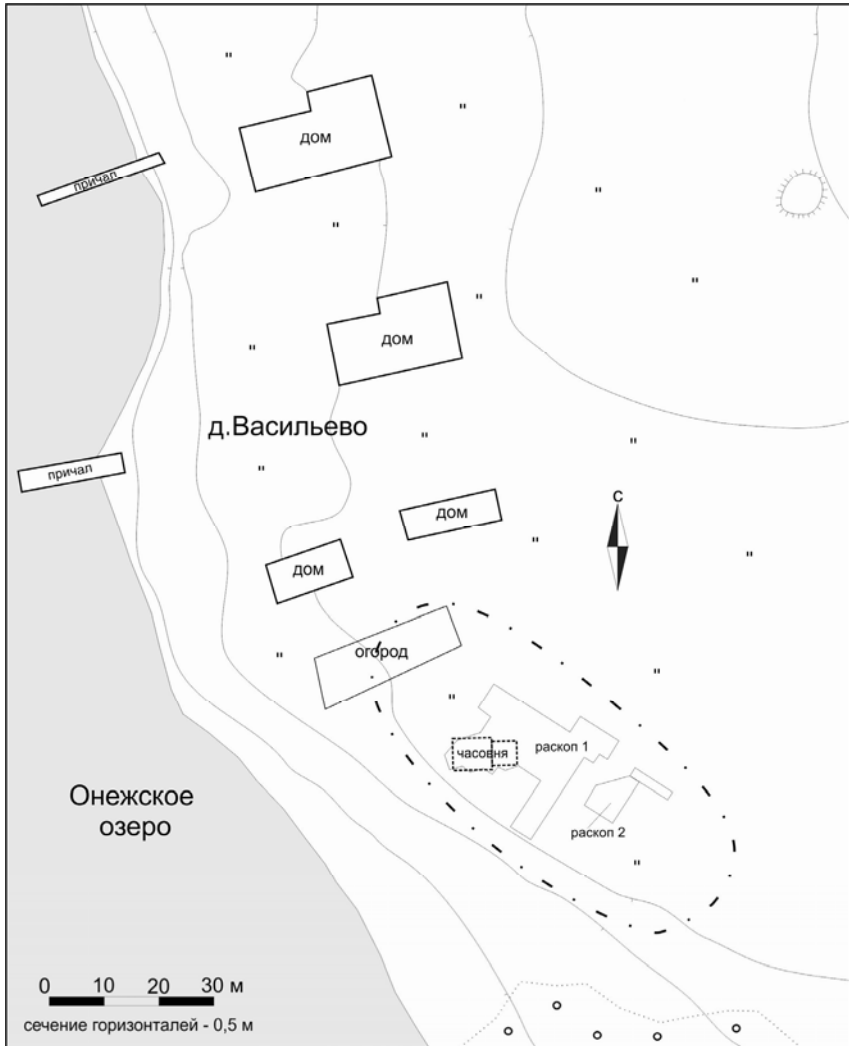

Р и с . 11. Белоглиняная гончарная керамика Нового времени из раскопа на селище Наволок

1-11 - тип 4

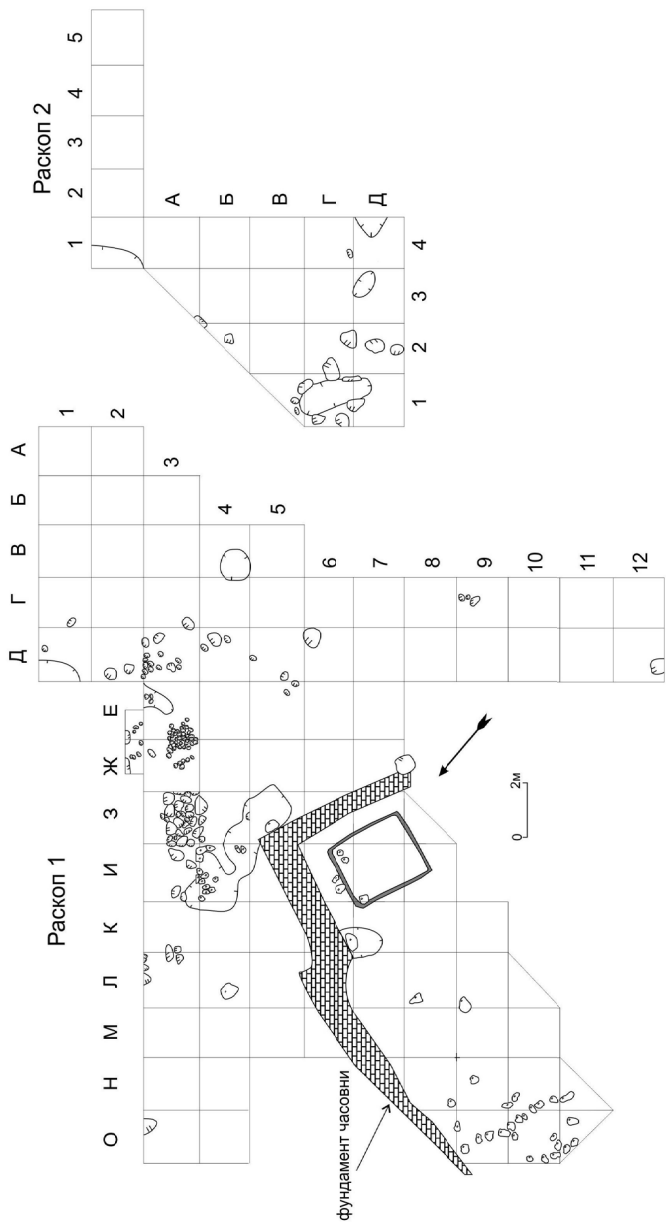
Fig . 11. Modern Age white ware pottery from Navolok

1-11 - type 4

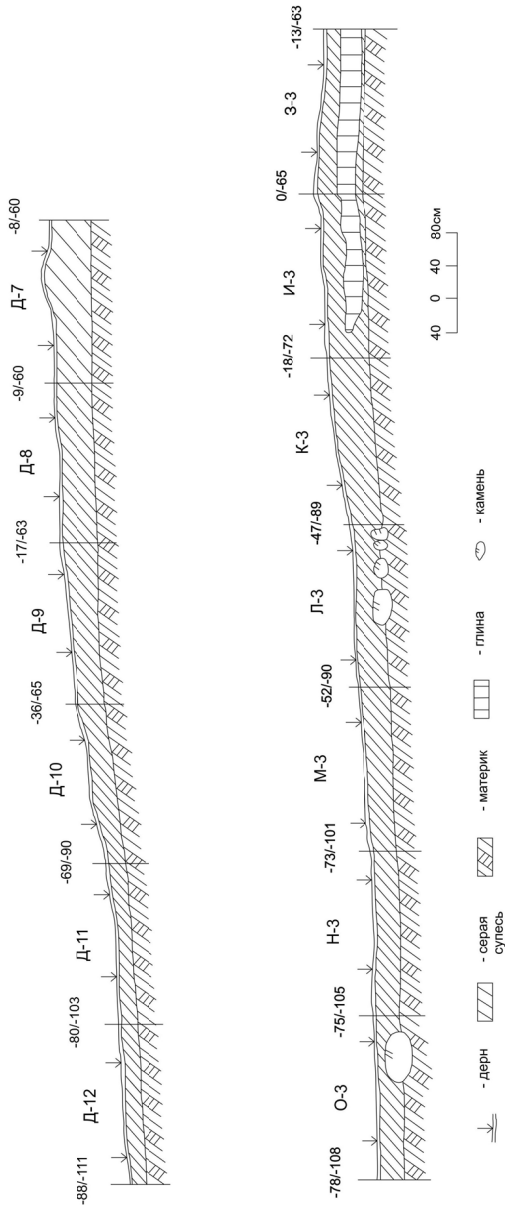

Р и с . 12. План селища Васильево 2

Fig . 12. Vasil'evo 2 site. Plan

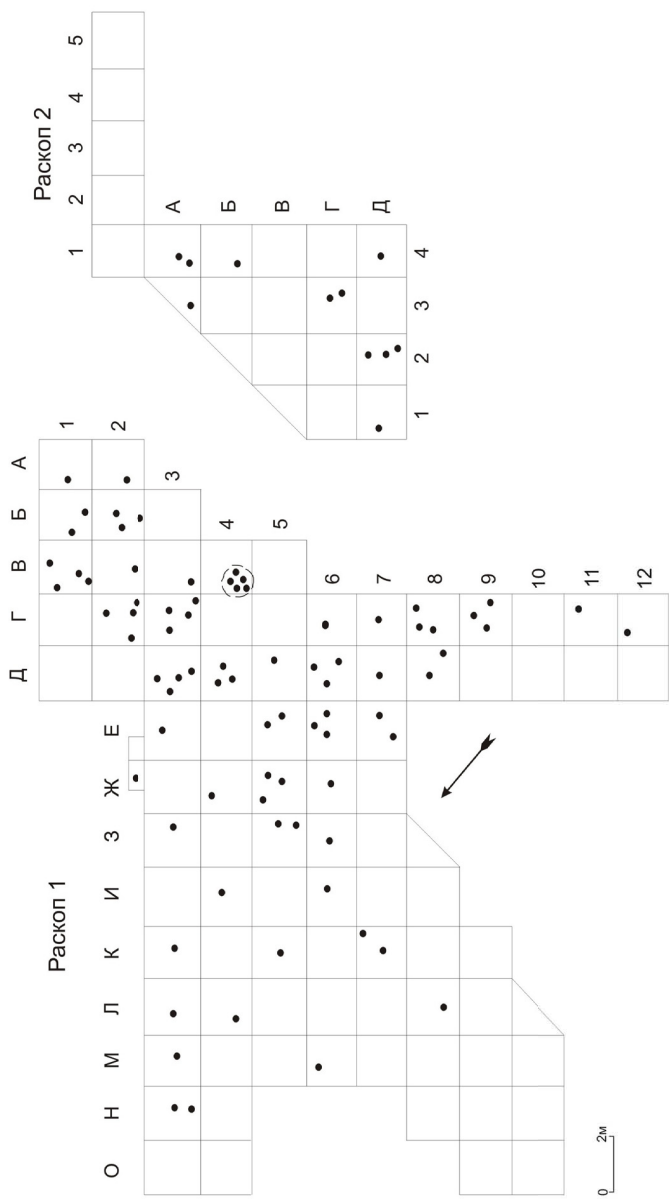

Р и с . 13. Планы раскопов 1 и 2 на селище Васильево 2 на уровне материка
 Fig . 13. Excavation sites on Vasil'ovo 2.
 Subsoil level

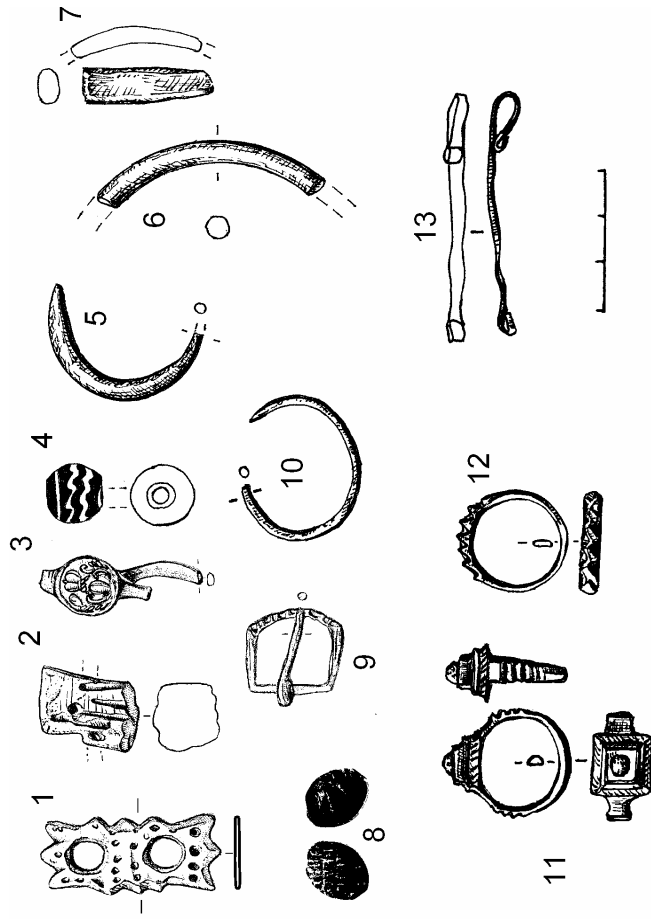
Р и с . 14. Профили стенок раскопа 1 на селище Васильево 2

Fig. 14. Profiles of the excavation site 1 on Vasil'evvo 2

Р и с . 15. Планиграфия находок фрагментов лепной керамики в раскопах 1 и 2 на селище Васильево 2

Fig . 15. Distribution of the hand-made ceramic vessels at excavation sites 1 and 2 on Vasil'ev 2

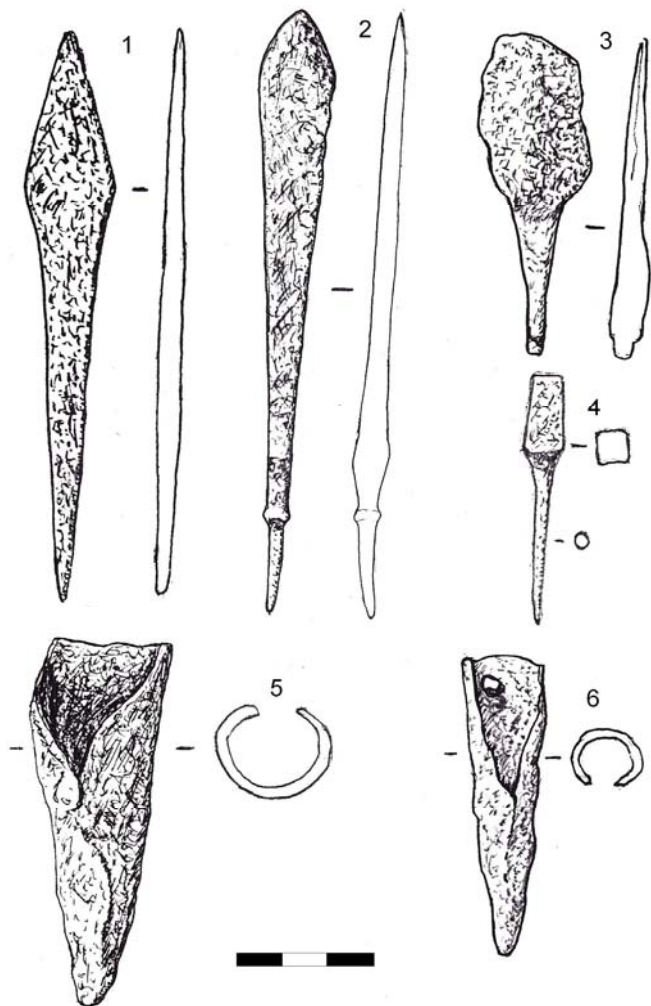
Р и с . 16. Индивидуальные находки с селищ Васильево 2 (1-3, 5-13) и Васильево 3 (4)

1 – кость; 2 – янтарь; 3, 9–13 – бронза; 4, 6, 7 – стекло; 5(?), 8 – серебро

Fig. 16. Individual finds from Vasil'ovo 2 (1-3, 5-13) and Vasil'ovo 3 (4) sites.

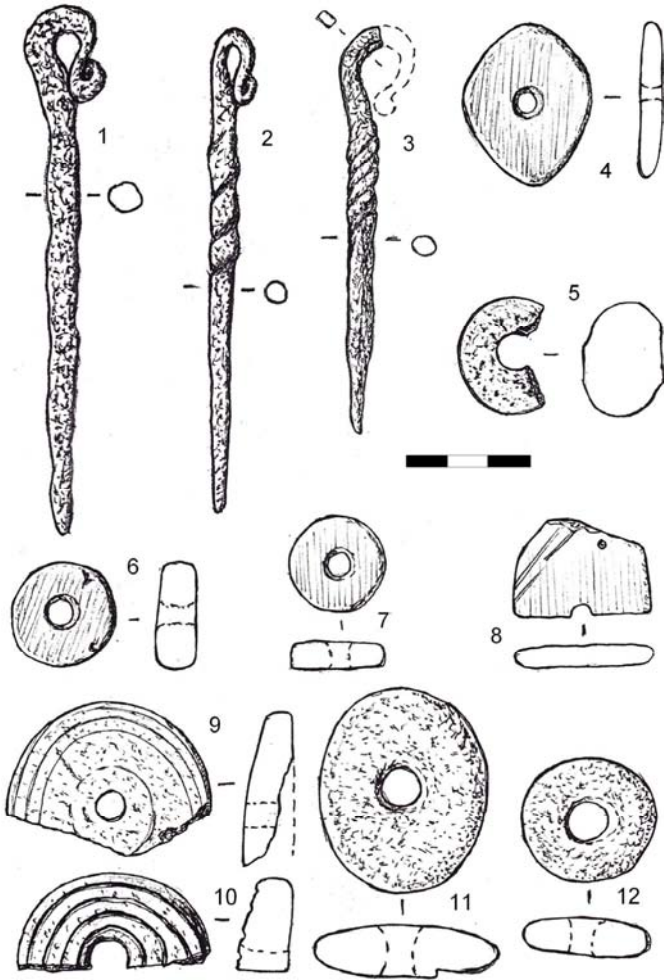
1 – bone; 2 – amber; 3, 9-13 – bronze; 4, 6, 7 – glass; 5(?), 8 – silver

Р и с . 17. Наконечники стрел и втоки из раскопок на селище Васильево 2 (железо)

Fig. 17. Arrowheads (1-4) and spear or bear-spear down shaft ends (5,6) from Vasil'evo 2. Iron

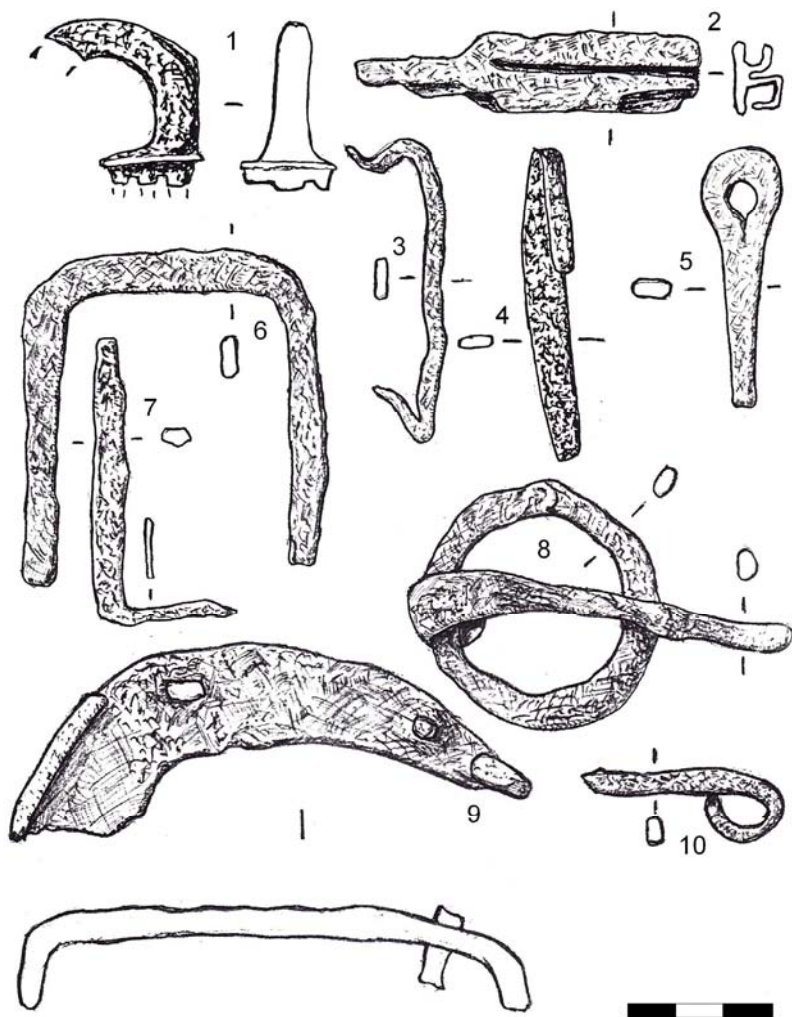

Р и с . 18. Предметы прядения и ткачества из раскопок на селище Васильево 2

1-3 - железо; 4,6-12 - камень; 5 - керамика

Fig . 18. Equipment for spinning and weaving from Vasil'evo 2

1-3 - iron; 4,6-12 - stone; 5 - ceramics

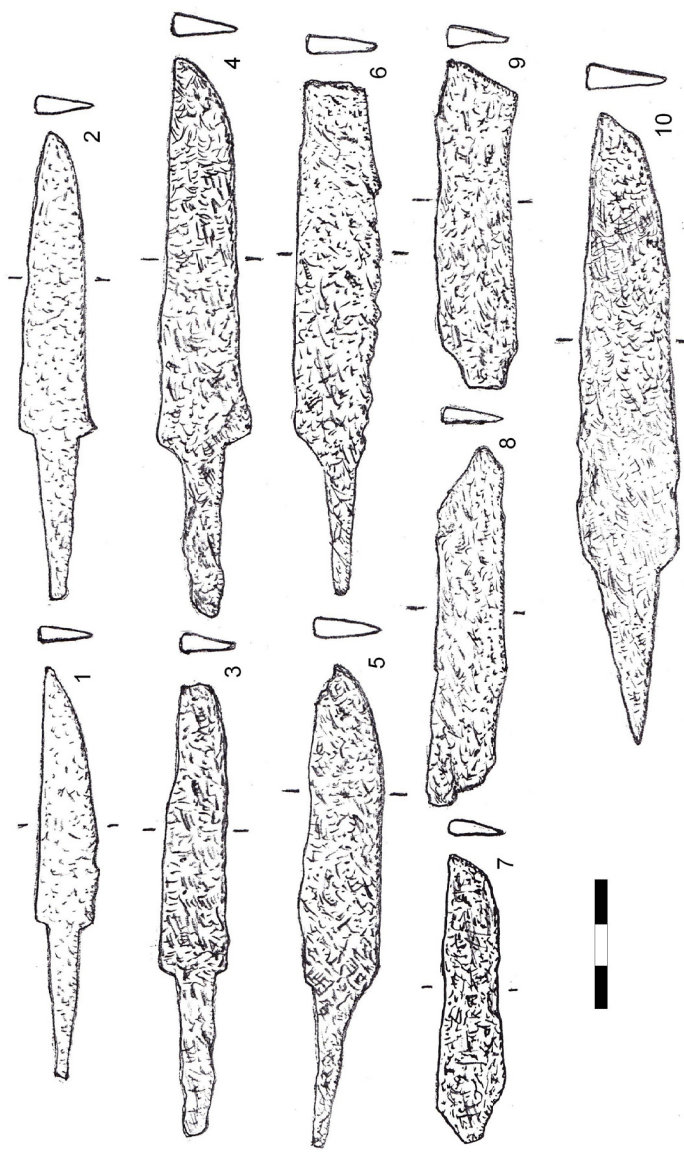

Р и с . 19. Предметы дверного снаряда и снаряжения коня из раскопок на селище Васильево 2

1-10 - железо

Fig . 19. Doors equipment and horse equipment from Vasil'evo 2

1-10 - iron

Р и с . 20. Ножи из раскопок на селище Васильево 2

1-10 - железо

F i g . 20. Knives from Vasil'evo 2

1-10 - iron

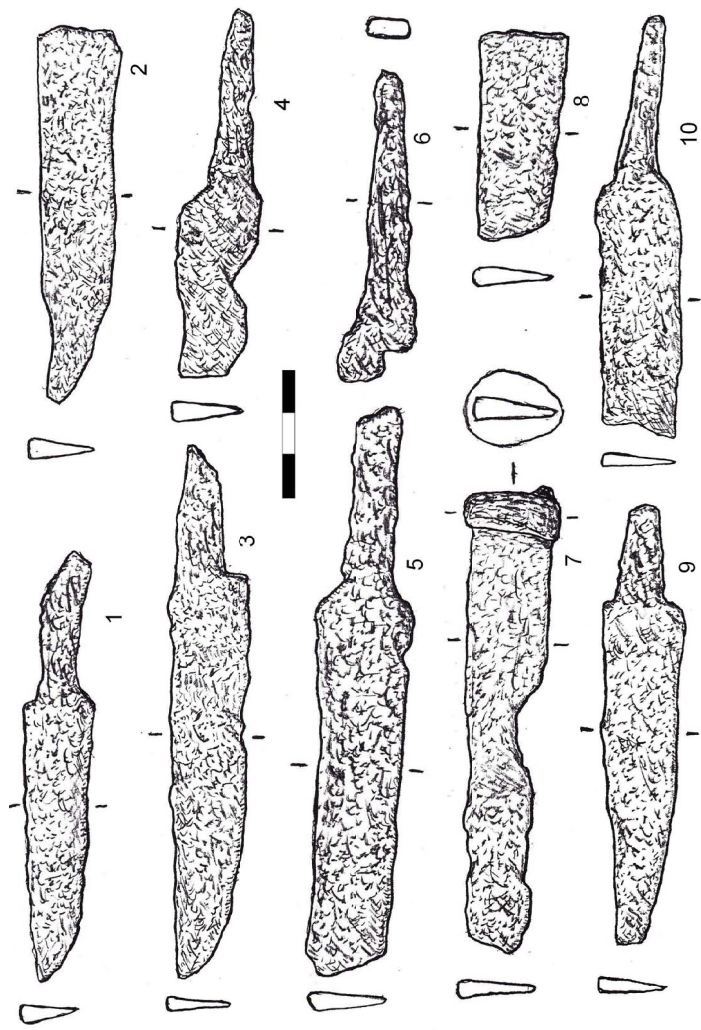
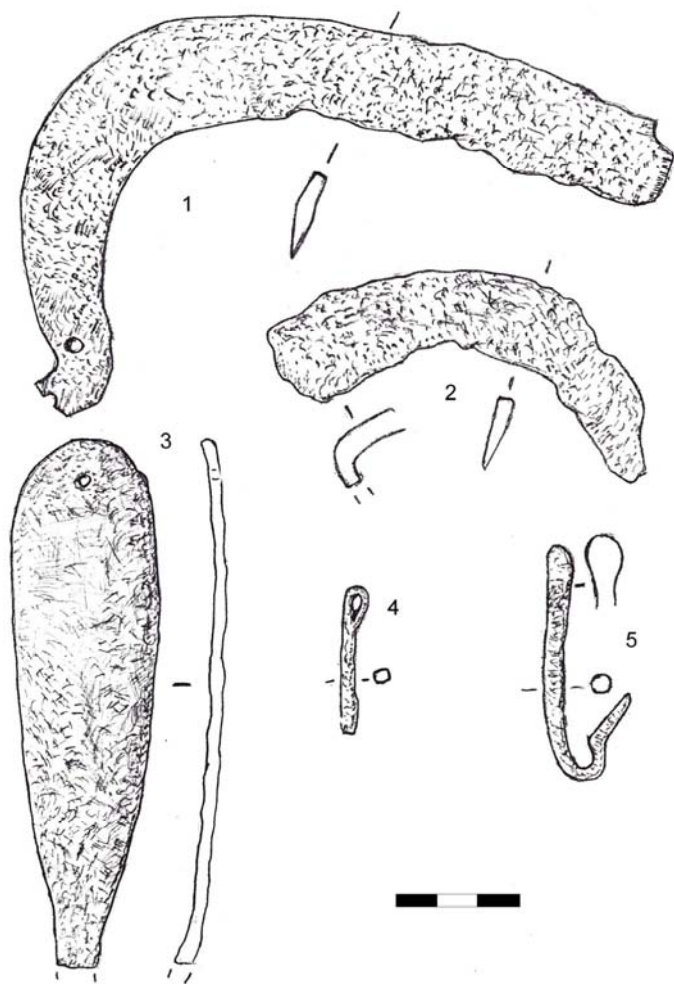

Рис. 21. Ножи из раскопок на селище Васильево 2

1-10 – железо

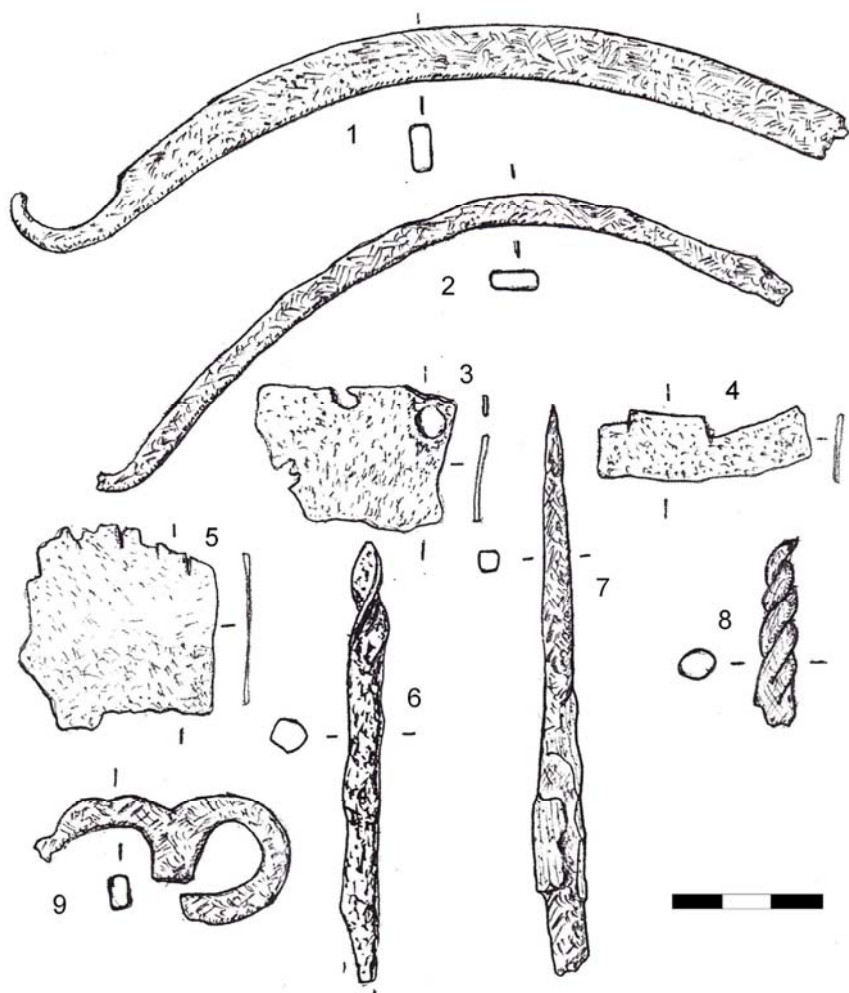
Fig. 21. Knives from Vasil'ovo 2

1-10 – iron

Р и с . 22. Сельскохозяйственный
и рыболовный инвентарь
из раскопок на селище Васильево 2
1-5 – железо

Fig. 22. Agricultural and fishery equipment from vasil'evo 2
1-5 – iron

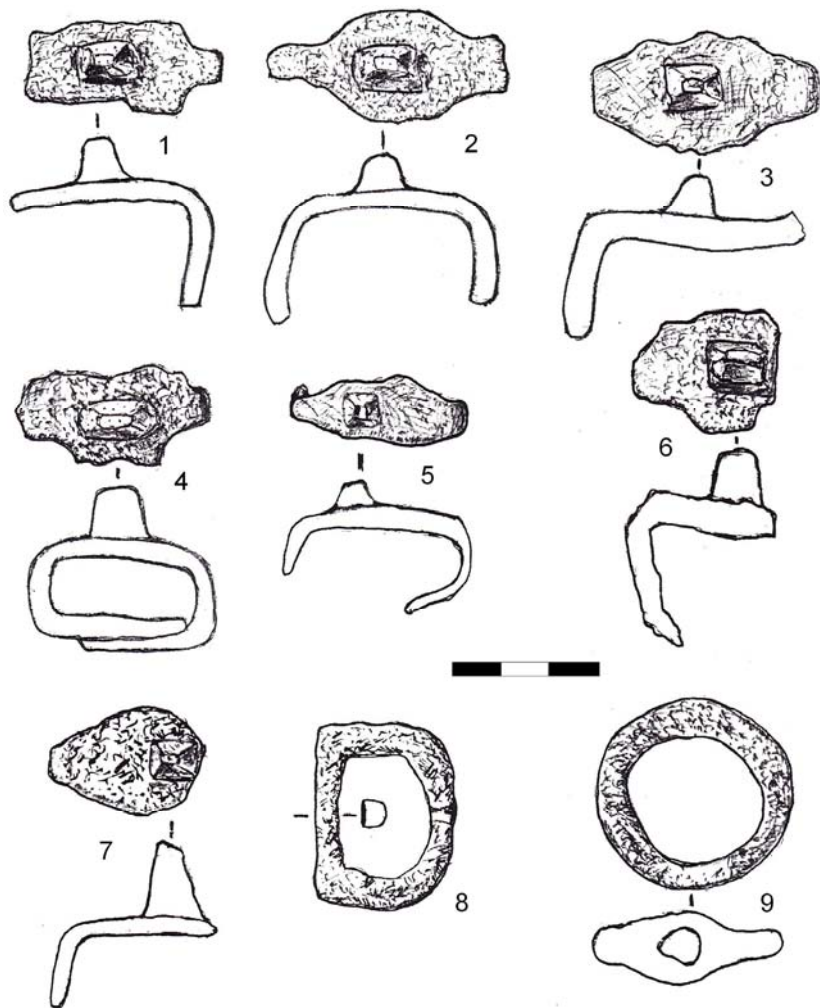

Р и с . 23. Хозяйственно-бытовой инвентарь из раскопок на селище Васильево 2

1,2,6-9 – железо; 3-5 – бронза

Fig. 23. Different domestic articles from Vasil'ev 2

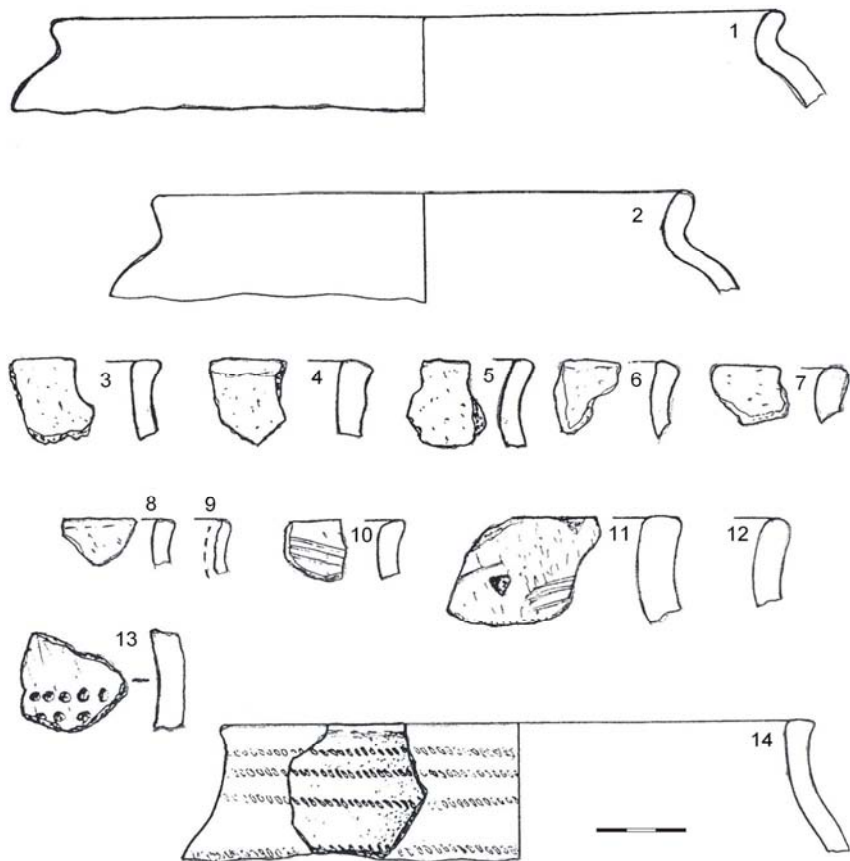
1,2,6-9 – iron; 3-5 – bronze

Р и с . 24. Ледоходные шипы и предметы снаряжения коня (?)
из раскопок на селище Васильево 2
1-9 – железо

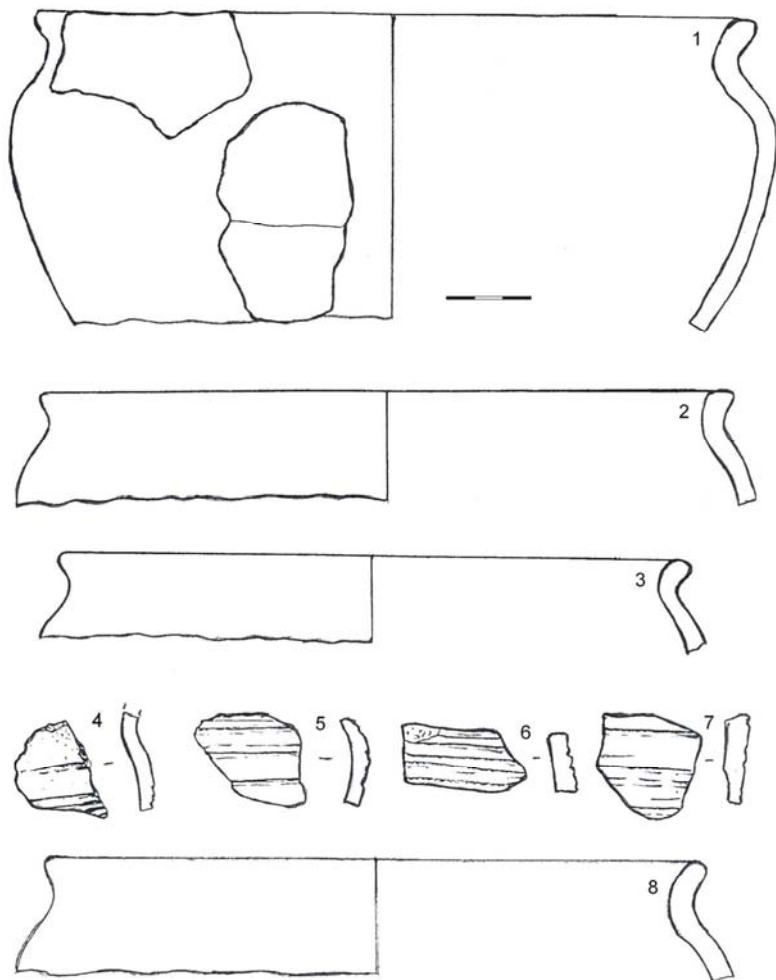
Fig . 24. Ice-walking shore and horse equipment from Vasil'evo 2
1-9 – iron

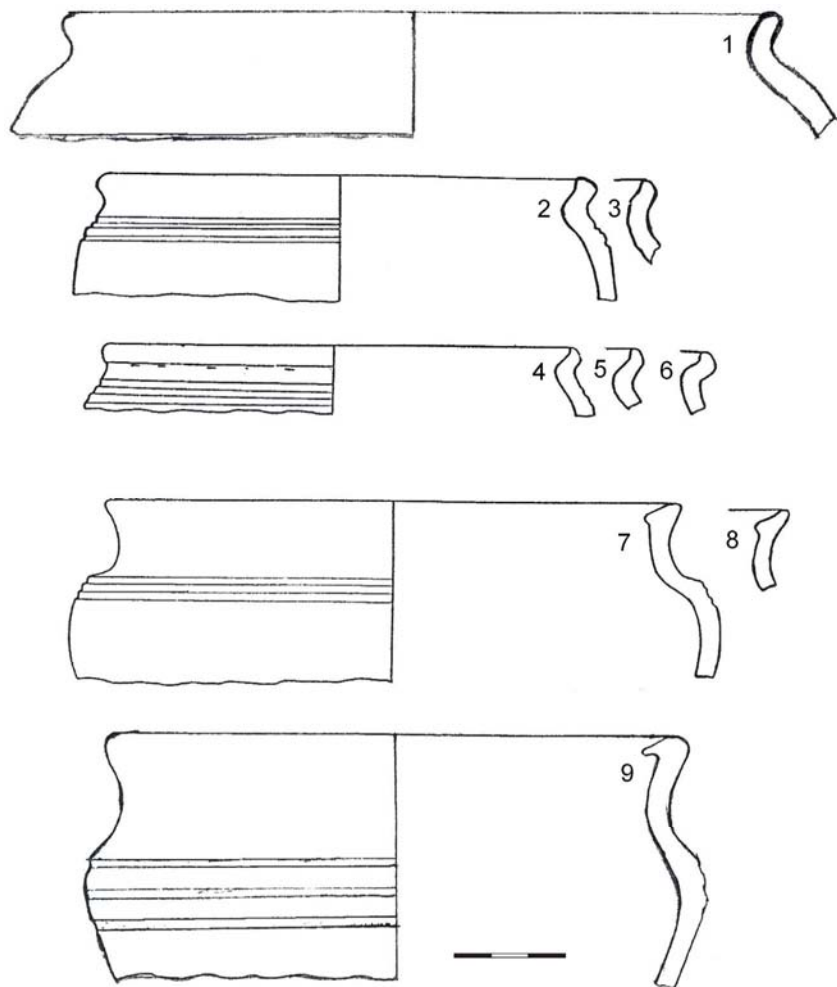
Р и с . 25. Лепная керамика из раскопок на селище Васильево 2

Fig. 25. Hand-made ceramic vessels from Vasil'evo 2

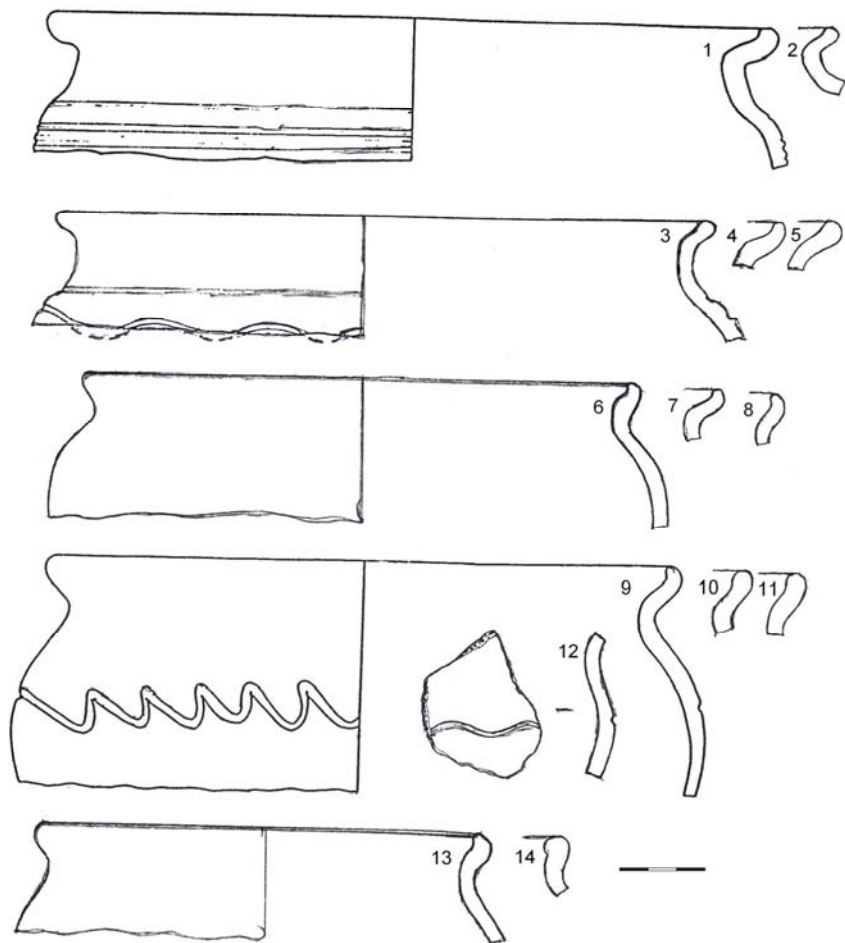
Р и с . 26. Лепная (1-3) и раннегончарная (4-8) керамика из раскопок на селище Васильево 2

Fig. 26. Hand-made ceramic vessels (1-3) and early wheel-made (4-8) pottery from Vasil'evo 2

Р и с . 27. Раннегончарная (1), раннесредневековая гончарная (2–6,8) керамика из раскопок на селище Васильево 2

F i g . 27. Early wheel-made (1) and wheel- made (2–6,8) pottery from Vasil'evo 2

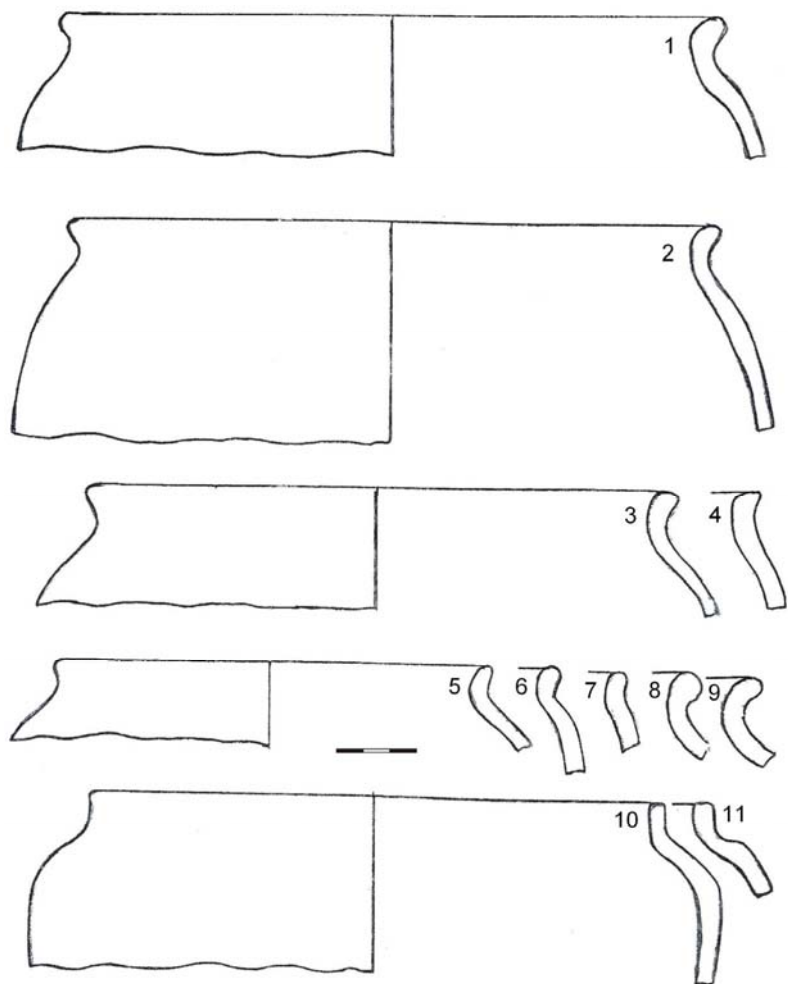

Р и с . 28. Красноглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Васильево 2

1-11, 13 - тип 1; 14 - тип 2

Fig . 28. Red ware pottery from Vasil'evo 2

1-11, 13 - type 1; 14 - type 2

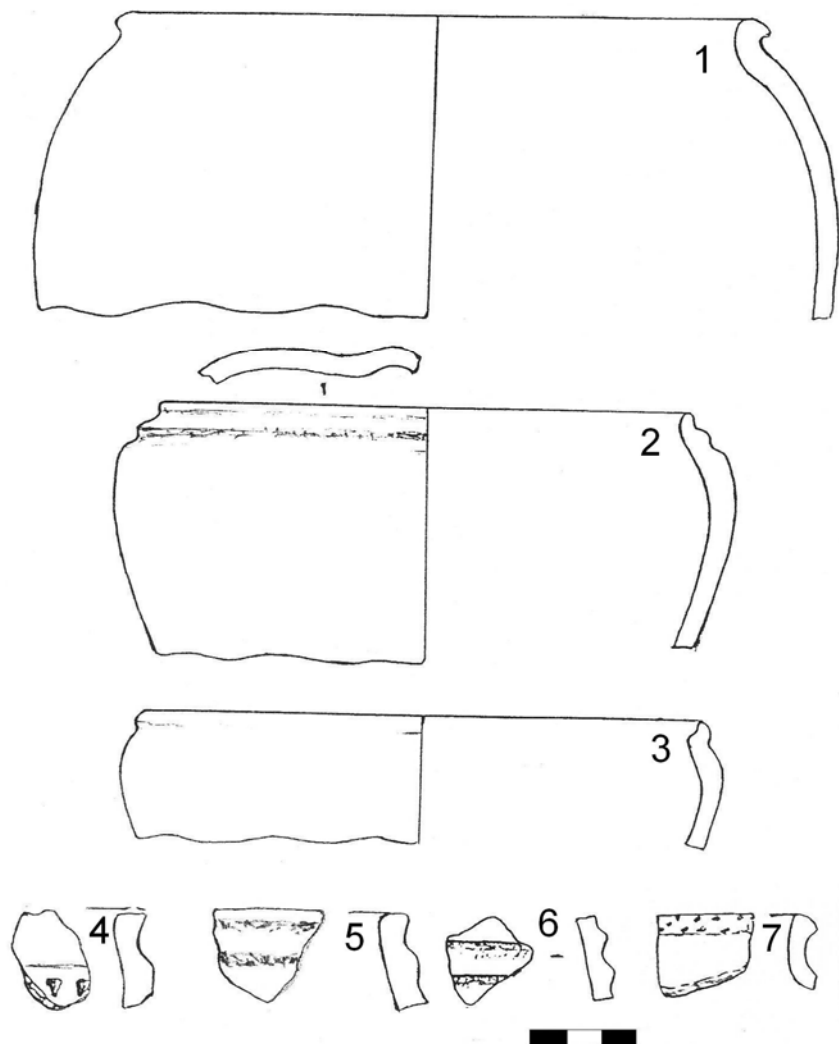

Р и с . 29. Красноглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Васильево 2

1-11 - тип 4

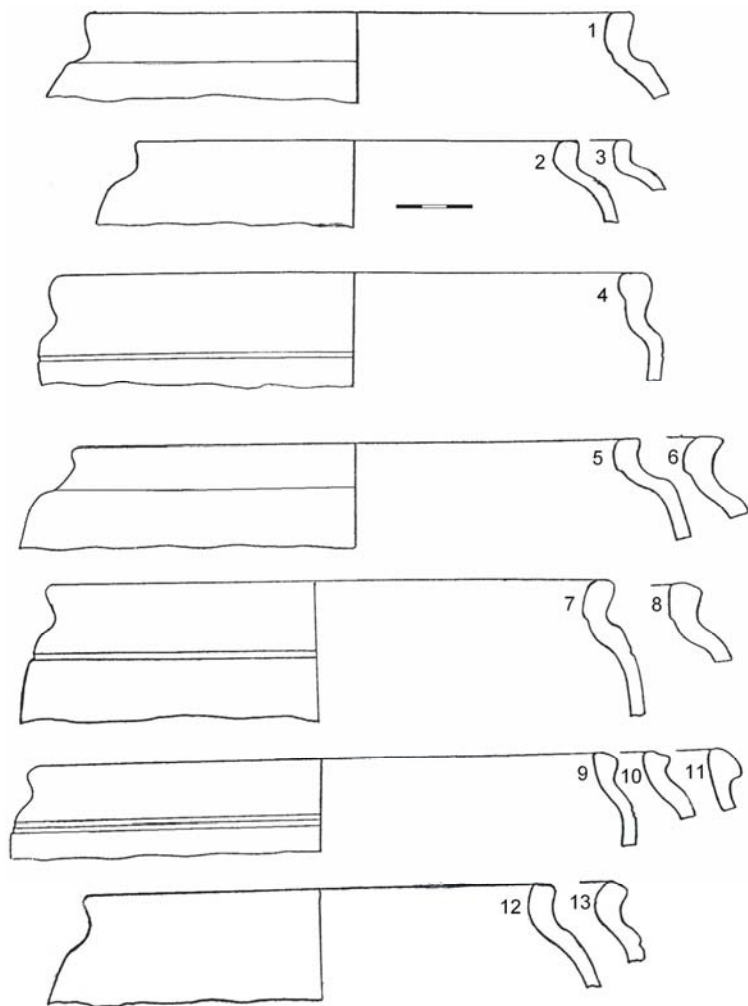
F i g . 29. Red ware pottery from Vasil'ev o 2

1-11 - type 4

Р и с . 30. Редкие формы красноглиняной гончарной керамики из раскопок на селище Васильево 2

F i g . 30. Rare shapes of red ware pottery from Vasil'evo2

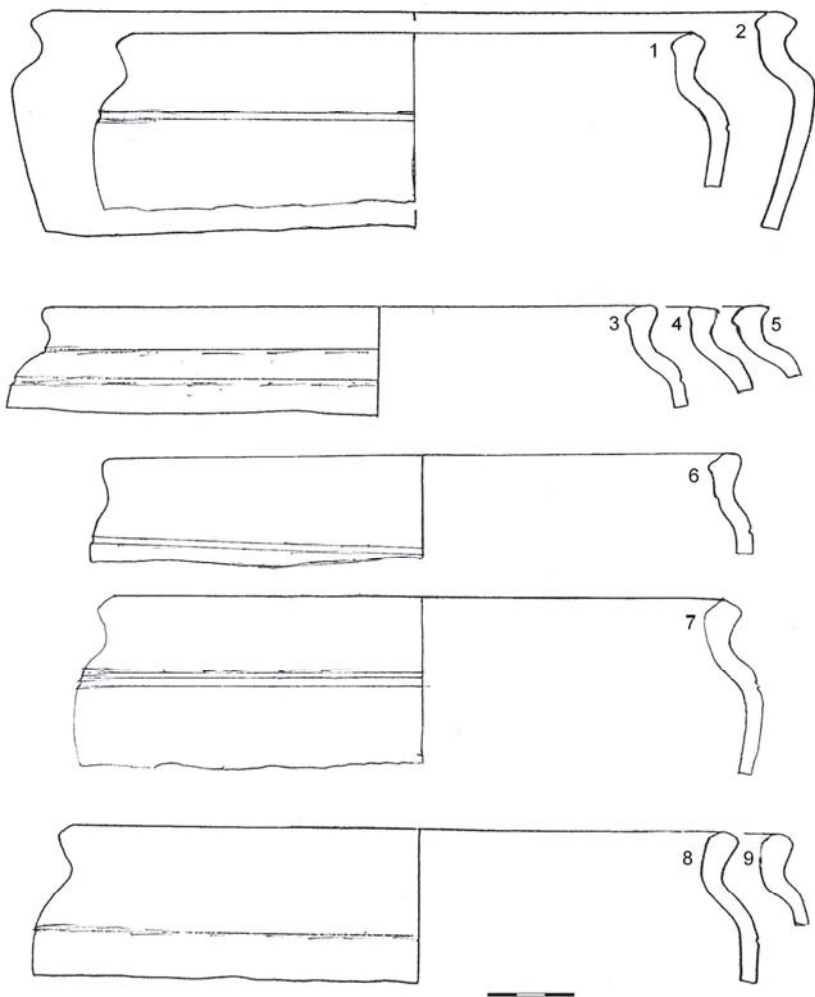

Р и с . 31. Белоглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Васильево 2

1-13 - тип 1

Fig. 31. White ware pottery from Vasil'evo 2

1-13 - type 1

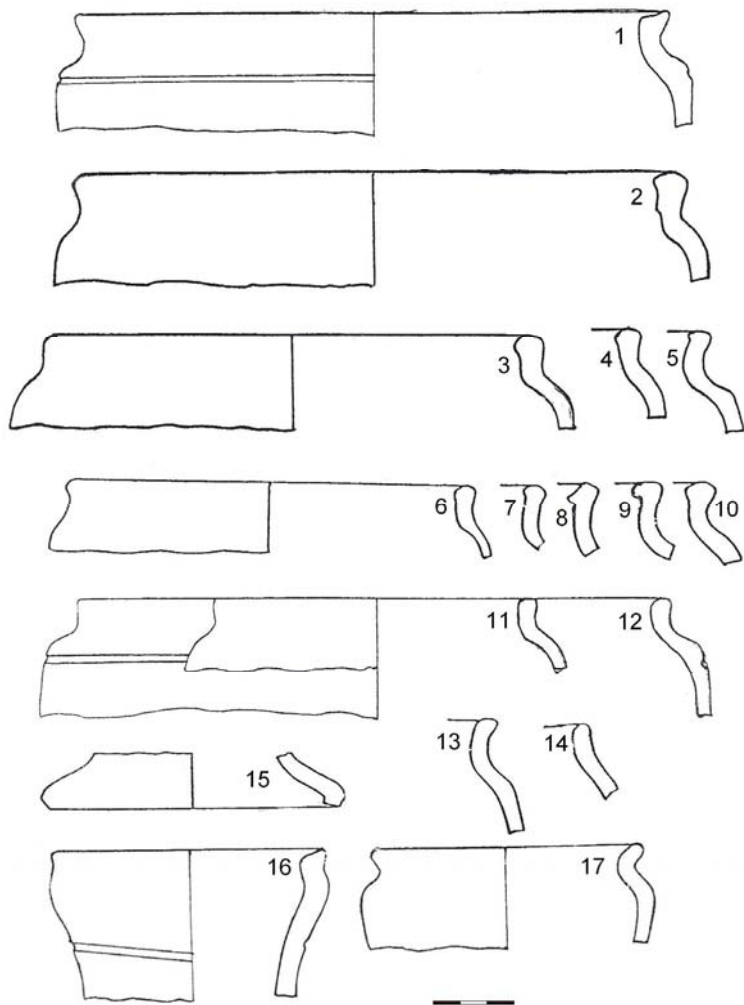
Р и с . 32. Белоглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Васильево 2

1-9 - тип 1

Fig. 32. White ware pottery from Vasil'evo 2

1-9 - type 1

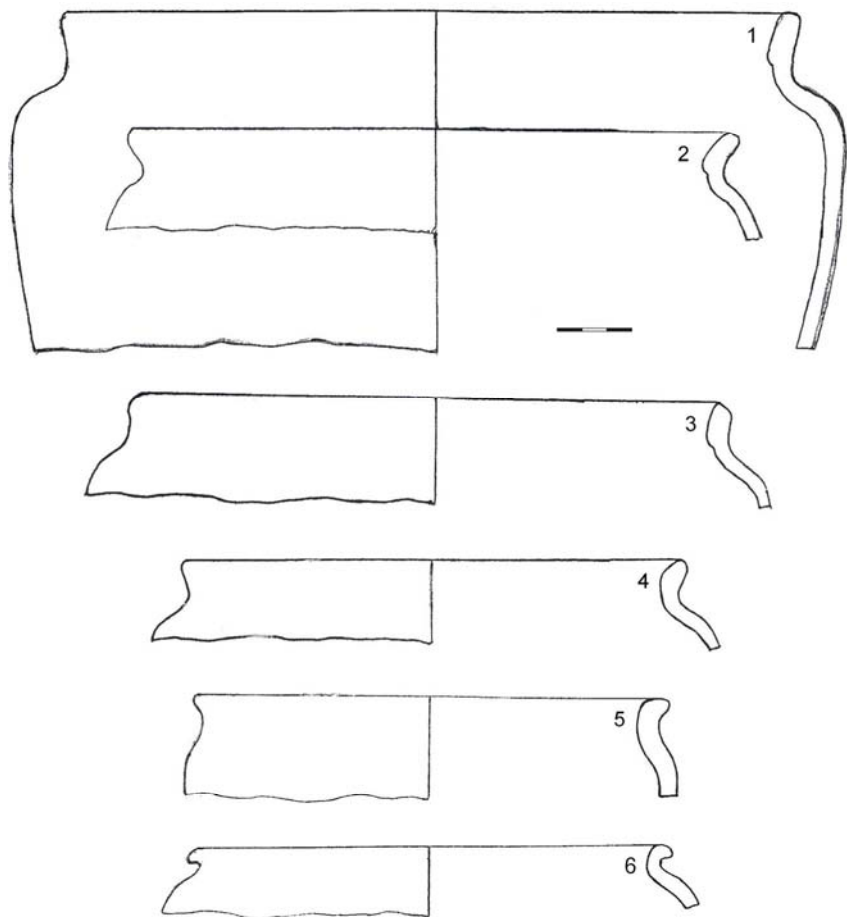

Р и с . 33. Белоглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Васильево 2

1-10 – тип 1; 11, 12, 17 – тип 3; 13, 14 – тип 2; 15, 16 – редкие формы

Fig. 33. White ware pottery from Vasil'evo 2

1-10 – type 1; 11, 12, 17 – type 3; 13, 14 – type 2; 15, 16 – rare shapes

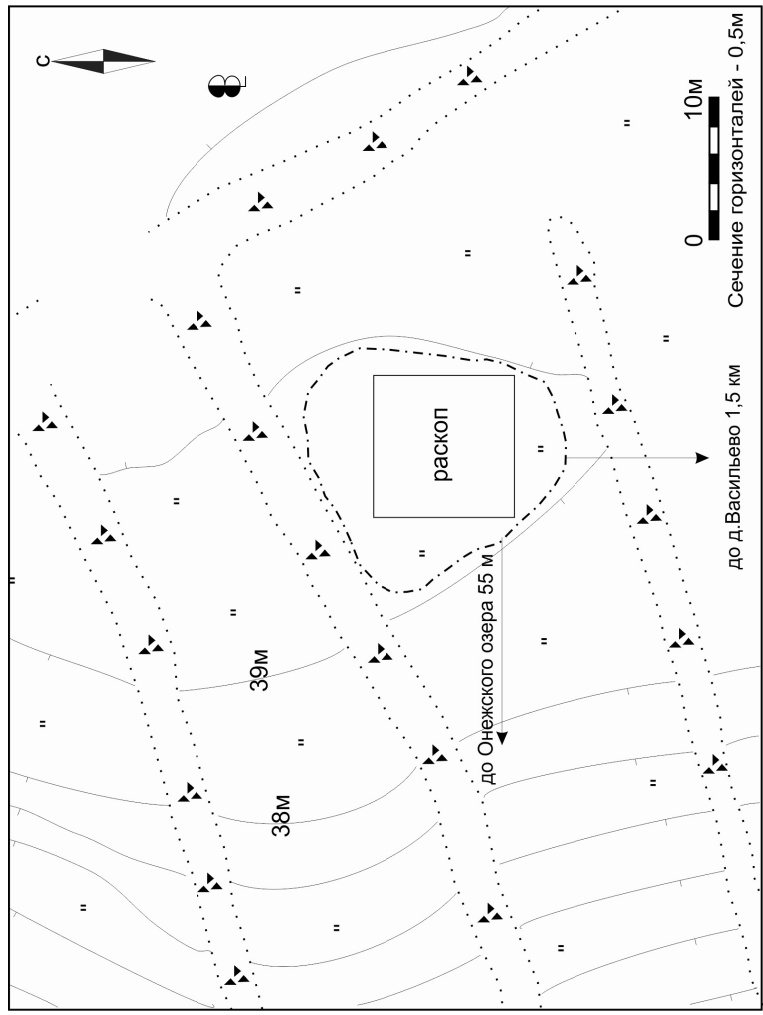

Р и с . 34. Белоглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Васильево 2

1-5 – тип 2; 6 – тип 3

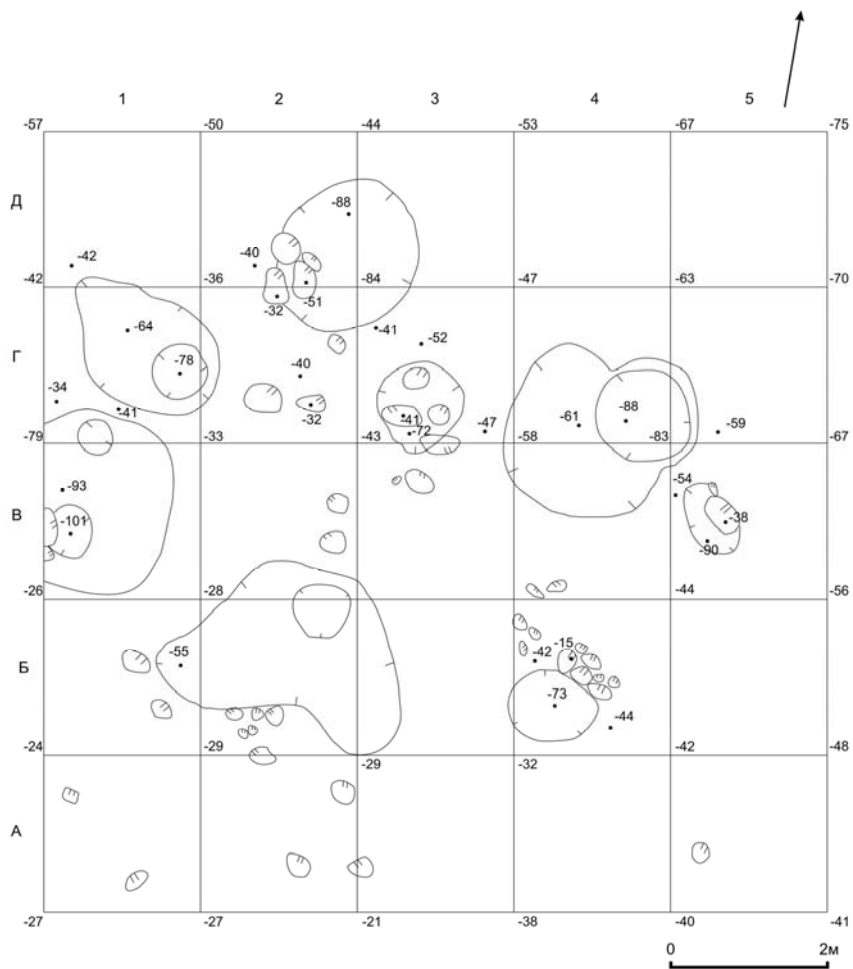
F i g . 34. White ware pottery from Vasil'evo 2

1-5 – type 2; 6 – type 3

Р и с . 35. План селища Бачурин Наволок

Fig . 35. Bachurin Navolok site. Plan

Р и с . 36. План раскопа на селище Бачурин Наволок на уровне материка
 Fig . 36. Excavation site on Bachurin Navolok. Subsoil level

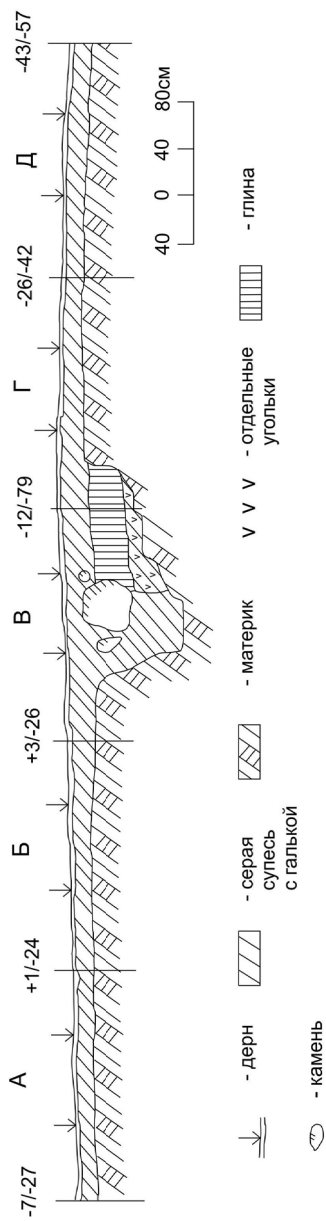
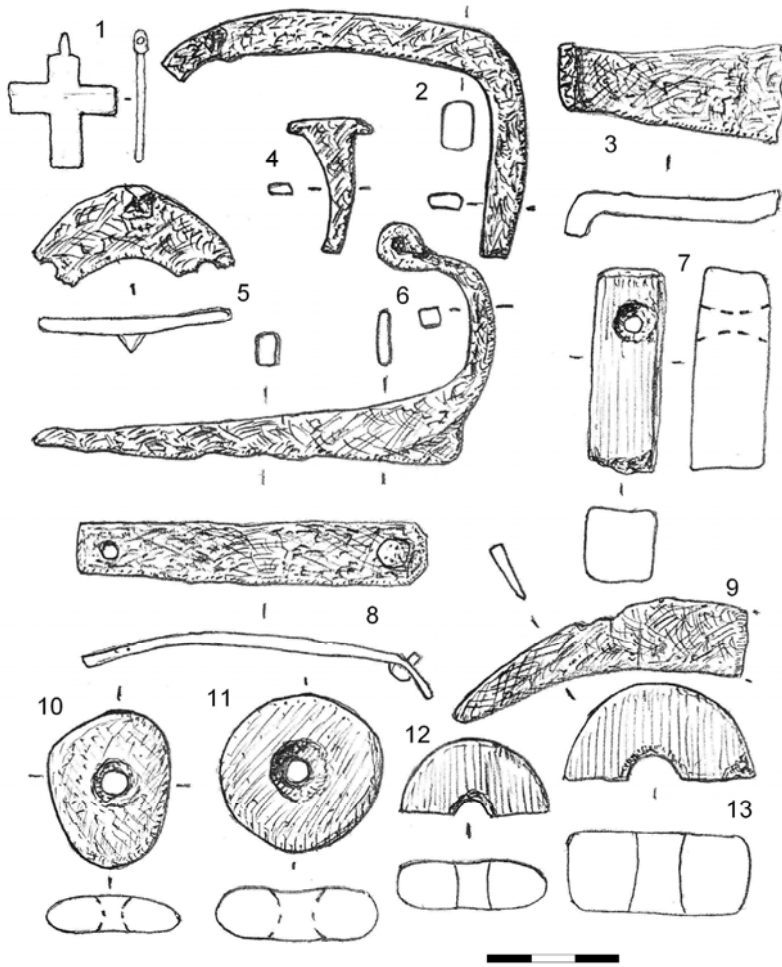

Рис. 37. Профиль западной стенки раскопа на селище Бачурин Наволок
 Fig. 37. Western profile of the excavation site on Bachurin Navolok

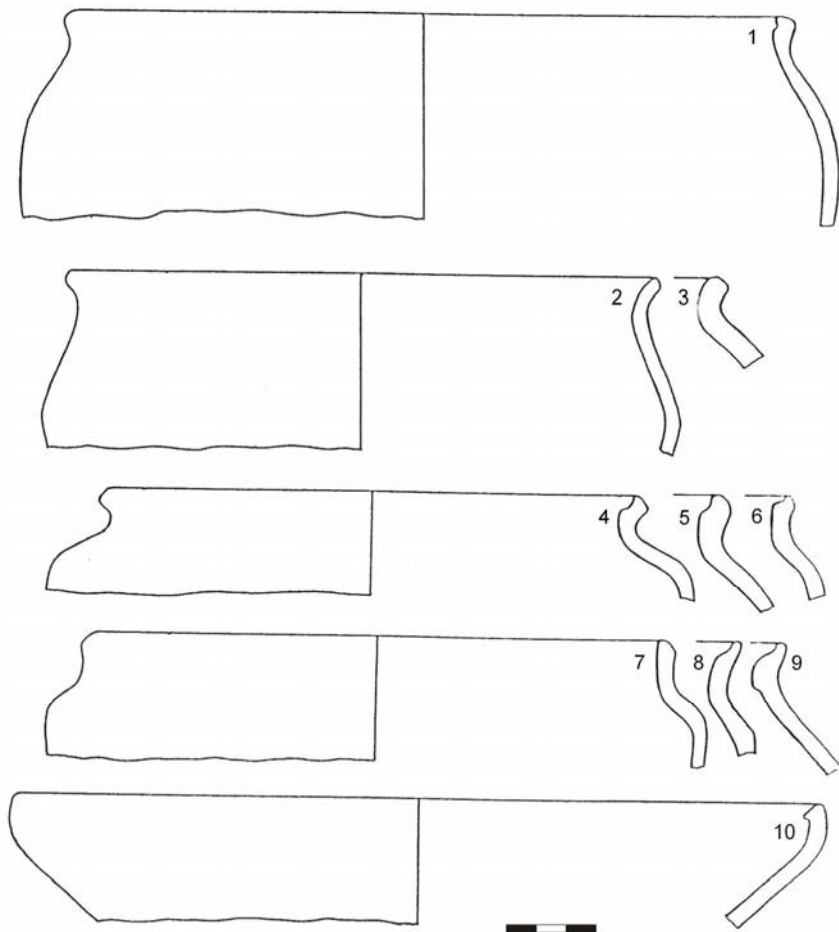

Р и с . 38. Крест-тельник (1) и хозяйственно-бытовой инвентарь из раскопа на селище Бачурин Наволок

1 – бронза; 2-6, 8,9 – железо; 7, 10-13 – камень

Fig. 38. Bearing cross and different domestic articles from Bachurin Navolok

1 – bronze; 2-6, 8,9 – iron; 7, 10-13 – stone

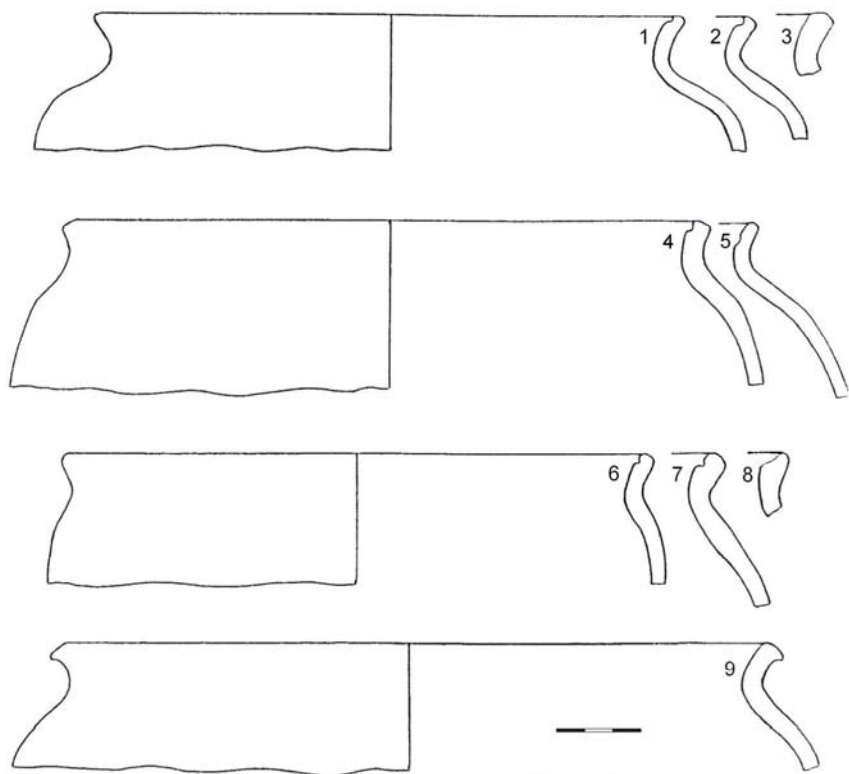

Р и с . 39. Красноглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Бачурин Наволок

1 (печь 1, кв.Г-2,3), 4-6, 8-9 - тип 5; 2,3 - тип 3; 10 - редкий

F i g . 39. Red ware pottery from Bachurin Navolok (stove pit 1)

1,2,4-8 - type 5; 3,9 - type 3

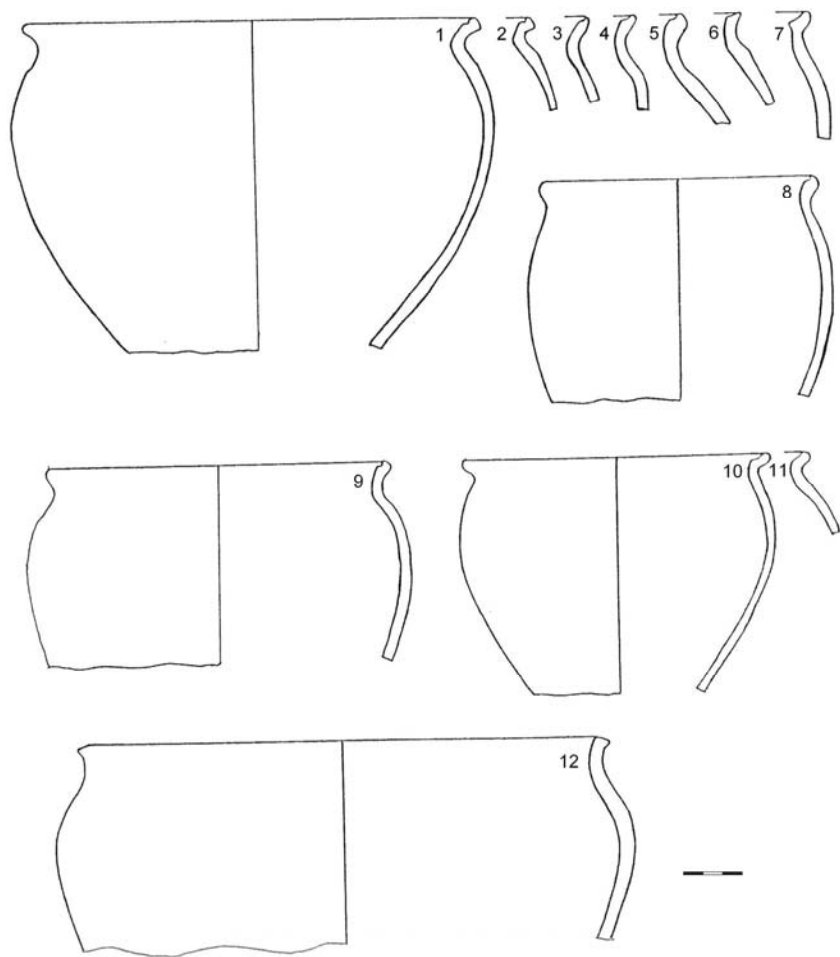
Р и с . 40. Красноглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Бачурин Наволок (печь 2, кв. В, Г-4)

1,2, 4-8 - тип 5; 3,9 - тип 3

F i g . 40. Red ware pottery from Bachurin Navolok (stove pit 2)

1,2,4,8 - type 5; 3,9 - type 3

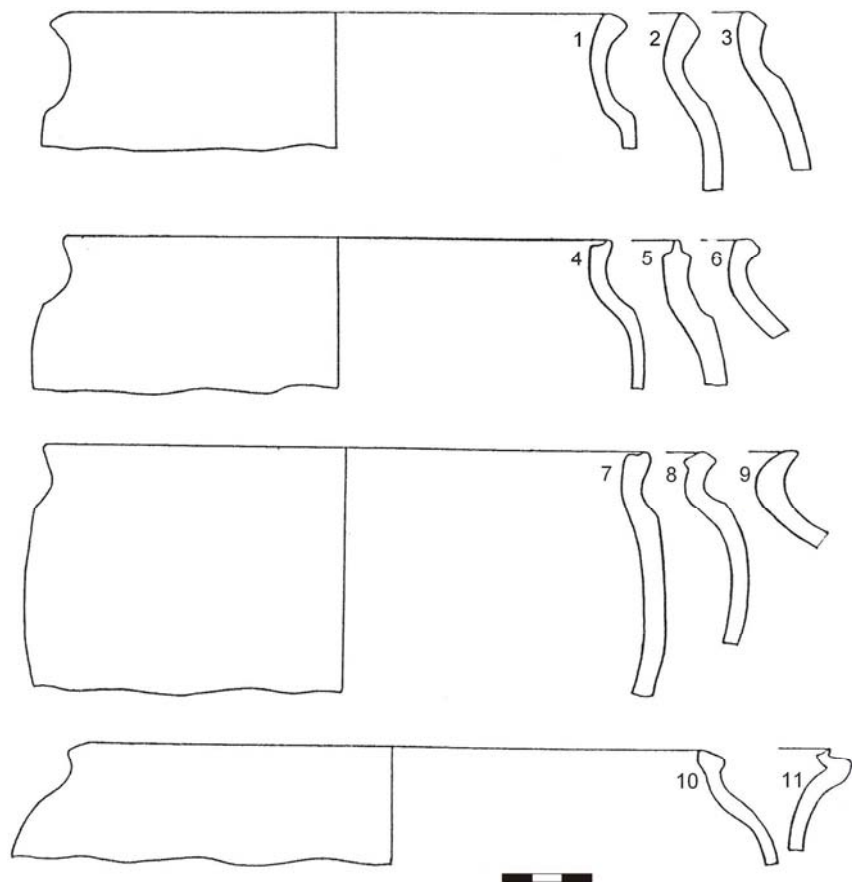

Р и с . 41. Красноглиняная гончарная керамика из раскопок на селище Бачурин Наволок (печь 3, кв. Г, Д-1)

1-11 – тип 5; 12 – тип 3

F i g . 41. Red ware pottery from Bachurin Navolok (stove pit 3)

1-11 – type 5; 12 – type 3

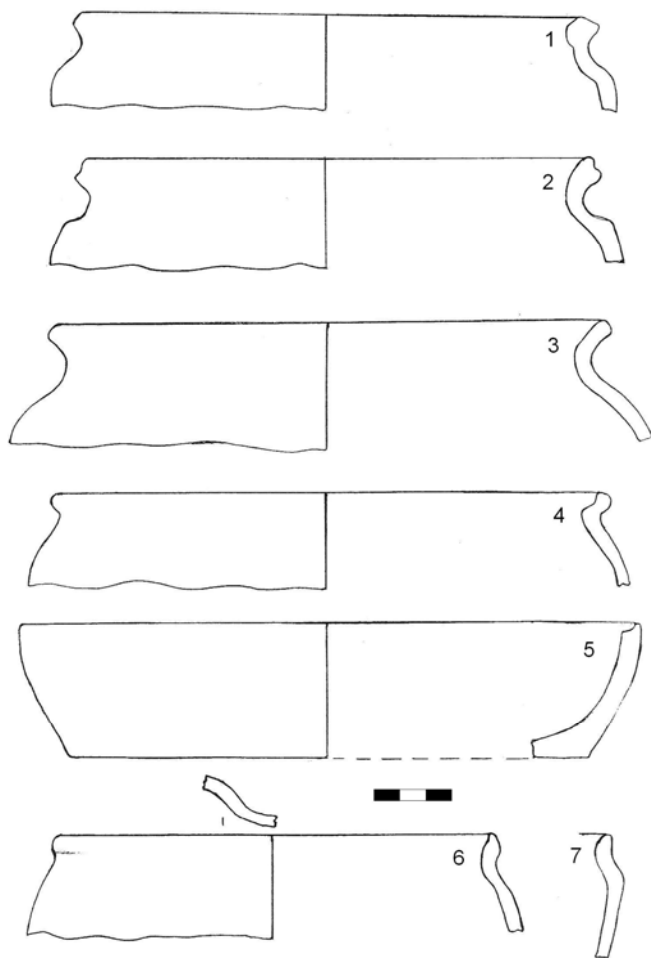

Р и с . 42. Красноглиняная (1-9) и белоглиняная (10,11) гончарная керамика из раскопок на селище Бачурин Наволок

1-3,6 - тип 3; 9 - тип 4; 4,5,7,8 - редкие; 10 - тип 1; 11 - редкий

Fig.42. Red (1-9) and white (10,11) ware pottery from Bachurin Navolok

1-3,6 - type 3; 9 - type 4; 4,5,7,8 - rare shapes; 10 - type 1; 11 - rare shape

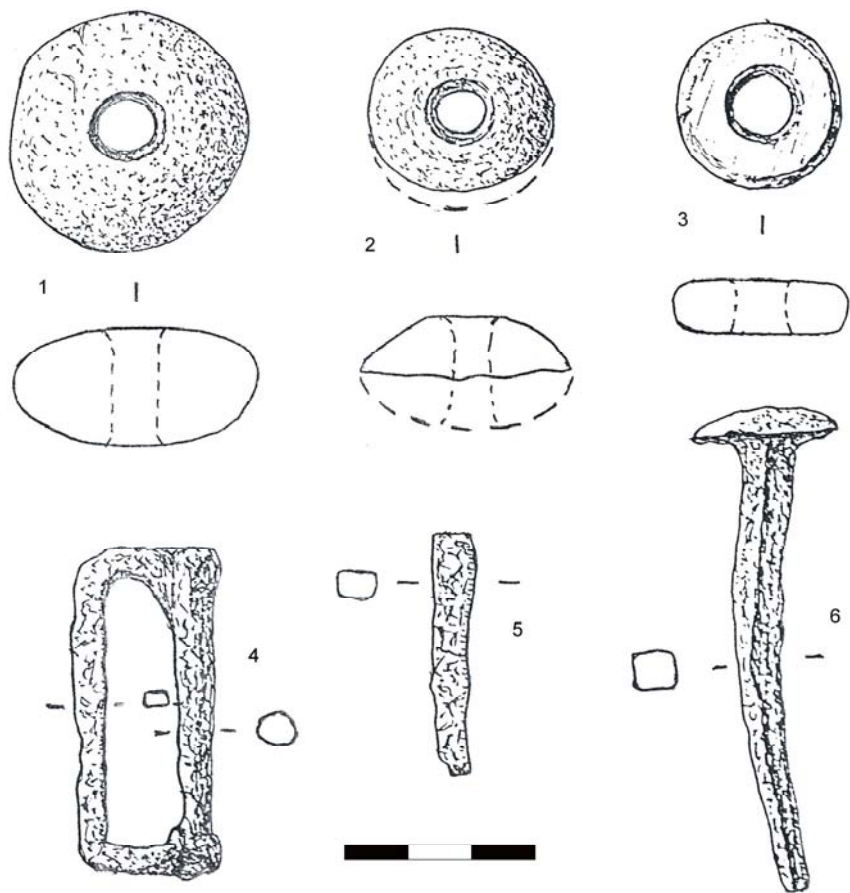

Р и с . 43. Белоглиняная (1) и красноглиняная (2-7) керамика из раскопок на селище Бачурин Наволок

1 – тип 2; 5-7 – редкие; 2,3 – тип 3; 4 – тип 5

Fig . 43. White (1) and red (2-7) ware pottery from Bachurin Navolok

1 – type 2; 5-7 – rare shapes; 2,3 – type 3; 4 – type 5

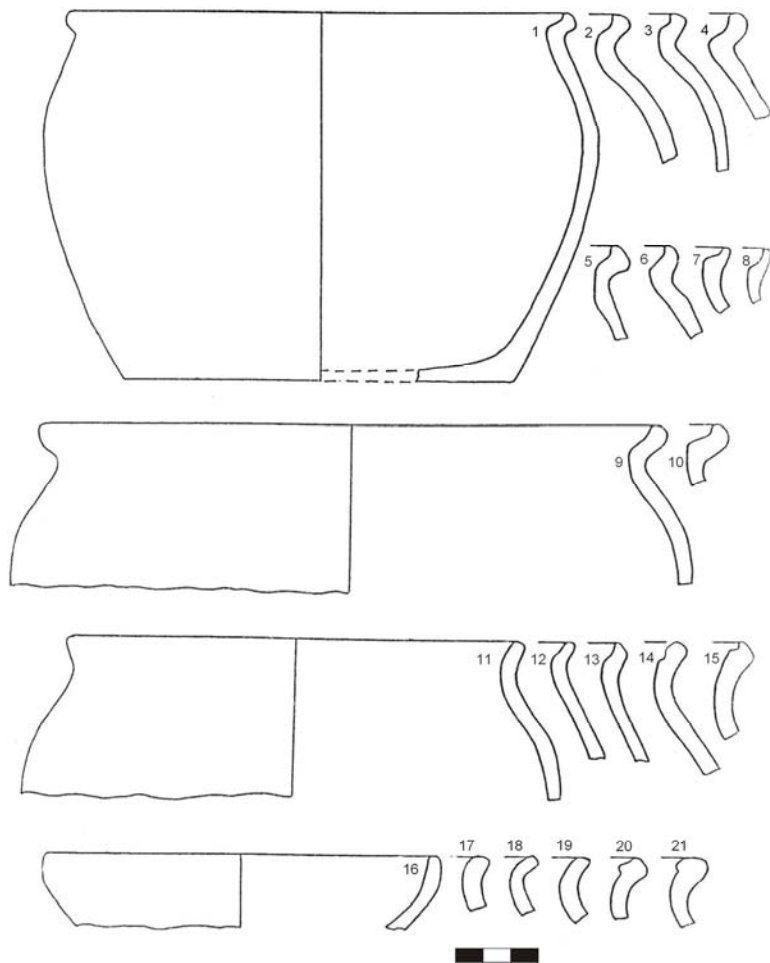

Р и с . 44. Индивидуальные находки из раскопок на селище Мальковец

1-3 - камень; 4-6 - железо

Fig . 44. Individual finds from Mal'kovets site

1-3 - stone; 4-6 - iron

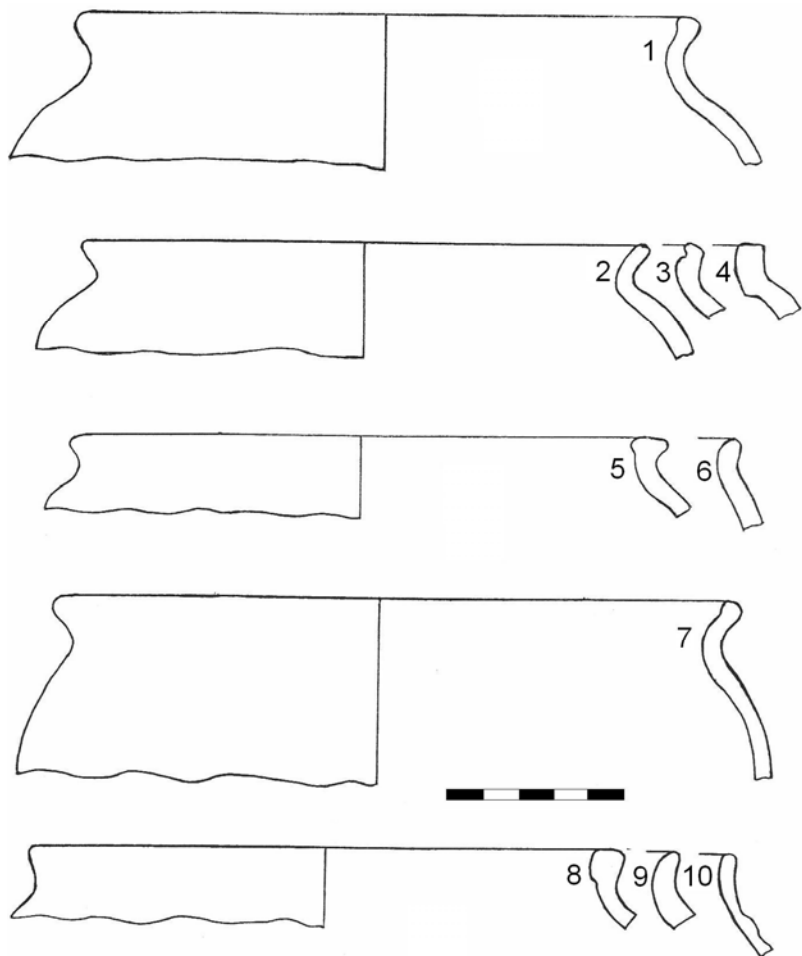

Р и с . 45. Красноглиняная (1-10, 12-19) и белоглиняная (20, 21) керамика из раскопок на селище Мальковец

1-10, 12-15 – тип 5; 11, 17-19 – тип 3; 16 – редкий; 20, 21 – тип 1

Fig. 45. Red (1-10, 12-19) and white (20, 21) ware pottery from Mal'kovets

1-10, 12-15 – type 5; 11, 17, 19 – type 3; 16 – rare shape; 20, 21 – type 1

Р и с . 46. Красноглиняная (1-3, 7, 9) и белоглиняная (4, 5, 8, 10) керамика селищ Лахта (1-4), Рогачево (5-7) и Гивес Наволок (8-10)
1, 7 - тип 2; 2 - тип 3; 3 - тип 5; 6, 9 - тип 4; 4, 5, 8 - тип 1; 10 - тип 4

Fig. 46. Red (1-3,7,9) and white (4,5,10) ware pottery Lahta (1-4), Rogachevo (5-7) and Givес Navolok sites

1, 7 - type 2; 2 - type 3; 3 - type 5; 6, 9 - type 4; 5, 8 - type 1; 10 - type 4

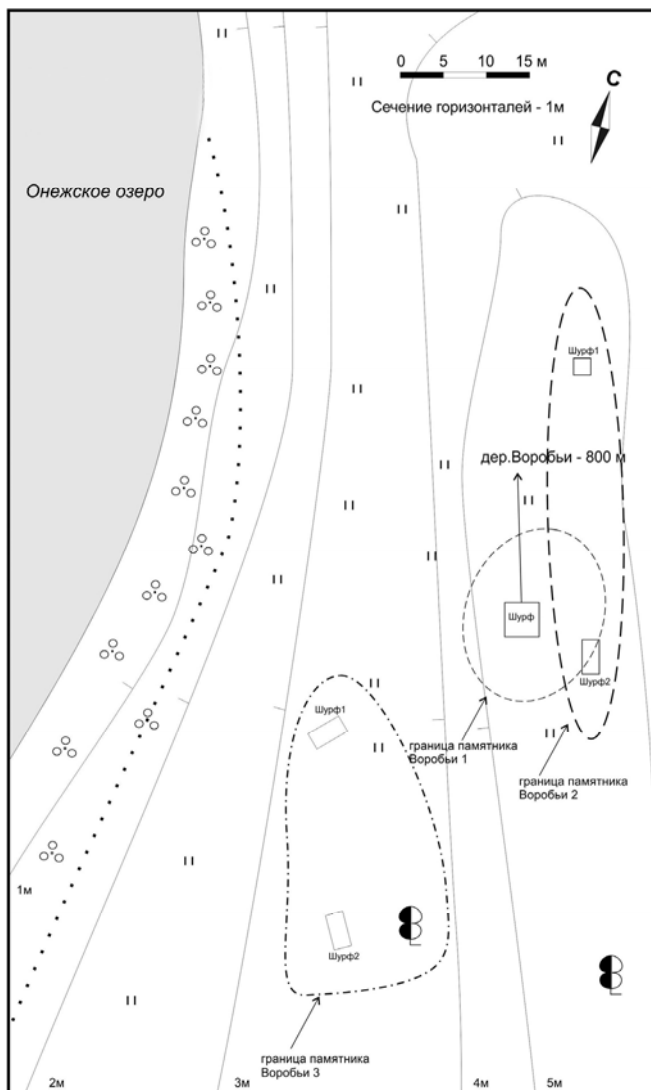
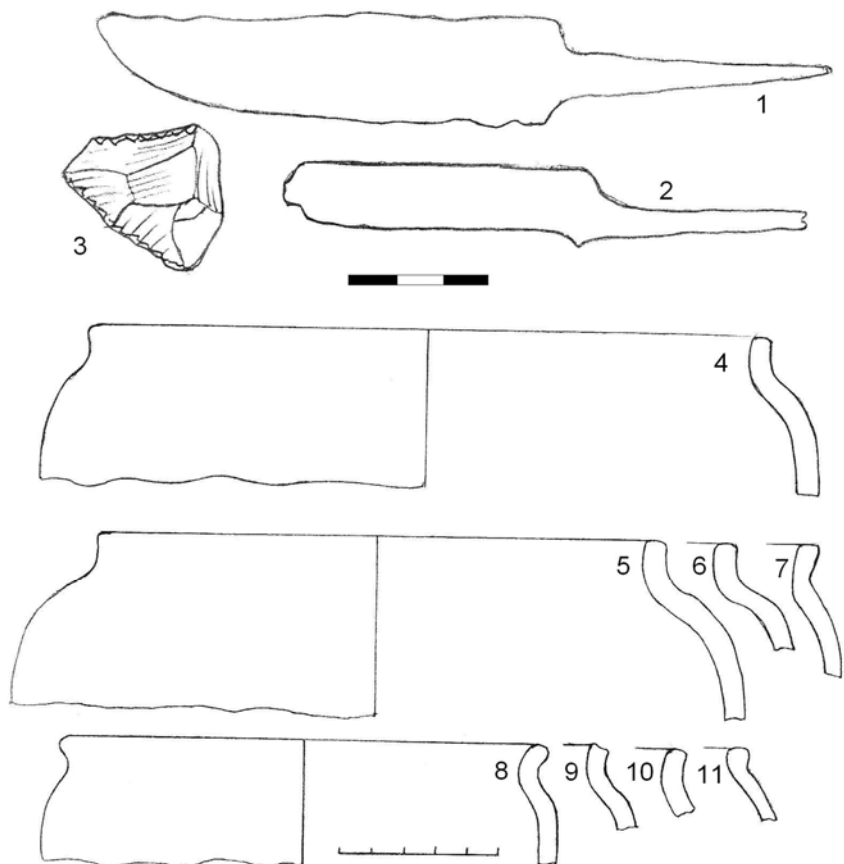

Рис. 47. План поселений Воробьи 1–3

Fig. 47. Vorob'i 1 and 3 sites. Plan

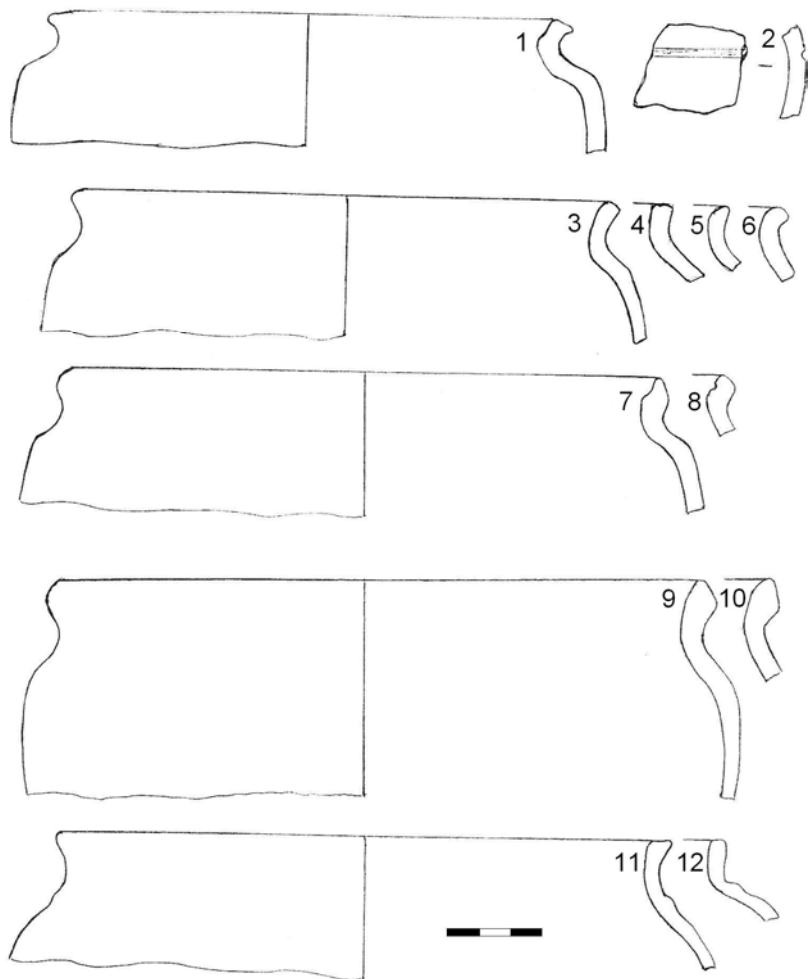
Р и с . 48. Инвентарь из раскопок на селище Воробьи 1

1,2 - железо; 3 - кремь; 4-11 - красноглиняная керамика, тип 4; 9 - тип 3

Т и п 3 F i g . 48. Finds from Vorob'i 1 site

1,2 - iron; 3 - flint; 4-11 - red ware pottery, type 4; 9 - type 3

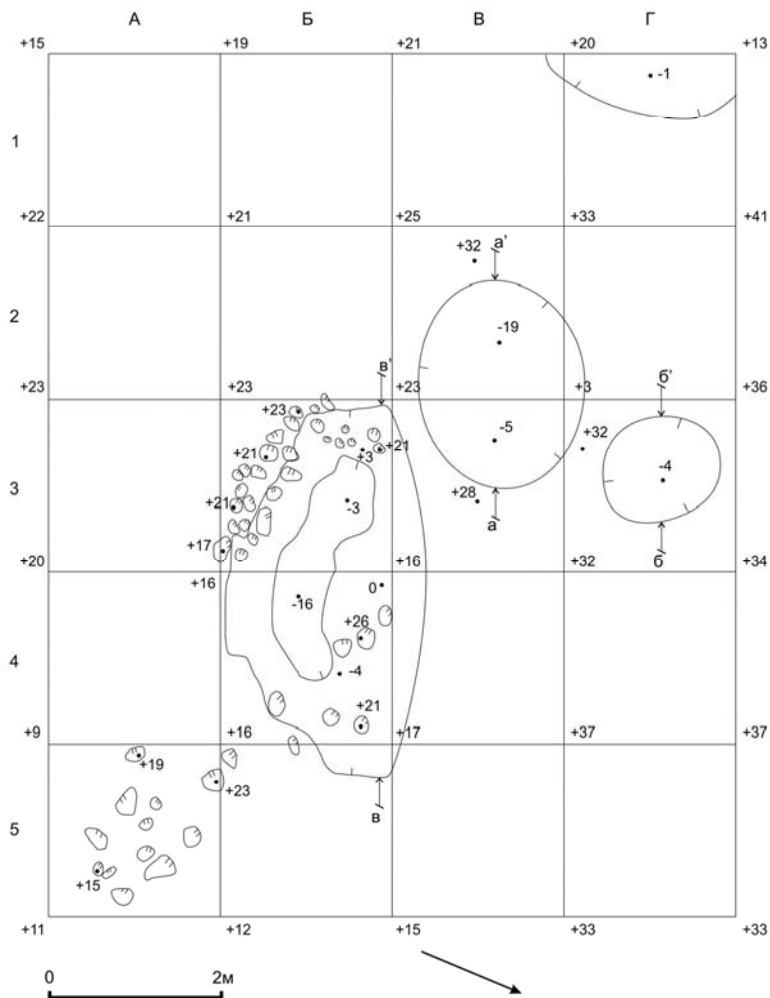
Р и с . 49. Белоглиняная (1,2,11,12) и красноглиняная (3-10) керамика из раскопок на селище Воробьи 3

1 - тип 2; 11,12 - тип 4; 3-6, 9,10 - тип 3; 7, 8 - тип 5

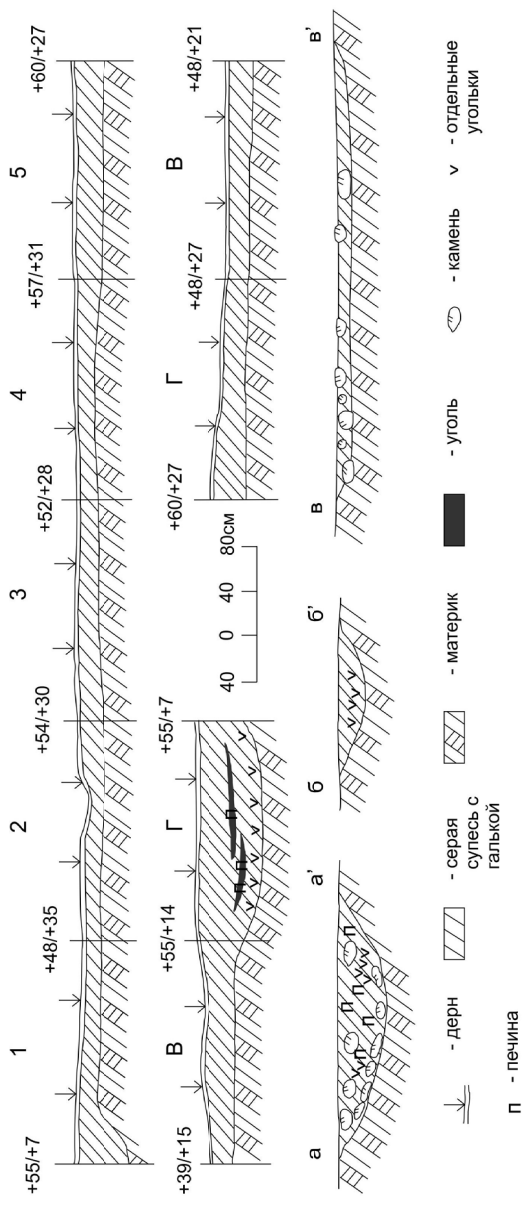
Fig. 49. White (1,2,11,12) and red (3-10) ware pottery from Vorob'i 3 site 1 - type 2; 11,12 - type 4; 3-6,9,10 - type 3; 7, 8 - type 5

Р и с . 50. План селища Керкостров 1
 Fig. 50. Kerkestrov 1 site. Plan

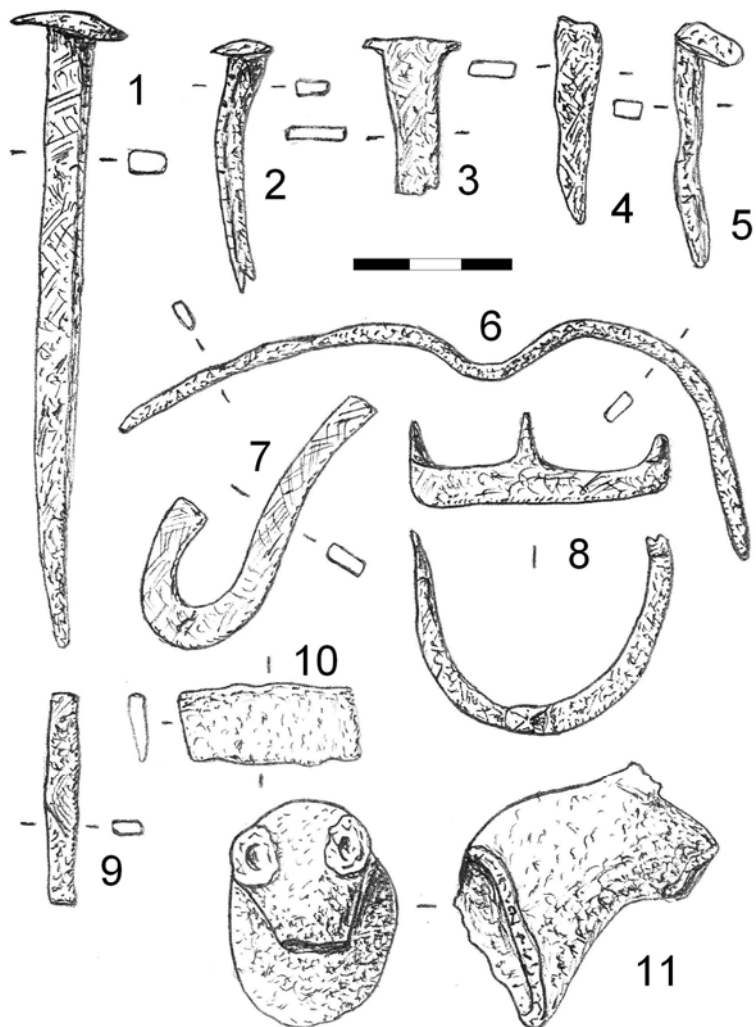

Р и с . 51. План раскопа на селище Керкостров 1 на уровне материка
 Fig . 51. Excavation site on Kerkostrov 1. Subsoil level

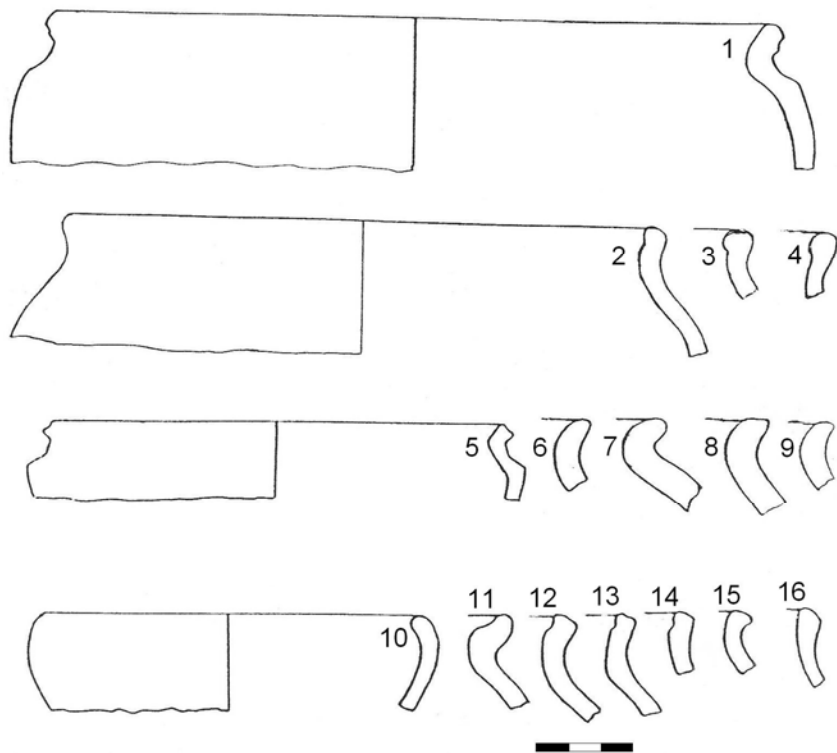
Р и с . 52. Профили стенок раскопа на селище Керкостров 1 и ям на кв. В-2, 3 (а-а') и Г-3 (б-б')

Fig . 52. Profiles of the excavation site on Kerkostrov 1

Р и с . 53. Инвентарь из раскопок на селище Керкостров 1
1-9 – железо; 10 – бронза; 11 – керамика

Fig. 53. Finds from Kerkostrov 1 site
1-9 – iron; 10 – bronze; 11 – white ware pottery

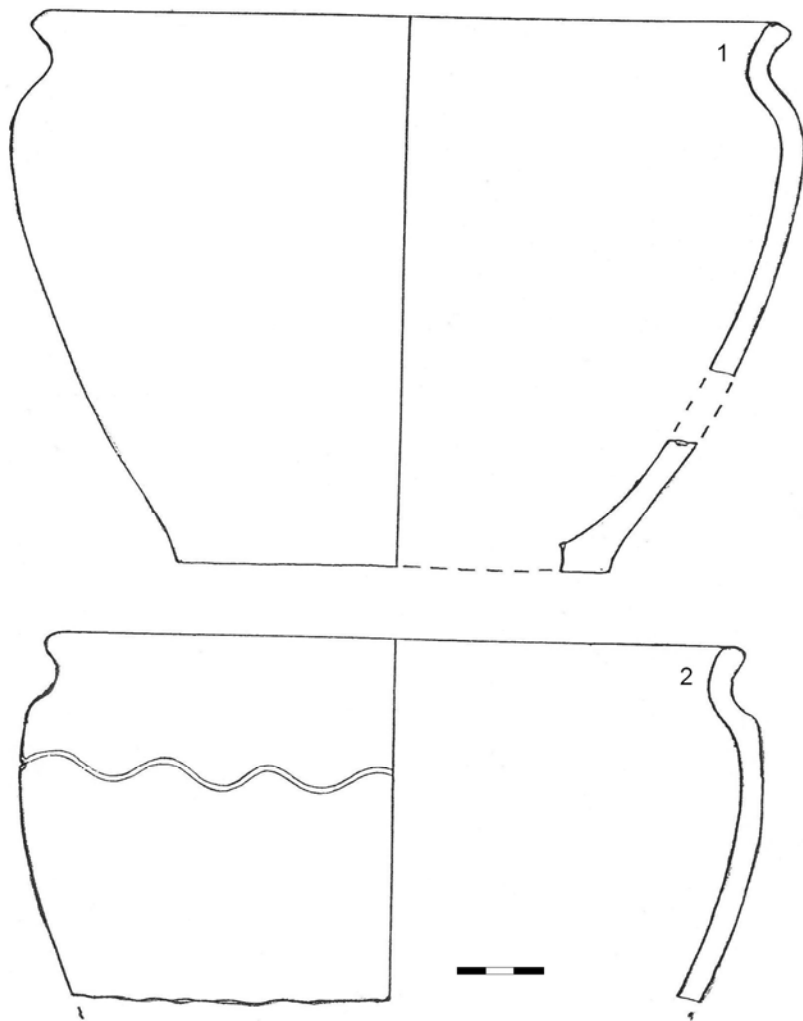

Р и с . 54. Красноглиняная керамика из раскопок на селище Керкостров I

1,15,16 – тип 3; 2-4 – тип 2; 6-9 – тип 4; 11-14 – тип 5; 5,10 – редкие

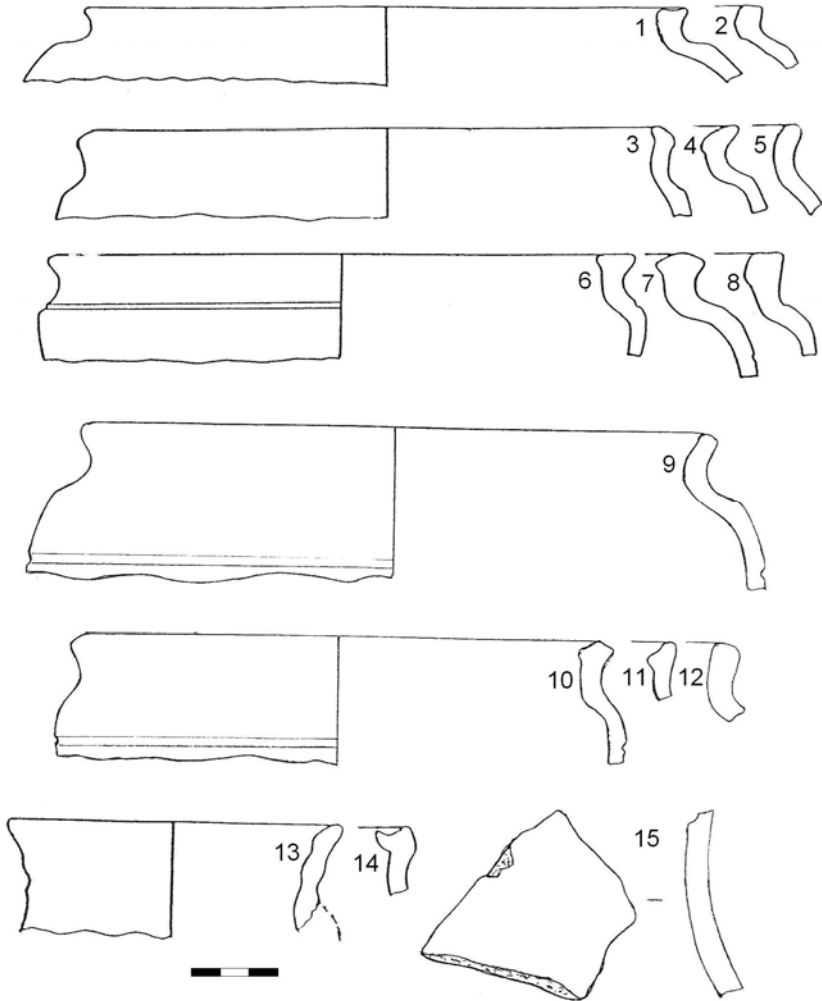
F i g . 54. Red ware pottery from Kerkostrov

1. 1,15,16 – type 3; 2-4 – type 2; 6-9 – type 4; 11-14 – type 5; 5,10 – rare shapes

Р и с . 55. Красноглиняные горшки из заполнения ямы на кв. Б-3,4 на селище Керкостров 1 (тип 3)

Fig. 55. Red ware pots from stove pit in excavation site on Kerkostrov 1. Type 3

Р и с . 56. Белоглиняная керамика из раскопок на селище Кerkостров 1
1-3, 6-8, 10, 12 – тип 1; 4, 5 – тип 2; 5, 9 – тип 3; 13-15 – редкие

Fig . 56. White ware pottery from Kerkostrov 1 site
1-3, 6-8, 10, 12 – type 1; 4, 5 – type 2; 5, 9 – type 3; 13-15 – rare shapes

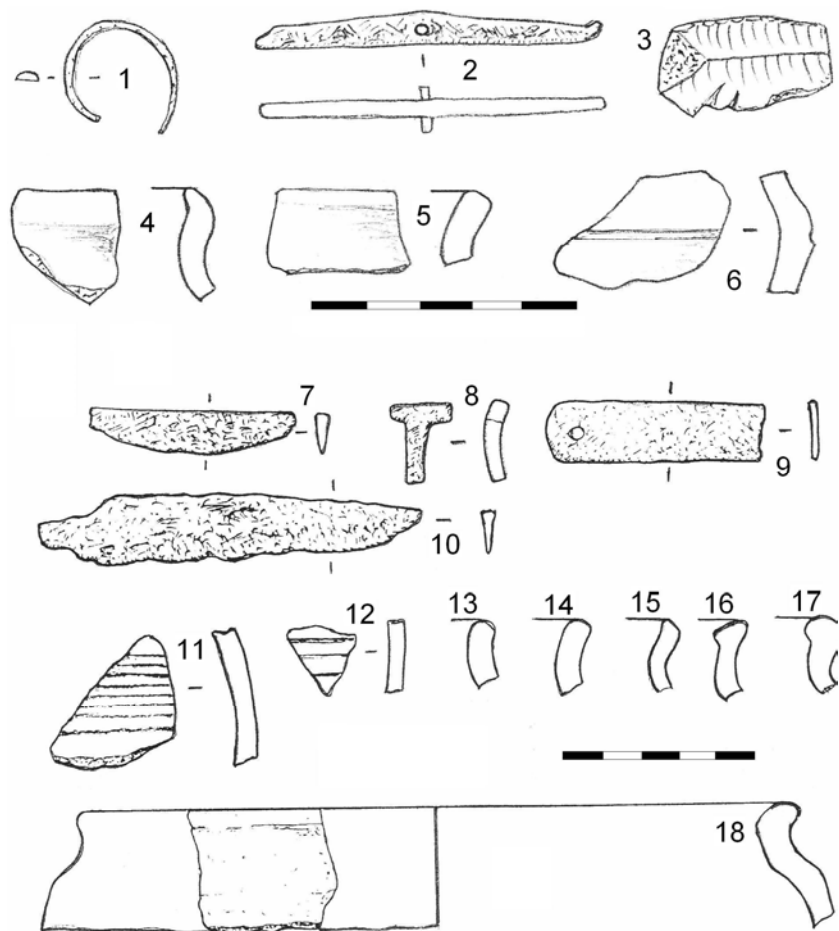

Рис. 57. Инвентарь из раскопов на селищах Керкостров 2 (1-6) и 4 (7-18)

1 - бронза; 2 - железо, бронза; 3 - кремнь; 4-6 - керамика (5 - лепная, 4 и 6 - красноглиняная и белоглиняная гончарная), 7-10 - железо, 11-18 - керамика (13, 14 - лепная, 11, 12, 15-17 - красноглиняная; 18 - белоглиняная, тип 2, гончарная)

Fig. 57. Finds from Kerkostrov 2 (1-6) and 4 (7-18) sites

1 - bronze; 2 - iron and bronze; 3 - flint; 4-6, 11-18 - ceramics

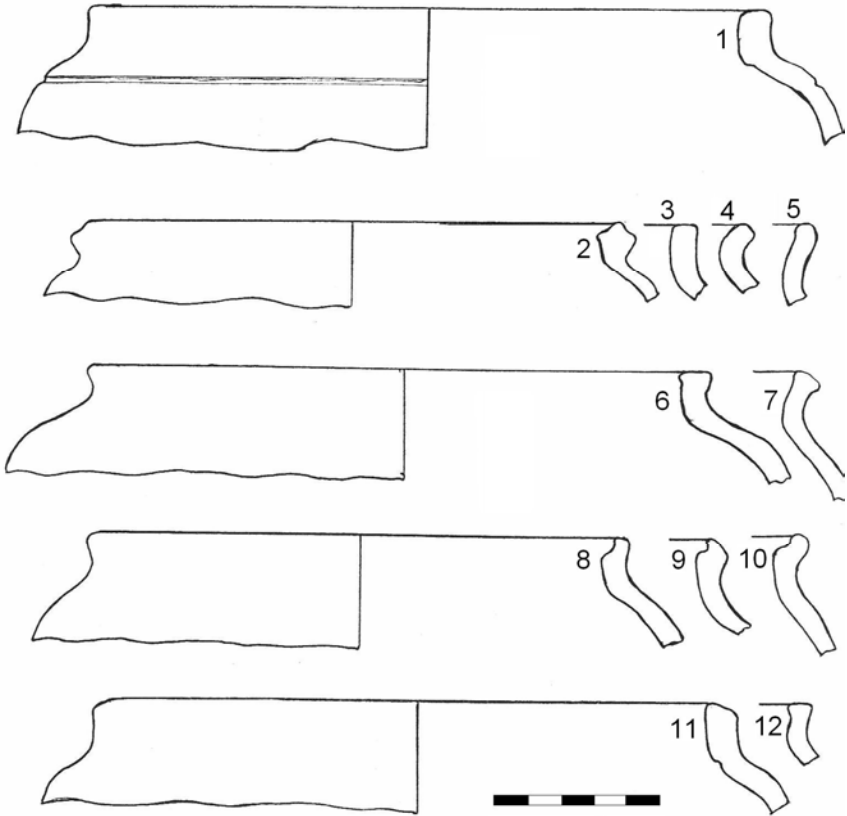

Рис. 58. Белоглиняная (1,2,11,12) и красноглиняная (3-10) керамика из сборов на селищах Сенная Губа 1 (1-10) и 2 (11,12)

1,2,11,12 - тип 1; 3,6 - тип 4; 4,7 - тип 3; 5 - тип 2; 8-10 - тип 5

Fig. 58. White (1,2,11,12) and red (3-10) ware pottery from Sennaja Guba 1 (1-10) and 2 (11,12) sites

1,2,11,12 - type 1; 3,6 - type 4; 4,7 - type 3; 5 - type 2; 8-10 - type 5

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1. Каталог средневековых поселений центра Спасо-Преображенского Кижского погоста	8
2. Общая характеристика, топография и размеры поселений	45
3. Остатки сооружений на поселениях	49
4. Инвентарь и хронология поселений	54
4.1. Раннесредневековые поселения	54
4.2. Селища периодов развитого и позднего Средневековья	57
5. Средневековые поселения как источник по истории заселения центра Спасо-Преображенского Кижского погоста	79
5.1. Репрезентативность археологических материалов. Селища и деревни писцовых книг XVI в. Хронология и динамика заселения территории	79
5.2. Археология и один социокультурный аспект заселения территории	84
5.3. Археология, палинология и хозяйственно-культурные аспекты освоения территории	87
Summary	93
Архивные источники	97
Литература	99
Иллюстрации	105

CONTENTS

Preface	5
1. Medieval archaeological sites of the St. Transfiguratin Kizhi pogost centre (catalogue)	8
2. General characteristics, topography and sizes of the settlements	45
3. Constructions remains on the settlements	49
4. Artifacts and chronology of the settlements	54
4.1. Early Medieval settlements	54
4.2. Later Medieval settlements	57
5. Medieval archaeological sites as a source on the St. Transfiguration Kizhi pogost centre mastering	79
5.1. Reliability of the archaeological sources. Archaeological sites and villages of the 16th century cadastres. Chronology and dynamics of settling the area in the Middle Ages	79
5.2. Archaeology and one social and cultural aspect of settling the area	84
5.3. Archaeology, palynology and cultural and economic aspects of mastering the area	87
Summary	93
Archive sources	97
Literature	99
Illustrations	105

Научное издание

А. М. Спиридонов, К. Э. Герман, И. В. Мельников

**ЮЖНОЕ ЗАОНЕЖЬЕ В X–XVI ВЕКАХ
(археология центра Кижского погоста)**

На первой странице обложки – раскоп на селище
Васильево 2, на обороте – печать владычного
Наместника Игната Михайловича (селище Наволок).

Подписано в печать 19.12.2012. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,86. Усл. печ. л. 9,53.
Тираж 200 экз. Изд. № 337. Заказ 100.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50